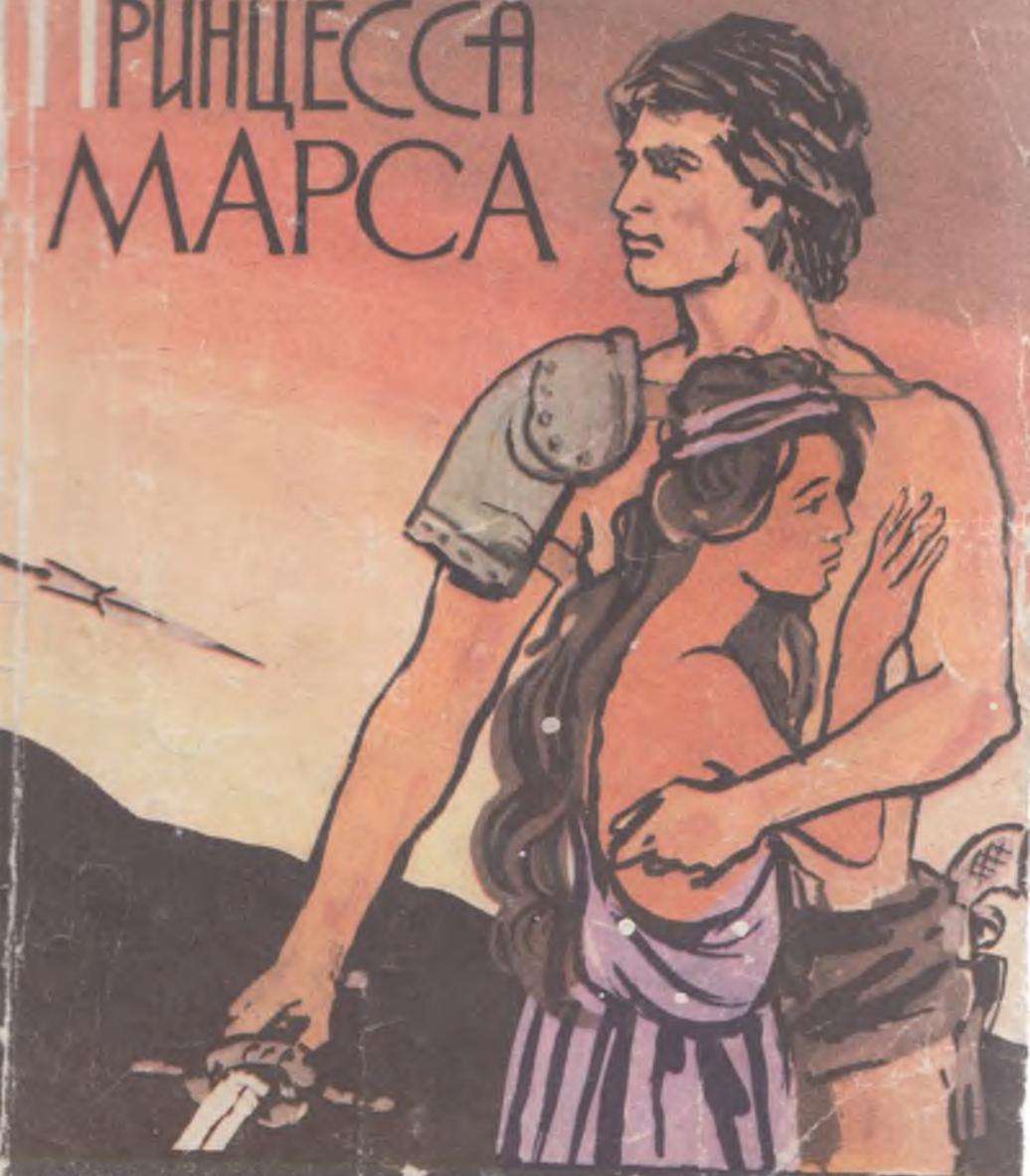

5-57
ЭДГАР БЕРРОУЗ

ПРИНЦЕССА
МАРСА

① ② ③

Эдгар Райс БЕРРОУЗ

ПРИНЦЕССА МАРСА

(Дочь тысячи джедаков)

ББК 84.7 США
Б 51

Перевод с английского Э.К.БРОДЕРСЕН
Под редакцией В.ТАТАРИНОВА

Б $\frac{4702010201-076}{082(02)-92}$ КБ-39-20-91

ISBN 5-85285-364-X

© Издательство "Советский композитор", 1992 г.
Оформление и редакция перевода.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляя вам необычную рукопись капитана Картера, я позволю себе предпослать ей несколько слов, посвященных этой замечательной личности.

Мое первое воспоминание о капитане Картере относится к немногим месяцам, проведенным им в доме моего отца в Виргинии, перед началом гражданской войны Севера и Юга. Я был тогда пятилетним ребенком, но хорошо помню высокого, смуглого, безбородого человека атлетического сложения, которого я звал дядей Джоном.

Он как будто всегда смеялся. В детские игры он вступал с тем же добродушным весельем, с каким принимал участие в развлечениях общества взрослых мужчин и дам. Он мог целыми часами сидеть с моей старой бабушкой, занимая ее рассказами о своих необыкновенных похождениях во всех частях света.

Мы все его любили, а наши слуги положительно поклонялись ему.

Он был воплощением мужской красоты. Рост его достигал шести футов и двух дюймов, плечи его были широки, бедра узки. У него была осанка тренированного спортсмена. Черты лица были чрезвычайно правильны и резко очерчены. Его коротко стриженные волосы были черными, стальные глаза были полны огня и решительности, в них отражался его сильный и прямой характер.

Манеры его были прекрасны, и он отличался изяществом, типичным для южных джентльменов высшей породы.

Его умение ездить верхом было настоящим чудом и вызывало восторг даже в этой стране великолепных наездников. Я часто слышал, как мой отец предостерегал его от неудержимой отваги, но он в ответ только смеялся, говоря, что не родилась еще та лошадь, со спины которой он упадет и разобьется.

Когда война началась, он покинул нас, и в течение пятнадцати или шестнадцати лет я его не видел. Он вернулся внезапно, и я с удивлением заметил, что он почти не постарел и не изменился ни в каком отношении. В обществе он был таким же веселым, жизнерадостным собеседником, каким мы его знали раньше, но когда он оставался наедине с собой, я видел, как он часами сидел, устремив взгляд в пространство; лицо его выражало тоску и безграничное го-

ре. Он просиживал ночи напролет, устремив взор в небеса. Лишь несколько лет спустя я узнал причину подобного поведения.

Капитан Картер рассказал нам, что после войны занимался изысканиями и разработкой копей в Аризоне. Что он добился в этом успеха, было видно по неограниченному состоянию, которое он имел. О подробностях своей жизни за этот промежуток времени он говорил очень сдержанно, вернее, совсем не желал говорить.

Он прожил с нами приблизительно год и отправился потом в Нью-Йорк; там он приобрел небольшой клочок земли на Гудзоне, где я навещал его раз в год во время моих посещений нью-йоркского рынка — мой отец и я в это время имели целый ряд небольших магазинов в Виргинии. Капитан Картер владел маленьким, но красивым коттеджем, расположенным на возвышенности, с хорошим видом на реку. Во время одного из моих посещений я заметил, что он нередко в тишине своей библиотеки предавался такому непривычному для него занятию, как я теперь полагаю, работал над этой самой рукописью.

Тогда же он сказал мне, что в случае какого-нибудь несчастья с ним, он хотел бы, чтоб я распорядился его имуществом. Капитан дал мне ключ от негоряемого шкафа в его кабинете, где я найду завещание и некоторые указания, которыми он просил меня руководствоваться с абсолютной точностью.

Отправляясь спать, я видел из своего окна, как он стоял, озаренный лунным светом, на небольшом холме с простертыми к небу руками. Мне показалось, что он молился, хотя я никогда не считал его религиозным.

Несколько месяцев спустя, когда я вернулся домой после моего последнего визита, первого марта 1886 года я получил телеграмму с просьбой немедленно приехать к нему. Хотя он хорошо относился ко всем членам нашей семьи, я всегда был его подлинным любимцем; немудрено, что я поспешил исполнить его просьбу.

Утром четвертого марта я прибыл на маленькую станцию, расположенную на расстоянии одной мили от его поместья. Когда я попросил лакея отвезти меня к капитану Картеру, он сообщил мне печальную весть: сегодня ранним утром сторож соседнего имения нашел капитана мертвым.

По ряду причин эта весть не очень поразила меня, но я поспешил в поместье, чтобы позаботиться о его теле и делах.

В маленьком кабинете Джона Картера я увидел сторожа, полицию и нескольких незнакомых мне горожан. Сторож подробно рассказывал, как он нашел тело, которое еще не успело остыть. Капитан лежал на снегу, с руками, вытянутыми над головой. Лежал он на краю берега. Когда сторож показал это место, меня озарила мысль, что именно здесь я видел Джона Картера ночью с простертыми в мольбе к небу руками.

На теле капитана не было следов насилия и, с помощью местного врача, следователь быстро выдал удостоверение, что смерть последовала от разрыва сердца. Оставшись один в кабинете, я открыл негоряемый шкаф и извлек содержимое того ящика, в котором должен был найти инструкции. Они были несколько странные, но я постарался выполнить их как можно добросовестнее во всех подробностях.

Капитан просил, чтобы я перевез, не бальзамируя, его тело в Виргинию и положил в открытом гробу в склеп, который он сам выстроил и который, как я узнал позже, был снабжен хорошей вентиляцией. Согласно его распоряжению, я должен был сам проследить, чтоб все было сделано так, как он хотел, и сохранено в тайне, если это будет нужно.

Своим состоянием он распорядился следующим образом: в течение двадцати лет я буду получать весь доход с поместья, а потом оно полностью перейдет ко мне. Дальнейшие распоряжения касались этой рукописи, которую я не должен был распечатывать и читать одиннадцать лет. Я имел право огласить ее содержание только через двадцать один год после его смерти.

Гробница, в которой лежало тело капитана, имела ту особенность, что ее массивная дверь запиралась одним огромным позолоченным пружинным замком, который отпирался **ТОЛЬКО ИЗНУТРИ.**

... С того памятного утра пролетели годы, истек срок, названный дядей Джоном в его завещании, и я наконец предоставляю вашему вниманию полную невероятных приключений рукопись капитана Картера.

Искренне преданный вам
Эдгар Берроуз

1. В ГОРАХ АРИЗОНЫ

Мне очень много лет; сколько — я сам не знаю. Быть может, сто, а возможно, и больше. Точно ответить не могу, так как я никогда не старился, подобно другим людям, и детство тоже не удержалось в моей памяти. Насколько я припоминаю, я всегда был мужчиной в возрасте около тридцати лет. Вид у меня теперь точно такой же, как сорок лет назад, и все же я чувствую, что вечно жить я не буду, что в один “прекрасный” день умру реальной смертью, после которой нет воскрешения. Я не знаю, почему боюсь смерти, ведь я умирал дважды — и все еще жив. И все-таки я ощущаю перед ней такой же ужас, как и вы, которые не умирали ни разу, и мне думается, что именно этот страх смерти внушает мне такое твердое убеждение в ее неотвратимости.

И вот, в силу глубочайшего внутреннего убеждения, я решил написать повесть о самых захватывающих моментах своей жизни и смерти. Объяснить эти сверхъестественные происшествия я не могу; я могу лишь изложить простыми словами обыкновенного искателя приключений хронику странных происшествий, случившихся со мной за десять лет, в продолжение которых мое бездыханное тело лежало никем не обнаруженное в одной из пещер Аризоны.

Я никогда никому не рассказывал этой истории, и ни один смертный не увидит эту рукопись, пока я не отойду в вечность. Я знаю, что средний человеческий ум не верит тому, чего он не в состоянии постигнуть, и потому нисколько не буду поражен, если общество, ученый мир и пресса осмеют меня, и я прослышу лжецом, а между тем, я сообщу здесь лишь весьма простые истины, которые когда-нибудь будут признаны наукой. Может быть, сведения, добытые мною на Марсе, и все данные, которые я впишу в эту хронику будут способствовать тому, что человечество скоро узнает тайну родственной нам планеты, тайну, которая, впрочем, для меня уже давно раскрыта.

Мое имя — Джон Картер, но я более известен как капитан Картер из Виргинии. По окончании гражданской войны я оказался обладателем нескольких сот тысяч долларов (к сожалению, в конфедератской валюте) и чином капитана кавалерийского эскадрона уже несуществующей армии, слугой государства, исчезнувшего вместе с надеждами Юга. Итак, без службы, без родины, совершенно разоренный, обладая единственным средством к существованию — готовностью к борьбе — я решил направиться на юго-запад страны и попытаться там в поисках золота восстановить свое состояние.

В этих поисках я провел около года в обществе другого офицера Конфедерации, капитана Джемса К.Поуэля из Ричмонда. Нам чрезвычайно повезло, — в конце зимы 1865 года, после целого ряда неудач, мы нашли богатейшую золотоносную кварцевую жилу, которой не могли представить себе даже в самых дерзновенных мечтах. Поуэль, горный инженер по образованию, определил, что за три месяца мы нашли золота на сумму свыше миллиона долларов.

Наша экипировка была крайне примитивной, и нам стало ясно, что один из нас должен вернуться в цивилизованный мир, чтобы

закупить необходимые машины и нанять достаточное количество людей для разработки копи.

Так как Поуэль хорошо знал местность и был отлично осведомлен в вопросах горного дела, то мы решили, что экспедицию эту должен совершить он. Я же должен был оставаться на страже нашей жилы и оберегать ее от захвата каким-нибудь странствующим искателем.

Третьего марта 1866 года мы навьючили на двух осликов багаж Поуэля и распрощались. Он сел на лошадь и стал спускаться по горному хребту в долину, через которую лежал его путь.

Утро, в день отъезда Поуэля, было, как обычно в Аризоне, ясное. Я следил взором за ним и его маленькими вьючными животными, спускавшимися с откоса горы вниз к долине. Они мелькали перед моими глазами, то отступая немного назад и вверх, то появляясь на ровном плоскогорье. В последний раз я видел Поуэля около трех часов пополудни, когда он вступил в тень горной цепи, видневшейся по ту сторону долины.

Спустя полчаса я случайно бросил взгляд в сторону долины и был чрезвычайно изумлен при виде трех маленьких точек, черневших в том месте, где я видел в последний раз своего друга и двух его осликов. Я не склонен к излишней мнительности, но чем больше я старался убедить себя, что с Поуэлем все обстоит благополучно, и что точки, которые я видел двигающимися по его следам, были антилопы или дикие лошади, тем меньше мне это удавалось.

С тех пор, как мы вступили на эту территорию, мы не встретили ни одного враждебного индейца, и потому беззаботность наша дошла до крайнего предела. Мы высмеивали все слышанное нами об этих хищных мародерах, якобы шнырявших по горным тропам, где они жадно выслеживали добычу. По рассказам, они подвергали жесточайшим мучениям всякого белого, попавшего в их беспощадные когти.

Я знал, что Поуэль прекрасно вооружен и, кроме того, обладает большим опытом в схватке с индейцами; но я жил в течение ряда лет на севере, где мне неоднократно приходилось сталкиваться с сиуксами, и мне было ясно, что шансы его против шайки хитрых апачей весьма слабы. В конце концов, состояние неизвестности стало для меня нестерпимым; вооружившись двумя револьверами Кольта и карабином, я вскочил на верховую лошадь и направился по следам Поуэля.

Как только я въехал на более или менее ровную дорогу, я пустил свою лошадь галопом и, таким образом, продолжал свой путь, поскольку это представлялось возможным, до самых сумерек. Было уже почти темно, когда я вдруг заметил какие-то следы, присоединившиеся к следам Поуэля. Это были следы трех неподкованных жеребцов и видно было, что они мчались галопом.

Я стремительно летел вперед, пока не наступила полная темнота, вынудившая меня дожидаться восхода луны. В ожидании мне оставалось только углубиться в размышления о целесообразности моей погони. Возможно, что я сам, подобно нервной женщине, придумал несуществующие опасности, и что при встрече с Поуэлем все мои опасения разрешатся громким смехом. Однако я не был склонен к излишней чувствительности, а чувство долга, к чему бы

оно ни вело, было для меня своего рода фетишем на протяжении всей моей жизни. Возможно, именно этому принципу я обязан всеми почестями, которыми удостоили меня в дальнейшем три республики, а равно и орденами, и дружеским расположением, которым дарил меня старый могущественный император, а также и некоторые другие, менее именитые властители, на службе у которых я состоял.

Около девяти часов луна светила уже достаточно ярко, и я мог продолжить свой путь. Без особого труда я довольно быстро продвигался вперед по тропинке, местами пуская коня легкой рысью. Около полуночи я добрался до водоема, у которого, как я знал, Поуэль предполагал сделать привал. Я выехал на это место неожиданно для себя и нашел его совершенно пустынным, без малейших признаков недавнего пребывания здесь человека.

Я заметил, что следы преследующих всадников, — а в том, что это были преследователи, я был теперь абсолютно убежден, — шли все время за следами Поуэля, лишь с коротким перерывом на остановку у водоема, и все время скорость их движения оставалась равной скорости движения Поуэля.

Теперь я знал совершенно определенно, — что преследователи были апачи, и что они намеревались захватить Поуэля живым, чтобы насладиться его мучениями. Поэтому, несмотря на опасность дороги, я галопом погнался коня в надежде догнать краснокожих варваров раньше, чем они настигнут моего друга.

Дальнейшие мои размышления были прерваны отзвуком выстрелов, раздавшихся далеко впереди меня. Я понял, что в данный момент Поуэль нуждается во мне больше, чем когда-либо, и я немедленно пустил лошадь бешеным карьером вверх по узкой горной тропе.

Я проскакал целую милю или даже больше, не слыша ни звука. Внезапно тропинка оборвалась и перешла в небольшое открытое плоскогорье, вблизи которого возвышалась вершина горы. Чтобы выбраться на это плоскогорье, мне пришлось преодолеть узкий проход, у конца которого я остановился, как вкопанный, так как зрелище, представившееся теперь моим глазам, наполнило мою душу изумлением и ужасом.

Небольшая полоска равнины сплошь белела индейскими шатрами. Посредине лагеря с полтысячи краснокожих воинов сгрудились вокруг какого-то предмета. Внимание их было приковано к нему настолько, что они не заметили моего приближения, и я мог бы с легкостью повернуть назад под темные своды ущелья и, таким образом, ускользнуть от них. Однако то обстоятельство, что мысль эта возникла у меня лишь на другой день, лишает меня права на звание героя, которым, в противном случае, повествование об этом эпизоде могло бы меня наградить.

Не думаю, что я был создан из материала, из которого делаются герои, так как из всех тех многочисленных случаев, когда вольные мои поступки ставили меня лицом к лицу со смертью, я не могу припомнить ни одного, когда возможность иного образа действия, нежели предпринятый мною, открылась бы мне ранее, чем через много часов. Разум мой, по-видимому, устроен таким образом, что я подсознательно следуя велению чувства долга, не прибегая к

утомительным мозговым процессам. Во всяком случае, я никогда не сожалел, что трусость не является принадлежностью моей природы.

В эту минуту я, конечно, понял, что центром всеобщего внимания был не кто иной, как Пуозель. Что последовало раньше — мысль или поступок — я не знаю, но через мгновение я выхватил из-за пояса свой револьвер и стал быстро посылать выстрел за выстрелом в самую гущу краснокожей толпы, издавая в то же время дикие крики изо всей силы своих легких. В моем положении я вряд ли мог придумать что-нибудь лучшее, так как ошеломленные неожиданностью краснокожие, в полной уверенности, что их настиг целый отряд регулярной армии, бросились врассыпную за своими луками, стрелами и карабинами.

Зрелище, представившееся теперь моим глазам, заставило похолодеть кровь в жилах. Под яркими лучами аризонской луны лежал Пуозель; тело его было покрыто густой щетиной вражеских стрел. В том, что он уже был мертв, не могло быть ни малейшего сомнения, и все же я решил спасти его тело от поругания, как если бы дело шло о спасении его жизни.

Подъехав к нему вплотную, я нагнулся и, ухватившись за патронный пояс, взвалил тело на холку моей лошади. Взгляд, брошенный мною назад, убедил меня, что возвращение более рискованно, нежели продолжение пути вперед через плоскогорье. Пришпорив моего измученного скакуна, я помчался к ущелью, видневшемуся вдали по ту сторону равнины.

Тем временем индейцы успели сообразить, что я один, и мне вслед полетели проклятья, сопровождаемые стрелами и залпами карабинов. То обстоятельство, что при лунном свете может попасть в цель, пожалуй, только проклятье, в совокупности с их крайне неуравновешенным душевным состоянием, а также быстрый бег моего коня — все это спасло меня от вражеского обстрела, и я получил возможность добраться до прикрытия ближайших возвышенностей прежде, чем дикари успели организовать настоящую погоню.

Конь мой продвигался вперед без поводьев, так как я знал, что он найдет верный путь скорее, нежели я. Но на этот раз он ошибся и пошел по тропе, ведущей к вершине горной цепи, а не к ущелью, через которое я надеялся выбраться в долину и таким образом спастись от погони. Возможно, однако, что именно этой ошибке моего скакуна я обязан жизнью и теми замечательными происшествиями, которые приключились со мной в течение последующих десяти лет.

Первая мысль о том, что я на неверном пути, мелькнула у меня, когда вопли преследователей стали доноситься слева и притом стали менее внятными.

Я понял, что они направились по левую сторону зубчатой скалистой возвышенности, окаймляющей плоскогорье, в то время как мой конь вынес меня и тело Пуозеля по правую ее сторону.

Я очутился на небольшом ровном выступе скалы, с которого можно было разглядеть тропинку вниз и увидел, как кучка преследовавших меня дикарей исчезла за вершиной соседней горы.

Мне было ясно, что индейцы скоро обнаружат свою ошибку, и тогда погоня будет возобновлена в верном направлении, стоит им только напасть на мои следы.

Я успел проехать лишь очень небольшое расстояние, как вдруг перед моими глазами вырос скалистый утес. Тропинка, по которой я ехал, была ровная, довольно широкая и вела вверх именно в этом направлении. По правую руку от меня возвышалась скала, вышиной в несколько сот футов, а по левую сторону оказался такой же крутой, почти отвесный спуск, ведущий на дно скалистого оврага.

Я не проехал и ста ярдов, как резкий поворот вправо вывел меня к отверстию большой пещеры. Отверстие было четыре фута в высоту и от трех до четырех футов в ширину. Тропинка кончалась у самой пещеры.

Утро уже наступило, и, как всегда в Аризоне, все внезапно озарилось ярким дневным светом.

Сойдя с лошади, я положил тело Поуэля на землю. Самый тщательный его осмотр не обнаружил ни малейших признаков жизни. Я вливал воду из своей фляги в его мертвые губы, смачивал его лицо водой, тер руки, словом, провозился с ним около часу, будучи в то же время совершенно уверенным в его смерти.

Я очень любил Поуэля. Он был настоящим мужчиной, джентльменом и хорошим верным товарищем. С чувством глубокой скорби я прекратил тщетные попытки оживить его.

Оставив тело Поуэля там, где оно лежало, на самом краю площадки, я вполз внутрь пещеры для рекогносцировки. Здесь я нашел большое помещение, примерно в сто футов в диаметре и в тридцать или сорок футов в высоту. Ровный, хорошо утоптаный пол и многие другие внешние признаки свидетельствовали о том, что когда-то, в отдаленные времена, пещера эта была обитаемой. Задний план ее был настолько скрыт в густой тени, что я не мог разобрать, имеются ли там еще выходы в другие помещения или нет.

Продолжая свой осмотр, я начал ощущать приятную сонливость, охватившую мое существо, что я приписал своей усталости от длительной и напряженной верховой езды, а также реакции после возбуждения борьбы и погони.

Я чувствовал себя в своем новом помещении в относительной безопасности, так как видел, что один человек может защитить тропинку, ведущую в пещеру, против целой армии.

Охватившая меня полудремота вскоре стала так сильна, что я с трудом противостоял властному желанию броситься на землю и заснуть. Я сознавал, что это совершенно недопустимо, так как означало бы верную смерть от рук моих краснокожих "друзей", которые могли нагрянуть ко мне каждую минуту. Сделав над собой усилие, я направился к выходу из пещеры, но сильное головокружение отбросило меня к боковой стене, и я навзничь упал на землю.

2. ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ СМЕРТИ

Блаженное ощущение охватило меня, мускулы мои ослабели, и я был уже близок к тому, чтобы уступить желанию заснуть, как вдруг до моего слуха донесся звук приближающегося лошадиного топота. Я сделал попытку вскочить на ноги, но, к величайшему

ужасу, обнаружил, что мышцы мои отказываются повиноваться воле. Я был в полном сознании, но не мог пошевелить ни одним мускулом, как бы превратившись в камень. И в этот самый миг я впервые заметил, что пещеру наполняет какой-то прозрачный туман, заметный лишь у самого выхода, озаренного дневным светом. Из всего этого я заключил, что подвергся действию какого-то ядовитого газа, но не мог понять, почему я сохранил мыслительные способности, в то же время будучи не в состоянии сделать ни одного движения.

Я лежал лицом к выходу из пещеры, откуда мне была видна узкая полоса тропы, проходившая между пещерой и поворотом утеса, который огибала эта тропа. Звук приближающегося лошадиного топота прекратился, и я понял, что индейцы осторожно подкрадываются ко мне вдоль выступа, ведущего к моей страшной могиле. Я припоминаю, что надеялся на то, что они быстро покончат со мной, так как меня не особенно радовало предвкушение тех многочисленных пыток, которым они меня подвергнут, если послушаются подстрекательства своей фантазии.

Ждать пришлось недолго. Легкий шорох известил меня, что враг рядом. Из-за гребня скалы показалась ярко раскрашенная физиономия в военном головном уборе, и дикие глаза впелись в меня. Я был уверен, что, несмотря на царивший в пещере полумрак, он прекрасно видел меня, так как лучи утреннего солнца падали прямо на меня через входное отверстие.

Однако, вместо того, чтобы приблизиться, краснокожий стоял неподвижно, с вытаращенными глазами и открытым ртом. Затем показалась еще одна дикая физиономия, потом третья, четвертая и пятая, причем каждый перегибался через плечо своего соседа, так как выступ скалы был слишком крут, чтобы обойти его кругом. Каждая физиономия являла собой воплощение страха и ужаса, но причина их испуга была мне так же непонятна, как и десять лет спустя. Что позади смотревших находились еще люди, можно было заключить из того, что вожди шепотом передавали что-то стоящим сзади.

Внезапно из глубины пещеры, откуда-то позади меня, раздался слабый, но внятный стон. Как только он достиг слуха индейцев, они повернулись и бросились бежать, охваченные дикой паникой. Их стремление ускользнуть от невидимой опасности, находившейся позади меня, было настолько велико, что один из них был сброшен с утеса вниз головой на острые камни оврага. В течение нескольких мгновений в воздухе раздавались их дикие крики, затем все стихло.

Звук, испугавший моих врагов, больше не повторялся, но и одного раза было достаточно для того, чтобы заставить меня углубиться в размышления о неизвестном чудовище, скрывавшемся во мраке за моей спиной. Страх — относительное понятие. Поэтому я могу измерить мои ощущения только путем сравнения их с тем, что было испытано мною в других опасных положениях, имевших место в моей жизни до и после этого дня. Я могу без зазрения совести сказать, что если ощущения, испытанные мною в течение последующих нескольких минут, были страхом — да поможет гос-

подь бог трусу, так как трусость, несомненно, является его собственной карой.

Быть в состоянии парализованности, спиной к ужасной и неизвестной опасности, один звук которой обратил в дикое бегство бестрашных апачей — кажется мне апогеем ужасных положений даже для человека, испытанного в борьбе за свою жизнь.

Несколько раз мне казалось, что я слышу позади себя слабые звуки, как будто кто-то осторожно двигается. Но это скоро прекратилось, и я был предоставлен спокойным размышлениям о своем положении. Я мог лишь смутно догадываться о причине моего паралича, и единственная моя надежда была на то, что он прекратится так же внезапно, как и начался.

К концу дня мой конь, стоявший до сих пор непривязанным у входа в пещеру, повернулся и стал медленно спускаться вниз по тропинке, очевидно в поисках пищи и воды. И вот я остался один с таинственным существом позади себя и с мертвым телом моего друга, лежавшим там, куда я положил его на рассвете.

С этой минуты до полуночи вокруг меня царила тишина — тишина смерти. И вдруг ужасный стон вновь достиг моего содрогнувшегося слуха, и вновь из густого мрака пещеры, позади меня, послышался звук от движения какого-то существа и как бы слабое шуршание сухих листьев. Это потрясение оказалось чрезмерным для моих напряженных нервов, и сверхчеловеческим усилием воли я предпринял попытку порвать свои ужасные оковы. Это было усилие разума, воли, нервов, но — увы, не мускулов, так как я не смог пошевелить даже мизинцем.

Затем я ощутил сильный внутренний толчок, мгновенную тошноту, услышал треск как бы ломающегося стального прута, и почувствовал себя прислоненным к стене пещеры, лицом к лицу со своим неизвестным врагом.

В эту минуту лунный свет озарил внутренность пещеры, и... прямо перед собой я увидел свое собственное тело, распростертое в той же позе, в какой оно пролежало все эти часы: с широко открытыми глазами, устремленными к выходу пещеры, с безжизненно раскинутыми руками. Охваченный полнейшей растерянностью, я переводил взгляд со своей недвижимой земной оболочки, лежавшей на полу, на себя, стоящего у стены. На земле я лежал одетый, и в то же время стоял у стены совершенно нагой, как в миг своего рождения.

Превращение было настолько внезапно и неожиданно, что на минуту я забыл обо всем, кроме этой чудесной метаморфозы. Первой моей мыслью было: неужели это и есть смерть? Неужели я действительно перешел по ту сторону жизни? Но я не мог вполне поверить этому, так как ясно ощущал сильный стук сердца о ребра — результат моего усилия освободиться от сковывавшего мускулы онемения. Дыхание вырывалось из груди быстрыми, короткими порывами, холодный пот выступил из каждой поры тела. Я применил испытанный способ проверки — ципок — и убедился, что я не призрак.

В эту минуту повторившийся вновь глухой стон из глубины пещеры напомнил мне об окружающей обстановке. У меня не было

ни малейшего желания встать лицом к лицу с невидимым врагом, так как я был наг и безоружен.

Револьверы были пристегнуты к моему безжизненному телу, к которому я по какой-то непреодолимой причине не мог заставить себя прикоснуться. Карабин мой был прицеплен к седлу, а так как конь ушел, я остался безо всяких средств защиты. Единственным выходом из создавшегося положения было бегство. Решение мое бежать укрепилось, когда я вновь услышал шуршащий звук приближающегося ко мне существа, которое, как показалось моему расстроенному воображению, осторожно ползло из мрака пещеры.

Не будучи более в состоянии противиться искушению бежать из этого ужасного места, я быстро проскользнул в отверстие входа и очутился под звездным небом ясной аризонской ночи. Резкий, свежий горный воздух сразу оказал на меня свое подкрепляющее действие, и я почувствовал, как вливается в меня новая жизнь и новая отвага. Остановившись на несколько мгновений на краю выступа, я старался восстановить помутившееся сознание. Я размышлял о том, что в течение многих часов я пролежал совершенно беспомощный в пещере, и все же ничто не причинило мне вреда. Логика и здравый смысл подсказывали мне, что слышанные мною шорохи происходили, по-видимому, от каких-нибудь естественных и совершенно невинных причин. Может быть, само строение пещеры таково, что легкое дуновение ветра производило слышанные мною звуки.

Я решил вновь отправиться на разведку. Но прежде чем двинуться с места, я поднял голову, чтобы наполнить легкие чистым, укрепляющим горным воздухом. В эту минуту взгляд мой упал на расстилающуюся передо мной прекрасную панораму горных хребтов и равнин, поросших кактусом. Под фосфорическими лучами луны картина эта казалась сказочной и овечьей каким-то особым очарованием.

Немногие чудеса Запада могут так вдохновить человека, как освещенный лунной горный пейзаж Аризоны: посеребренные горы вдали, странное сочетание света и тени, причудливые контуры своеобразно-красивых кактусов создают восхитительную картину, и человеку, видящему ее, кажется, что он впервые заглянул в какой-то мертвый или забытый мир, совершенно непохожий на все другие места земного шара.

Погруженный в созерцание, я перевел взор с земли на небеса, где мириады звезд раскинули великолепный шатер для красавицы Земли. Внимание мое внезапно было привлечено большой красной звездой, видневшейся недалеко от горизонта. И, глядя на нее, я почувствовал себя во власти какой-то могучей, волшебной силы. Это был Марс, бог войны, который мне, воину, всегда представлялся чем-то непреодолимо влекущим.

И в эту далекую незабвенную ночь, когда я, как заколдованный, не мог оторвать от него свой взор, мне показалось, что он властно призывает меня к себе через необозримое пространство, манит меня ринуться к нему, как магнит притягивает к себе кусок железа.

И тяготение мое к нему оказалось непреодолимым. Я закрыл глаза, простер руки по направлению к призывавшему меня богу войны, и почувствовал, как с быстротой молнии какая-то волшеб-

ная сила понесла меня в необозримое пространство.

На мгновение резкий холод и непроницаемый мрак окружили меня.

3. МОЕ ВСТУПЛЕНИЕ НА МАРС

Открыв глаза, я увидел странный ландшафт. Я понял, что очутился на Марсе. Я ничуть не сомневался, что нахожусь в здравом уме, а также и в том, что все происходит наяву. Я не спал. Мое внутреннее сознание с такой же уверенностью говорило мне, что я на Марсе, с какой ваше говорит вам, что вы на Земле.

Я увидел себя на ложе из желтоватой мохоподобной растительности, расстилавшейся вокруг на целые мили. По-видимому, я лежал в глубокой круглой впадине, через край которой видел неопределенные очертания низких холмов.

Был полдень. Солнце светило прямо надо мной, и зной его был совершенно невыносим для моего обнаженного тела: он был значительно сильнее, чем бывает в подобное время дня где-нибудь в пустыне Аризоны. Там и сям возвышались небольшие выступы кварцевых скал, сверкавших на солнце, а влево от меня, на расстоянии ста ярдов, виднелось низкое строение высотой около четырех футов*. В поле моего зрения не было видно ни воды, ни какой-либо иной растительности, кроме мха. Я же ощущал жажду и потому решил предпринять разведку.

Когда я вскочил на ноги, Марс преподнес мне свой первый сюрприз: усилие, которое на Земле лишь поставило бы меня на ноги, подняло меня в воздух на три ярда. Я плавно опустился вниз, не испытав ни малейшего потрясения или повреждения. И вот начался процесс моего развития, который даже и тогда казался мне крайне забавным. Я обнаружил, что должен снова учиться ходить, так как мускульные движения, легко и надежно служившие мне на Земле, здесь, на Марсе, проделывали со мной ряд самых неожиданных вещей.

Я пытался двигаться вперед нормальным, достойным джентльмена образом, однако все мои попытки в этом направлении не дали ничего, кроме ряда комичных прыжков. Каждый шаг отрывал меня от почвы одновременно обеими ногами и через два или три скачка швырял меня навзничь. Мускулы мои, прекрасно координированные и приспособленные к земному тяготению, разыгрывали со мной злейшие шутки, когда я впервые попытался вступить в поединок с меньшим тяготением и более низким атмосферным давлением на Марсе.

И все же я твердо решил осмотреть окрестности и строение, которое являлось единственным признаком обитаемости этого места. Итак, я ухватился за единственный представлявшийся мне возможным способ передвижения: я решил впасть в детство и пополз на четвереньках. Это мне удалось очень хорошо, и через несколько мгновений я уже добрался до низкой стены, окружавшей заинтересовавшее меня здание.

* Ярд = 3 футам = 91,44 см.

Ближайшая ко мне стена его не имела ни окон, ни дверей. Так как высота ее была не более четырех футов, я осторожно поднялся на ноги и заглянул через нее вниз, внутрь строения — и тут моим глазам представилось необычайное, фантастическое зрелище.

Крыша строения была из крепкого стекла, толщиной в 4—5 дюймов, а под ней лежало несколько сот больших яиц, совершенно круглых и снежно-белых. Все яйца были почти одинакового размера — два с половиной фута в диаметре.

Четыре или пять из них уже открылись, и причудливо-карикатурные фигурки, сидящие возле них, не позволяли мне довериться своему зрению. Большую часть фигурки составляла голова, к которой при помощи длинной шеи присоединилось маленькое слабое тельце с шестью ногами, или, как я узнал позже, с двумя ногами, двумя руками и парой промежуточных конечностей, которые могут быть применяемы и в качестве рук, и в качестве ног. Глаза посажены по краям головы, немного выше ее центра; они вращаются таким образом, что могут быть направлены как вперед, так и назад, причем оба глаза совершенно независимы один от другого, благодаря чему это уродливое существо может смотреть в любом направлении или в двух направлениях одновременно, без необходимости поворачивать для этого голову.

Уши, помещающиеся близко над глазами, но несколько более сдвинутые, нежели глаза, имеют форму небольших куполообразных щупалец. Они выдаются над головой примерно на один дюйм. Нос представляет собой продольную расщелину в центре лица, между ртом и ушами.

Тела их совершенно лишены растительности, а кожа имеет светлую, желтовато-зеленую окраску. Как я узнал позднее, у взрослых марсиан эта окраска переходит в зелено-оливковый цвет, причем у мужчин она темнее, нежели у женщин. Кроме того, у взрослых голова не так непропорционально велика, как у детей.

Радужная оболочка глаз кроваво-красного цвета, как у альбиносов, а зрачок темный. Глазное яблоко совершенно белое, как и зубы. Последние придают особенно хищное выражение и без того неприятной и страшной физиономии, так как нижние клыки загибаются вверх, переходя в острые концы, оканчивающиеся там, где у земного существа помещаются глаза. Белизна зубов не напоминает слоновую кость — она сверкает, как алебастр. На темном фоне оливковой кожи клыки эти выделяются необычайно резко, придавая этому своеобразному оружию особенно страшный вид.

Многие из этих деталей я рассмотрел лишь значительно позже, так как у меня оказалось слишком мало времени для подробного изучения обнаруженных мною чудес. Это был как раз момент появления из яиц, и я с большим интересом следил за тем, как маленькие уродцы выползали из своей оболочки. Между тем сзади ко мне приближалась группа взрослых марсиан.

Бесшумно двигаясь по мягкому мху, покрывавшему всю поверхность Марса, за исключением замерзших областей у полюсов и некоторых обработанных площадей, они с легкостью могли бы схва-

тить меня, но намерения их были значительно более злыми. Бряцанье оружия переднего воина предупредило меня об их приближении.

От такой ничтожной случайности зависела тогда моя жизнь, что я диву даюсь, как мне удалось так легко спастись. Если бы карабин вождя отряда не покачнулся в своих кольцах сбоку от седла и не ударился о конец копья — я был бы уничтожен в мгновение ока, не успев даже ощутить приближение смерти. Но этот легкий звук заставил меня обернуться, и я увидел, что на расстоянии десяти футов от моей груди сверкает острие ужасного копья, длиной футов в сорок, с блестящим металлическим наконечником. Передо мной был отряд воинственных всадников, явившихся на защиту маленьких дьяволят, которых я наблюдал.

Какими ничтожными и безобидными показались мне теперь малыши в сравнении с приближавшимися ко мне взрослыми, с исполненным воплощением ненависти, мести и смерти. Рост мужчины — буду называть его этим именем — достигал пятнадцати футов; на Земле он, вероятно, весил бы около десяти пудов. Он восседал на своем Россинанте, как мы сидим на лошади, обхватив его корпус своими нижними конечностями, в то время как кисти его двух правых рук были протянуты в стороны для сохранения равновесия, так как животное, на котором он сидел, не имело ни поводьев, ни узды, ни малейшего приспособления для управления.

А чего стоил вид этого животного! Как описать его человеческими словами! Рост его был не менее десяти футов, с каждой стороны его туловища было по четыре ноги; широкий плоский хвост, более широкий на конце, нежели у корня, во время бега был горизонтально вытянут в воздухе, огромная пасть разверзалась посреди головы, занимая место от носа до длинной, массивной шеи.

Подобно своему господину, животное было совершенно лишено волосяного покрова. Огромное тело его поражало взгляд кожей темно-грифельного цвета, чрезвычайно гладкой и лоснящейся. Живот был белый, а окраска ног, начиная сверху от темных плеч и бедер цвета сланца, постепенно переходила в ярко-желтый цвет на ступнях. На самих ступнях виднелись как бы огромные подушки и совершенно отсутствовали копыта или когти, чем также в значительной степени объяснялась бесшумность их приближения. Между прочим, эта особенность, в совокупности со множеством ног, является характерной чертой фауны Марса. Только высший тип человека, а также еще одно животное — единственное млекопитающее на Марсе — имеют настоящие ногти. Копытные животные на Марсе отсутствуют совершенно.

Вслед за передовым демоном тянулось еще девятнадцать, похожих на него во всех отношениях. Но, как я узнал позже, каждый все-таки отличался какими-либо индивидуальными особенностями: среди марсиан, как и среди нас, не бывает двух совершенно одинаковых существ, хотя все мы отлиты по одной форме.

Картина эта, или вернее, материализованный кошмар, произвела на меня впечатление поражающее и ужасающее.

Я был наг и безоружен и поспешил применить первый, уже открывшийся мне закон природы к единственно возможному разрешению моей непосредственной задачи: стремлению выйти из пре-

делов досягаемости острия нацеленного на меня копья. Для этого я совершил весьма земной, и в то же время сверхчеловеческий прыжок, чтобы достигнуть верхушки марсианского инкубатора, как я определил это строение.

Попытка моя увенчалась успехом, ошеломившим меня не менее, нежели марсианских воинов, так как я почувствовал себя поднятым в воздух на тридцать футов, а затем отброшенным на сто футов в сторону от моих преследователей. Я легко и благополучно опустился на мягкий мох.

Обернувшись, я увидел, что враги мои сгруппировались вдоль другой стены. Некоторые наблюдали за мной с выражением, которое, как я узнал позже, должно было означать удивление, а другие, по-видимому, были совершенно удовлетворены тем, что я не тронул их детенышей.

Они тихо переговаривались между собой, жестикулируя и указывая на меня. Обнаружив, что я не причинил никакого вреда маленьким марсианам, а также заметив, что у меня нет оружия, они стали смотреть на меня менее свирепо, но, как я узнал потом, главную роль в этом сыграла проявленная мною ловкость.

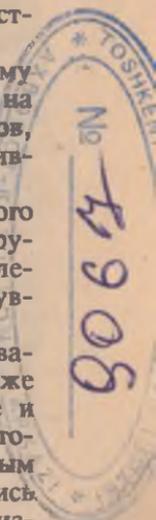
Будучи огромных размеров и обладая крупным костяком, марсианин отличается мускулатурой, пропорциональной лишь той силе тяжести, с которой ему приходится иметь дело. Поэтому обитатели Марса значительно менее проворны и сильны по отношению к своему весу, нежели люди Земли, и я сомневаюсь, чтобы марсианин, перенесенный на Землю, мог поднять свое тело.

Вот почему моя ловкость показалась на Марсе такой же чудесной, какой она показалась бы и на Земле, и желание уничтожить меня уступило желанию захватить меня живым, чтобы продемонстрировать своим единоплеменникам.

Отсрочка, обретенная мною благодаря моему неожиданному проворству, дала мне возможность построить план действий на ближайшее будущее, а также ближе ознакомиться с видом воинов, так как до этой минуты рассудок мой не мог отделить противников от тех, которые преследовали меня за день до этого.

Я заметил, что каждый был вооружен множеством различного оружия и снабжен огромным копьем, описанным мною выше. Оружие, заставившее меня обратиться в бегство, окончившееся полетом, оказалось чем-то вроде карабина, которым, как я сразу почувствовал, марсиане управляли с особой ловкостью.

Это оружие было из белого металла, с ложем из дерева, добываемого, как я узнал впоследствии, из очень легковесного и в то же время прочного растения, широко распространенного на Марсе и совершенно неизвестного нам, обитателям Земли. Металл, из которого сделан ствол, представлял собой сплав, составленный главным образом из алюминия и стали. Металлы эти марсиане научились закалять до твердости, значительно превышающей обычную, известную нам твердость стали. Вес оружия относительно невелик. Благодаря мелкокалиберным разрывным снарядам из радия, действие этого карабина всегда смертельно. Кроме того, он поражает цель на расстоянии, совершенно немыслимом на Земле. Советинский радиус действия этого карабина равняется тремстам милям, но фактическая дальность прицела — двести миль.

Этого было вполне достаточно для того, чтобы преисполнить меня большим уважением к огнестрельному оружию марсиан.

По-видимому, какая-то телепатическая сила предостерегла меня от попытки бежать при ярком дневном свете от жерл этих двадцати смертоносных машин.

После коротких переговоров марсиане повернули своих коней и умчались в том же направлении, откуда явились, оставив возле инкубатора лишь одного воина. Отъехав примерно на двести ярдов, они остановились и, повернув своих коней в нашу сторону, стали наблюдать за воином, стоявшим у строения.

Это был тот самый, копьё которого едва не пронзило меня. По-видимому, это был их вождь, так как, насколько я понял, остальные заняли свою теперешнюю позицию по его приказанию. Когда отряд остановился, он снял копьё и остальное оружие, и стал огибать инкубатор, направляясь ко мне, совершенно обнаженный и невооруженный, как и я, за исключением лишь украшений, сверкающих на его голове, конечностях и на груди.

Приблизившись ко мне на пятьдесят футов, он снял с руки огромный металлический браслет и, держа его на ладони протянутой ко мне руки, обратился ко мне громким, ясным голосом, но на языке, который, само собой разумеется, был мне совершенно непонятен. Затем он остановился, как бы ожидая моего ответа, насторожив свои щупальцеобразные уши и вперив в меня свои ужасные глаза.

Когда молчание стало тягостным, я со своей стороны решил осмелиться заговорить, так как я понял, что он предлагает мне мир. То, что он снял с себя все оружие и удалил весь отряд, прежде чем приблизиться ко мне, несомненно говорило о его миссии мира. Почему бы на Марсе это не могло иметь то же значение, что и на Земле?

Приложив руку к сердцу, я низко склонился перед марсианином и объяснил ему, что, несмотря на то, что я не понимаю его языка, поступки его ясно говорят мне о мире и дружбе, которые в настоящий момент очень дороги моему сердцу. Несомненно, я мог бы с равным успехом молотить и совершеннейшую чушь, так как слова мои остались для него непонятными. Он понял лишь поступок, которым я завершил непосредственно свою речь.

Протянув руку, я приблизился к нему, взял браслет с его открытой ладони, и надел себе на руку поверх локтя. Затем я улыбнулся ему и принял выжидательную позу. Его огромный рот расплылся в ответной улыбке, он вложил одну из своих промежуточных рук в мою, мы повернулись и зашагали по направлению к его Россинанту. В то же время он сделал знак своим подчиненным. Они помчались к нам, но были остановлены его сигналом. По-видимому, он испугался, что я могу опять сделать прыжок, который окончательно унесет меня из поля его зрения.

Он обменялся несколькими словами со своими людьми, знаками попросил меня ехать позади одного из них и затем сел на своего коня. Указанный воин протянул две или три руки, поднял меня с земли и усадил позади себя на лоснящийся круп коня, где я кое-как пристроился, держась за ремни и перевязи оружия марсианина.

Затем вся кавалькада повернула и понеслась галопом по направлению к горной цепи, видневшейся вдаль.

4. ПЛЕННИК

Мы проехали около десяти миль, когда почва заметно стала повышаться. Как я узнал позже, мы приближались к берегу одного из давно высохших морей Марса, на дне которого и состоялась моя первая встреча с марсианами.

Вскоре мы достигли подножия горной цепи и, проехав через узкое ущелье, выбрались на открытую долину, на окраине которой было низкое плоскогорье. На нем я увидел огромный город. Мы поехали по направлению к нему.

Мы ехали теперь по разрушенному шоссе, выходящему прямо из города, но достигавшему лишь края плоскогорья, где оно внезапно обрывалось, переходя в лестницу, состоящую из ряда широких ступеней.

При ближайшем рассмотрении, когда мы проезжали по городу, я увидел, что строения необитаемы и, несмотря на незначительные разрушения, пустуют, по-видимому, уже много лет. В центре города была большая площадь, которая, равно как и прилегающие к ней здания, была занята лагерем, принадлежащим девятистам или тысяче существ того же облика, как и мои захватчики, каковыми я считал теперь их, несмотря на туманный способ, посредством которого я был пойман в ловушку.

Если не считать украшений, все были совершенно нагими. Женщины лишь немногим отличались от мужчин, за исключением того, что их клыки, пропорционально росту, были значительно длиннее, причем у некоторых они достигали высоко посаженных ушей. Тела их были меньше и имели более светлую окраску, а на пальцах рук и ног виднелись зачатки ногтей, совершенно отсутствующих у мужской половины. Рост взрослых женщин достигал 10—12 футов.

Тела детей были светлого цвета, даже светлее, чем у женщин. Мне казалось, что все они совершенно одинаковы, за исключением того, что одни были выше других, следовательно, и старше.

Среди них я не заметил особенно престарелых. В их внешности почти нет разницы, начиная от зрелого возраста — сорока лет — до тысячелетнего возраста, когда они добровольно отправляются в свое последнее страшное плавание по реке Исс, исток которой неизвестен ни одному живому марсианину, и из лона которой не вернулся еще никогда ни один марсианин, а если бы и вернулся, то его никогда не оставили бы в живых после того, как он проплыл ее холодные, темные воды.

Не более одного марсианина из тысячи умирает от болезни или какой-нибудь скорби, а около двадцати из тысячи предпринимают добровольное паломничество. Остальные девятьсот семьдесят девять погибают насильственной смертью на дуэлях, на охоте, в авиационных полетах и на войне; но наибольшая смертность имеет место в детском возрасте, когда неисчислимое количество маленьких марсиан падают жертвой больших белых обезьян Марса.

Средний возраст, которого достигают марсиане после наступления зрелости — около трехсот лет, но он дошел бы и до тысячи, если бы не различного рода насильственная смерть. Из-за неуклонно исчезающих жизненных ресурсов планеты природе, по-видимо-

му, представлялось необходимым противодействовать возрастающей долговечности марсиан, являющейся результатом их исключительных познаний в области терапии и хирургии. Итак, человеческая жизнь на Марсе потеряла свою первоначальную ценность, что следует из различных видов их опасного спорта и непрекращающейся вражды между отдельными общинами.

Существует еще ряд естественных причин, вызывающих уменьшение населения, но самая серьезная из них — это то, что ни один мужчина и ни одна женщина на Марсе никогда добровольно не ходят без какого-нибудь смертоносного оружия.

Когда мы приблизились к площади, и мое присутствие было обнаружено, мы были немедленно окружены сотнями этих уродов, которые, казалось, горели желанием стащить меня с седения позади моего стража. Одно слово вождя — шум прекратился, и мы стали пересекать площадь по направлению к великолепному сооружению, подобного которому никогда не видел глаз смертного.

Здание было невысокое, однако занимало громадную площадь. Оно было построено из ослепительно белого мрамора, выложенного золотыми и бриллиантовыми камнями, сверкавшими и переливавшимися под лучами солнца всеми цветами радуги. Главный вход был шириной в несколько сот футов и выдавался из здания так, что над входной галереей образовался огромный навес. Лестницы не было, но небольшой наклон, ведущий на первый этаж, расширялся в огромный зал, окруженный галереями.

В этом помещении, снабженном большим количеством разных пюпитров и стульев, собралось около сорока или пятидесяти марсиан мужского пола. Все они сгрудились вокруг ступеней большой кафедры. На ней восседал на корточках огромный воин, увешанный с ног до головы металлическими украшениями, разноцветными перьями и красиво выделанным кожаным убором, изящно выложенным драгоценными камнями.

С его плеч свисала короткая мантия белого меха с подкладкой из яркого пурпурного шелка.

Что меня поразило, как наиболее замечательное во всей этой картине, это полнейшая непропорциональность этих существ по отношению к столам, стульям и другой мебели. Все эти предметы были приспособлены для человеческого роста, в то время как огромные тела марсиан с неимоверными усилиями втискивались в стулья, а под пюпитрами не хватало места для их длинных ног. Из этого следовало, что на Марсе имелись еще и другие обитатели, помимо тех, в руки которых я попал; с другой стороны, признаки большой древности всей окружающей обстановки свидетельствовали о том, что эти строения могли принадлежать давно вымершей и забытой расе, обитавшей на Марсе в незапамятные времена.

Наш отряд остановился у входа в здание, и по знаку вождя, меня опустили на пол. Опять рука об руку с воином мы прошли в зал аудиенций. По-видимому, на Марсе церемония приближения к верховному вождю не была сопряжена с особенными формальностями. Взявший меня в плен воин просто продвинулся к кафедре, причем остальные расступались по мере того, как он проходил вперед. Сидевший на кафедре поднялся на ноги и произнес имя моего конвои-

ра, который в свою очередь остановился и назвал имя правителя, после чего следовал полный его титул.

В тот момент вся церемония и произносимые слова не имели для меня никакого значения, но позднее я узнал, что это является обычной формой приветствия у зеленых марсиан. В том случае, когда встречаются чужестранцы, которые не в состоянии обменяться именами, они должны молчаливо обменяться украшениями, если миссия их носит мирный характер. В противном случае они обменялись бы выстрелами или завоевали бы себе право входа каким-нибудь другим оружием.

Имя взявшего меня в плен было Тарс Таркас. Он был вице-вождем общины и был известен как государственный ум и как воин. По-видимому, он кратко доложил о приключениях, связанных с его экспедицией, включая мое пленение, а когда он кончил, верховный вождь обратился ко мне.

Я ответил на нашем добром английском только для того, чтобы убедить его, что ни один из нас не в состоянии понять другого, но заметил, что, когда по окончании своей речи я слегка улыбнулся, он сделал то же самое. Этот факт и аналогичный ему во время моей первой беседы с Тарсом Таркасом убедил меня в том, что у нас есть хотя бы общее: способность улыбаться, а следовательно — и смеяться; это указывало на наличие чувства юмора. Но позднее я узнал, что улыбка марсианина — чисто внешнее проявление чувства юмора, а смех марсианина может заставить поседеть самого крепкого земного человека.

Идея юмора у зеленых обитателей Марса далеко отступает от нашего понимания возбудителей веселости. Например, предсмертная агония товарища может вызвать самое необузданное веселье, а лучшим развлечением они считают убийство военнопленных самыми дикими и ужасными способами.

Собравшиеся воины разглядывали меня, подойдя ко мне вплотную и ощупывая мои мускулы и кожу. Затем верховный вождь изъявил, очевидно, желание видеть мое представление и, сделав мне знак следовать за ним, направился с Тарсом Таркасом к открытой площади.

Со времени моей первой неудачной попытки ходить, я больше не брался за это опасное дело, исключая те два случая, когда шел рука об руку с Тарсом Таркасом; теперь же, предоставленный самому себе, я продвигался между столами и стульями, спотыкаясь и падая подобно огромному кузнечнику. Получив несколько весьма ощутимых ушибов, к большому удовольствию марсиан, я опять хотел прибегнуть к испытанному способу ползанья, но это оказалось для них нежелательным, и я был грубо поставлен на ноги каким-то огромным детиной, который больше всех смеялся над моими неудачами.

Когда он наградил меня тумакон, чтобы поставить на ноги, физиономия его была от меня на очень близком расстоянии, и я сделал то, что оставалось сделать джентльмену, попавшему в атмосферу грубости, необузданности и полнейшего отсутствия уважения прав чужестранца: я ударил его кулаком в челюсть, и он свалился наземь, как заколотый бык. Когда он упал, я повернулся и прислонился спиной к одному из пюпитров, ожидая мстительного нападе-

ния его товарищей, и твердо решив дать им перед смертью хороший бой, насколько позволят мне неравные силы.

Но опасения мои оказались совершенно необоснованными, так как остальные марсиане, в первый момент совершенно ошеломленные моим поступком, в конце концов разразились диким хохотом и бурными рукоплесканиями. В этот момент я не знал, как мне понять всю эту сцену, но позднее узнал, что они почтили меня выражением одобрения.

Верзила, которого я сшиб с ног, лежал на том же месте, где он свалился, но ни один из товарищей даже не подошел к нему. Тарс Таркас приблизился ко мне, протянув одну из своих рук, и так мы дошли до площади без дальнейших приключений. Я не знал, зачем мы пришли на открытое место, но вскоре получил разъяснение этому. Вначале они несколько раз повторили слово "сак". Затем Тарс Таркас сделал несколько прыжков, причем перед каждым произносил слово "сак". Потом, обернувшись ко мне, он сказал "сак". Я понял смысл их желания и, собравшись с силами, совершил такой "сак", что поднялся на добрые полтора фута; но на этот раз я не потерял равновесия, а встал на ноги, даже не упав. Затем несколькими прыжками по 20—30 футов я возвратился к группе воинов.

Мое представление было дано в присутствии нескольких сот маленьких марсиан, и они немедленно стали просить повторения. Верховный вождь не преминул дать мне соответствующий приказ, но я был голоден, хотел пить и тут же решил, что единственным выходом из этого положения будет потребовать от этих уродов внимания к себе, которое вряд ли будет выказано ими по доброй воле. Поэтому, не обращая внимания на повторные приказы "сак", я, как только произносилось ими это слово, показывал на свой рот и потирал живот.

Тарс Таркас и верховный вождь обменялись несколькими словами, и первый, вызвав из толпы молодую женщину, дал ей какое-то распоряжение и сделал мне знак, чтобы я последовал за ней. Я ухватился за предложенную мне руку, и мы вместе стали пересекать площадь по направлению к большому зданию по ту сторону ее.

Моя "красивая" спутница была около восьми футов ростом. Она только что вступила в пору зрелости, но рост ее еще не достиг максимального предела. Вся она была светло-зеленого цвета, с гладкой, лоснящейся кожей. Как я узнал потом, ее имя было Сола, и она принадлежала к свите Тарса Таркаса. Она привела меня в большую комнату, помещавшуюся в одном из зданий, выходящих фасадом на площадь. Судя по разбросанным на полу лоскутам шелка и меха, это была спальня туземцев.

Комната освещалась несколькими большими окнами и была украшена стеной живописью и мозаикой, но на всем этом лежал отпечаток древности, который ясно говорил о том, что архитекторы и создатели этих чудесных произведений искусства не имели ничего общего с дикими полузверьми, обитающими здесь теперь.

Сола знаком попросила меня сесть на ворох шелка посреди комнаты и, обернувшись, издала страшный шипящий звук, как бы подавая знак кому-то, находящемуся в соседнем помещении. В ответ на ее зов я впервые увидел новое чудо Марса. Оно вошло, покачи-

ваясь на десяти тонких ножках, и село на корточки перед девушкой, подобно послушному щенку. Чудовище было ростом с шотландского пони, но голова его несколько напоминала голову лягушки, за исключением лишь того, что челюсти были снабжены тремя рядами острых, длинных клыков.

5. Я УСКОЛЬЗАЮ ОТ СВОЕЙ СТОРОЖЕВОЙ СОБАКИ

Сола посмотрела прямо в злые глаза странного зверя, произнесла повелительным тоном одно или два слова, указала на меня и вышла из комнаты. Меня крайне интересовал вопрос, что будет делать это кровожадное с виду чудовище, оставленное наедине в непосредственной близости с таким изысканным мясным блюдом, как я; но опасения мои оказались напрасными, так как, осмотрев меня весьма внимательно, это безобразное создание пересекло комнату по направлению к единственному выходу на улицу и вытянулось во всю свою длину у порога.

Это было мое первое знакомство с марсианской сторожевой собакой, но опыт этот оказался не последним, так как сей зверь добросовестно охранял меня все то время, которое я провел в качестве пленника среди этих зеленых уродов. Дважды это чудовище спасало мне жизнь и ни разу не покидало меня ни на минуту.

Я воспользовался отсутствием Сола, чтобы осмотреть комнату, которая оказалась местом моего заключения. Стенная живопись изображала сцены редкой красоты: горы, реки, озера, моря, луга, деревья и цветы, извилистые проселочные дороги — словом, все то, что могло бы быть изображением видов Земли, если бы не иная окраска растительности. Работы принадлежали, очевидно, руке большого мастера, так прозрачна была атмосфера, так совершенна техника выполнения; но нигде ни одного изображения животного, человека или зверя, на основании которого я мог бы судить об иных, вероятно вымерших, обитателях Марса.

Пока я представлял своей фантазии совершать бешено-необузданный полет в поисках возможного объяснения странных аномалий, с которыми мне пришлось столкнуться на Марсе, Сола возвратилась с едой и питьем. Она поставила то и другое на пол возле меня, а сама села поодаль, не сводя с меня внимательного взгляда. Еда состояла из фунта какого-то плотного вещества — консистенции нашего сыра, но лишённого всякого вкуса, а жидкость представляла собой, очевидно, молоко какого-то животного. Она не была неприятна на вкус, хотя была несколько кисловата, и впоследствии я даже полюбил ее. Происходила она, как я узнал позднее, не от животного, так как на всем Марсе имеется лишь одно млекопитающее, являющееся, конечно, здесь большой редкостью, а добывается из большого растения, растущего совершенно без воды, накапливающего, однако, свой обильный запас молока из продуктов почвы, влаги воздуха и лучей солнца. Одно такое растение дает от восьми до десяти четвертей подобного молока в день.

Насытившись, я почувствовал себя значительно подкрепленным. Ощущая непреодолимую потребность в отдыхе, я растянулся на шелковых тряпках и вскоре заснул. Я проспал, очевидно, несколько часов, так как, когда проснулся, было темно и очень холодно. Я обнаружил, что кто-то набросил на меня мех, но он соскользнул с меня, и в темноте я никак не мог найти его. Вдруг чья-то рука положила на меня мех, а вскоре прибавила к нему еще один.

Я подумал, что это Сола была моим верным стражем и не ошибся. Из всех зеленых марсиан, с которыми мне пришлось сталкиваться, только в этой девушке я нашел черты симпатии, приветливости и преданности. Ее забота об удовлетворении моих физических нужд была неусыпна, и доброе ее отношение ко мне избавляло меня от многих страданий и трудностей.

Как я узнал впоследствии, ночи на Марсе чрезвычайно холодные, а так как здесь нет ни сумерек, ни зари, то перепады температуры всегда очень резки и неприятны, как и переход от яркого дневного света к полному мраку. Ночи либо ярко освещены, либо совершенно темны. Если на небе нет ни одной из двух лун Марса, внизу царит абсолютный мрак, так как недостаточное количество атмосферы, вернее, слишком разреженная атмосфера не пропускает звездный свет на большие расстояния; в противном случае, если обе луны появляются ночью на небе, поверхность планеты бывает ярко освещена.

Обе луны Марса значительно ближе к этой планете, нежели наша Луна к Земле. Ближайшая луна находится от Марса всего на расстоянии в пять тысяч миль; наша же Луна отделена от Земли расстоянием в четверть миллиона миль. Ближайшая к Марсу луна делает полное обращение вокруг планеты в течение семи с половиной часов, так что два-три раза в ночь можно видеть ее пролетающей по небу, подобно огромному метеориту, и при каждом своем пробеге она показывает все свои фазы.

Более отдаленная от Марса луна обращается вокруг него в тридцать с четвертью часов и, вместе со своим спутником, превращает ночную панораму на Марсе в исключительно величественное и великолепное зрелище. И хорошо, что природа так милостиво и щедро осветила ночь на Марсе, так как зеленые марсиане, будучи кочевым племенем без высокого интеллектуального развития, имеют в своем распоряжении лишь самые примитивные средства искусственного освещения, применяя главным образом факелы, род свечи и известную лишь на Марсе масляную лампу, испускающую особый газ и горящую без светильни.

Изобретенье это дает очень яркий, далеко распространяющийся белый свет, но так как натуральное масло, требующееся для него, может быть добыто лишь посредством рудокопных работ в нескольких весьма отдаленных и глухих местах, то аппарат этот применяется обитателями Марса очень редко. Они, как правило, заботятся лишь о заполнении дневного времени, а отвращение ко всякому мыслительному труду оставило их в полудиком состоянии в течение неисчислимого ряда лет.

После того, как Сола привела в порядок мои покрывала, я вновь заснул и не просыпался уже до самого утра. Остальные пять обитателей комнаты были женщинами, и все они еще спали, покрытые

целыми грудями пестрого шелка и мехов. У порога лежал, вытянувшись, бессонный сторожевой зверь, точно в той же позе, каким и видел его накануне. По-видимому, с тех пор он не пошевелил ни единым мускулом; глаза его были неотрывно устремлены на меня, и я подумал о том, что было бы со мной, если бы мне вздумалось бежать.

Я всегда был склонен к приключениям и проведению экспериментов там, где более разумные люди спокойно выжидали бы естественного хода событий. На этот раз мне пришла в голову мысль, что лучшим способом изучения истинного отношения ко мне этого чудовища будет попытка выйти из комнаты. Я был совершенно уверен, что стоит мне только выйти из здания, и я с легкостью ускользну от него, так как начал твердо верить в свои прыгательные способности. Судя же по его коротким ножкам, я мог с уверенностью сказать, что страж мой не прыгун и даже не скороход.

Медленно и осторожно я встал на ноги, и в этот же миг мой часовой проделал то же самое. Я осторожно приближался к нему, причем обнаружил, что при помощи качающейся поступи могу сохранять равновесие и довольно быстро продвигаться вперед. Когда я подошел к чудовищу, оно посторонилось, чтобы дать мне пройти, затем двинулось за мной, следуя на расстоянии десяти шагов, пока я шагал по пустынным улицам.

— Очевидно, его миссия состоит лишь в моей охране, — подумал я. Но когда мы дошли до окраины города, оно внезапно прыгнуло вперед, опередив меня, и присело, издавая странные звуки и обнажая свои уродливые и страшные клыки. Желая немного позабавиться, я бросился к нему и в двух шагах от него прыгнул вверх, поднялся высоко над ним и вылетел за пределы города. Мой зверь ринулся вперед со стремительностью, которая показалась мне совершенно невероятной. Я думал, что его короткие ноги не могут иметь ничего общего с быстротой, но оказалось, что если бы он пустился бежать вместе с борзыми собаками, то последние воспринимались бы спящими по сравнению с ним. Как я узнал потом, это было самое быстрое животное на Марсе. Благодаря сообразительности, преданности и свирепости, его используют на охоте, на войне и в качестве сторожа.

Я вскоре понял, что мне трудно будет ускользнуть от когтей чудовища, если буду продвигаться по прямой линии, поэтому я стал бросаться в разные стороны, поднимаясь в воздух каждый раз, как только зверь приближался ко мне. Этот маневр принес мне значительное преимущество над моим преследователем, и я достиг города намного раньше его, а когда он, совершенно расвирепевший, добежал до меня, я прыгнул на тридцать футов вверх и вскочил прямо в окно одного из зданий, выходящих в долину.

Ухватившись за подоконник, я уселся на нем, не заглядывая внутрь здания и не отводя взора от разъяренного животного внизу. Торжество мое, однако, было весьма кратковременным, не успел я удобно примоститься на подоконнике, как огромная рука схватила меня сзади за шиворот и с силой втащила в комнату. Здесь я был брошен на спину и увидел прямо перед собой колоссальное обезьяноподобное существо, белое и безволосое, за исключением лишь огромного пучка щетинистых волос на голове.

6. БИТВА, ОДАРИВШАЯ МЕНЯ ДРУЗЬЯМИ

Существо, гораздо больше походившее на наших земных людей, нежели виденные мною до сих пор зеленые марсиане, держало меня пригвожденным к полу при помощи одной громадной лапы, одновременно болтая и оживленно жестикулируя другой. Второе существо, очевидно, спутник первого, вскоре приблизилось к нам, неся в руке большую каменную дубинку, которой оно явно собиралось прихлопнуть меня.

Существа эти были от десяти до пятнадцати футов высоты, когда они стояли прямо во весь рост, и имели, подобно зеленым марсианам, по несколько промежуточных рук и ног, посредине между верхними и нижними конечностями. Глаза их были посажены близко один к другому и не вращались, уши помещались высоко, но более по бокам головы, чем у зеленых марсиан, их зубы и морды были точно такие же, как у нашей африканской гориллы. В общем, они даже не лишены были привлекательности по сравнению с зелеными марсианами.

Дубинка уже покачивалась под сводом комнаты, прямо над моим обращенным вверх лицом, как вдруг какое-то ужасное многоногое животное ворвалось в дверь и бросилось на моего палача. С воплем ужаса державшая меня обезьяна выскочила в открытое окно, в то время как ее товарищ схватился не на жизнь, а на смерть с моим избавителем, оказавшимся не кем иным, как моим верным сторожевым зверем. Я никак не мог заставить себя называть это чудовищное существо собакой.

Я постарался как можно быстрее вскочить на ноги и, прислонившись к стене, стал наблюдать схватку, лицезрение которой выпадает на долю немногим. Сила, ловкость и ярость этих двух существ не похожи ни на что, известное земному человеку. Первый момент дал преимущество моему защитнику, так как его мочегучие когти впились в грудь соперника, но огромные лапы обезьяны, снабженные мускулами, значительно превосходящими мускулы виденных мною до сих пор марсиан, охватили горло моего стража и медленно выжимали из него жизнь, запрокинув его голову назад, так что я был уверен, что тот каждую секунду может упасть со сломанной шеей.

Грудь обезьяны была изодрана в клочья ужасными когтями моего спасителя. Они катались по полу, причем ни один не издал ни звука ужаса или боли. Я видел, что глаза моего зверя совершенно вылезли из орбит, а из ноздрей его течет кровь. Было совершенно очевидно, что он слабеет, но то же самое происходило и с обезьяной, движения которой делались все менее и менее резкими.

Внезапно я пришел в себя и, следуя странному инстинкту, который всегда призывал меня к исполнению долга, схватил дубину и, взмахнув ею, изо всей силы ударил обезьяну по голове, расколов ее череп, как яичную скорлупу.

Не успел я нанести этот удар, как уже стоял лицом к лицу с новой опасностью. Напарник обезьяны, пришедший в себя после первого ощущения ужаса, вернулся в дом каким-то внутренним путем. Я заметил его прежде, чем он успел войти в дверь, и, должен сознаться, при виде его, ревущего над безжизненным телом со-

племенника, охваченного безграничной яростью, с пастью, покрытой пеной — мою душу охватили мрачные предчувствия.

Я согласен вступить в борьбу, когда шансы противника не слишком превышают мои, но в данном случае я не усматривал целесообразности в попытке помериться с ним силой. По моему мнению, единственным исходом такого столкновения должна была быть моя смерть.

Я стоял близко к окну, и у меня мелькнула мысль, что стоит мне очутиться на улице, как я смогу достичь площади и одновременно полной безопасности прежде, чем зверь успеет схватить меня; тут был шанс на спасение при помощи взлета, против смерти, совершенно определенной в том случае, если я останусь и вступлю в отчаянную борьбу.

Правда, в руке у меня была дубина, но что я мог поделаться с ней против четырех огромных лап моего соперника. Если даже я сломаю одну из них первым ударом, он схватит и сомнет меня остальными прежде, чем я соберусь с силами для повторного нападения.

В то время как эти мысли проносились у меня в голове, я обернулся к окну, чтобы привести свой план в исполнение, но тут мой взор упал на моего стража, и проект полета испарился. Он лежал на полу совершенно обессиленный, и огромные глаза его не отрываясь глядели на меня с мольбой о защите. Я не мог противостоять этому взгляду, не мог покинуть своего спасителя, не вступившись за него так же, как он вступился за меня.

Итак, без дальнейших колебаний я повернулся, чтобы встретить нападение разъяренной обезьяны. Она была теперь так близко от меня, что я не мог пустить в ход дубинку соответствующим образом, поэтому я просто нанес ей сильный удар. Удар пришелся под колено; зверь взвыл от ярости и боли. Он потерял равновесие и повалился прямо на меня с протянутыми вперед руками.

Опять, как накануне, я прибег к человеческим приемам: кулаком правой руки я нанёс ему сильный удар в подбородок, и непосредственно за этим моя левая рука ударила его под ложечку. Эффект превзошел все ожидания: когда после второго удара я отступил немного в сторону, он взвыл и упал навзничь, извиваясь от боли и задыхаясь. Перепрыгнув через его распростертое тело, я схватил дубинку и прикончил его, не дав ему даже подняться на ноги.

Когда я нанес второй удар, тихий смех раздался позади меня. Обернувшись, я увидел Тарса Таркаса, Солу и еще трех или четырех воинов, стоявших в дверях комнаты. Когда глаза мои встретились с их глазами, я вторично услышал рукоплескания, которым они дарят немногих, да и то в исключительно редких случаях.

Проснувшись, Сола заметила мое отсутствие, о чем быстро уведомила Тарса Таркаса, немедленно отправившегося с горсточкой воинов на поиски. Когда они приблизились к окраине города, то увидели разъяренную обезьяну, бросившуюся внутрь здания.

Они последовали за ней, не полагая, однако, что она поможет им обнаружить мое местопребывание. И вдруг, совершенно неожиданно для самих себя, оказались зрителями разыгравшейся на их глазах короткой, но решительной схватки. Этот бой, равно как и вчерашний с молодым воином, а также моя ловкость по части прыжков сильно подняли меня в их глазах. Не признавая никаких

утонченных чувств дружбы, любви или преданности, люди эти преклонялись перед физической силой и отвагой. До тех пор объект казался им достойным обожания, пока он поддерживал свое положение повторением примеров ловкости, силы и храбрости.

Сола, сопровождавшая по собственному желанию воинов, искавших меня, была единственным существом, которое не смеялось, когда я боролся за свою жизнь. Напротив, она, казалось, была охвачена мрачным беспокойством, и как только я прикончил чудовище, бросилась ко мне и заботливо осмотрела мое тело, ища на нем раны или повреждения. Удостоверившись, что я вышел из битвы целым и невредимым, она спокойно улыбнулась, и, взяв меня за руку, направилась к двери комнаты.

Тарс Таркас и другие воины вошли в комнату и остановились возле быстро приходившего в себя существа, спасшего мою жизнь и жизнь которого я спас в свою очередь. Они, по-видимому, о чем-то рассуждали, и, наконец, один из них обратился ко мне, но, вспомнив, что я не знаю их языка, вновь обернулся к Тарсу Таркасу, который одним словом и жестом отдал какое-то приказание воину и повернулся, чтобы последовать за нами.

Во всем этом я усмотрел что-то угрожающее моему зверю, и не решался уйти прежде чем не узнаю, в чем дело. И я хорошо сделал, так как воин вытащил из-за пояса огромный пистолет и уже хотел прикончить израненное животное, но я прыгнул к нему и схватил его за руку. Пуля пробила деревянную облицовку окна и взорвалась, пробив огромное отверстие в дереве и каменной кладке.

Тогда я встал на колени возле этого ужасного на вид существа и, поставив его на ноги, приказал ему следовать за мной. Мой поступок привел марсиан в полнейшее недоумение: они совершенно не понимали таких чувств, как благодарность и сострадание. Воин, у которого я выбил из рук оружие, вопросительно посмотрел на Тарса Таркаса, но тот знаком приказал предоставить мне возможность поступать по моему усмотрению. Мы возвратились на площадь — за мной по пятам с трудом следовал мой большой безобразный зверь, а рядом шла Сола, крепко держа меня за руку.

Итак, я мог сделать вывод, что на Марсе у меня появилось двое друзей — молодая женщина и безгласный зверь, в бедной, уродливой оболочке которого было больше любви, нежели у всех зеленых марсиан, скитавшихся по мертвым морям одряхлевшей планеты.

7. ДЕТИ МАРСИАН

После завтрака, который был точной копией меню предыдущего дня и прототипом всех фактически последовавших за ним в течение всего того времени, что я пробыл с зелеными людьми Марса, Сола провела меня на площадь, где я застал всю общину занятой наблюдением за работой по упряжке огромных мастодонтообразных животных в большие трехколесные повозки. Там было около двух с половиной сотен этих повозок, в каждую было впряжено по одному животному. Судя по их виду, каждое из них могло бы вынести на себе целый основательно нагруженный фургон.

Сами повозки были велики, удобны и роскошно разукрашены. На каждой из них сидела женщина-марсианка, увешанная металлическими украшениями, драгоценными камнями и мехами, а на спине животного, везшего повозку, восседал молодой марсианский возница. Подобно животным, на которых ехали воины, более грубые упряжные животные тоже не имели ни удил, ни поводьев и управлялись исключительно при помощи телепатии.

Эта телепатическая сила изумительно развита у всех марсиан и щедро искупает примитивность их языка и сравнительно небольшое количество слов, которыми они обмениваются даже в долгих беседах. Это универсальный язык Марса, посредством которого высшие и низшие животные Марса могут общаться между собой, в большей или меньшей степени, в зависимости от сферы интеллектуальных интересов каждого вида и от развития индивида.

Когда кавалькада, выстроившись гуськом, тронулась в путь, Сола втащила меня в пустую повозку, и мы последовали вместе с процессией по направлению к пункту, через который я вступил в город накануне. Во главе каравана ехало около двухсот воинов, по пять в ряд, и такое же количество находилось в арьергарде, между тем, двадцать или тридцать всадников составляли нашу охрану с каждой стороны.

Все, кроме меня, мужчины и женщины были с головы до ног увешаны оружием, и позади каждой повозки шествовала марсианская собака. Моя собственная собака следовала непосредственно за нами. В самом деле, верное животное в течение всех десяти лет, что я провел на Марсе, ни разу добровольно не покидало меня. Наша дорога проходила через маленькую долину, расположенную перед городом, через холмы и затем вела вниз на дно мертвого моря, которое я не так давно пересек в своем путешествии от инкубатора до площади. Инкубатор, как оказалось, был конечным пунктом нашего путешествия в этот день, и вся кавалькада пустилась бешеным галопом, как только мы достигли плоской поверхности морского дна. Вскоре цель путешествия предстала перед нашим взором.

Когда мы приблизились к инкубатору, повозки, с точностью, применяемой в военном деле, были расположены по четырем сторонам отгороженного пространства, и человек десять воинов во главе с гигантом-вождем, при участии Тарса Таркаса и нескольких других вожаков, чином ниже спустились на землю и направились к инкубатору. Я видел Тарса Таркаса, объяснявшего что-то главному вождю, имя которого, насколько я могу передать его земным языком, было Лоркас Птомель Джед, причем Джед было его титулом.

Вскоре я был посвящен в предмет их беседы, так как Тарс Таркас подозвал Солу, сказав ей, чтобы она послала меня к нему. К этому времени я победил все трудности передвижения в условиях марсианского тяготения и, быстро выполняя его распоряжение, приблизился с той стороны инкубатора, где стояли воины.

Когда я подошел к ним, то сразу увидел, что почти из всех яиц, за малым исключением, вылупились отвратительные маленькие дьяволята, которыми инкубатор кишмя кишел. Ростом они были от трех до четырех футов и без усталости передвигались с места на место, словно в поисках пищи.

Я остановился перед Тарсом Таркасом, и он указал рукой по-верх инкубатора и произнес “сак”. Я понял, что он хочет, чтобы, в назидание Лоркасу Птомелю, я повторил свой подвиг вчерашнего дня и, так как должен сознаться, что моя доблесть принесла мне немалое удовлетворение, быстро ответил на его предложение, прыгнув высоко через выстроившиеся повозки в самый дальний конец инкубатора. Когда же я вернулся, Лоркас Птомель пробурчал что-то в мою сторону, а затем отдал в нескольких словах приказ своим воинам относительно инкубатора. Они больше не обращали на меня никакого внимания и, таким образом, я получил возможность наблюдать за работой, которая свелась к проделыванию в стене инкубатора достаточно широкого отверстия, чтобы дать выход юным марсианам.

По обе стороны этого отверстия женщины и более молодые марсиане обоего пола образovali две сплошные стены, протянувшиеся мимо повозок далеко вперед и ведущие на равнину. Между этими живыми стенами маленькие марсиане бежали со всех ног наподобие диких оленей. Им позволили пробежать проход во всю его длину, а затем женщины и старшие дети ловили их по одному, причем последний в ряду ловил первого из маленьких марсиан в момент, когда тот достигал конца коридора. Его сосед по ряду ловил второго, и так до тех пор, пока все малютки не покинули инкубатор. Когда женщинам удавалось захватить маленького, они выходили из ряда и возвращались к своим повозкам, между тем как те малютки, которые попадали в руки молодых людей, потом передавались женщинам.

Я увидел, что церемония, если ее можно так назвать, была окончена и, отправившись в поисках Сола, нашел ее в нашей повозке с отвратительным маленьким существом, которое она крепко сжимала в объятиях.

Дело воспитания молодых зеленых марсиан заключается единственно в том, чтобы научить их говорить и обращаться с оружием, которым их снабжают с самого первого года жизни. Вылупляясь из яиц, — а период инкубации длится пять лет — они выходят на свет вполне развившимися, за исключением роста. Совершенно неизвестные своим матерям, которые в свою очередь затруднились бы указать, хоть с некоторой степенью точности, их отцов, они являются общими детьми, и их образование зависит от женщины, которой удалось захватить их в тот момент, когда они покидали инкубатор.

Их приемные матери могли даже не иметь собственного яйца в инкубаторе, как это было с Солой, которая еще не вступила в соответствующий возраст, когда менее года тому назад стала матерью младенца другой женщины. Но это не имело никакого значения для зеленых марсиан, так как любовь родителей к детям и детей к родителям настолько же неизвестна им, насколько она обычна среди нас.

Я думаю, что эта ужасная система, применявшаяся у них веками, явилась прямой причиной утраты всех тонких чувств и более высоких человеческих инстинктов у этих бедных созданий. От рождения они не знают ни отцовской, ни материнской любви, они не понимают значения слов “у себя дома”, им внушают, что их суще-

ствование только терпимо, пока проявлениями физической силы и жестокости они не докажут, что пригодны к жизни. Если окажется налицо какой-нибудь физический недостаток, или вообще какой-нибудь дефект, все равно в каком бы то ни было отношении, их немедленно пристреливают. Не видят они также ни единой слезы, пролитой по поводу многочисленных испытаний, которые им приходится претерпевать, начиная с самого раннего детства.

Я не стану утверждать, что взрослые марсиане намеренно, или без всякой необходимости жестоки к молодым, но они ведут тяжелую и безжалостную борьбу за существование на умирающей планете, все естественные богатства которой истощены до такой степени, что поддержка каждой лишней жизни означает добавочный налог на общину.

Путем тщательного подбора они выращивают только наиболее сильных представителей каждого вида и с почти сверхъестественной дальновидностью регулируют рождаемость с тем, чтобы она только покрывала смертность. Каждая взрослая женщина-марсианка производит на свет около тридцати яиц в год, и те из них, которые достигают требуемой величины, веса и других специфических качеств, скрывают в тайниках подземной пещеры, где температура слишком низка для инкубации. Каждый год эти яйца внимательно исследуются советом двадцати старейшин, и из ежегодно поставляемого количества уничтожаются все, кроме сотни самых совершенных. К концу пяти лет из нескольких тысяч произведенных на свет яиц бывает отобрано приблизительно пятьсот — тысяча почти совершенных. Пятьсот из них помещают в почти не пропускающие воздух инкубаторы с тем, чтобы они в течение пятилетнего периода достигли полного развития под действием солнечных лучей. Вылупивание из яиц, которое мы наблюдали в этот день, было одним из удачнейших в ряде явлений подобного рода, так как все яйца, кроме одного на сотню, оказались созревшими к одному дню. Если из оставшихся яиц, впоследствии и вылупились бы маленькие марсиане, мы, во всяком случае, ничего не узнали бы об их судьбе. Их появление на свет не было желательным, так как потомство могло унаследовать и передать дальше склонность к более длительному периоду инкубации и, таким образом, подорвать всю систему, которая существовала веками и давала возможность взрослым марсианам определять время возвращения к инкубатору с точностью до одного часа.

Инкубаторы строятся в отдаленных, хорошо защищенных местах, возможность открытия которых другими племенами мала или даже вовсе невероятна. Последствием обнаружения инкубатора чужим племенем явилось бы отсутствие детей в общине еще на один пятилетний период. Позже мне пришлось быть свидетелем результатов такой катастрофы.

Община, включавшая в себя зеленых марсиан, с которыми меня связала судьба, состояла из тридцати тысяч душ. Они кочевали по огромному пространству бесплодной или почти бесплодной пустыни между сороковым и восьмидесятым градусом южной широты, граничившей на востоке и западе с двумя большими плодородными областями. Их главные квартиры были расположены в юго-запад-

ном углу этого участка, вблизи от пересечения двух так называемых марсианских каналов.

Так как инкубатор был расположен далеко к северу от их собственной территории, на необитаемой и никем не посещаемой равнине, нам предстояло труднейшее путешествие, относительно которого я, естественно, ничего не знал.

После нашего возвращения в мертвый город я провел несколько дней в полном бездействии. На следующий день после возвращения воины уехали куда-то рано утром и вернулись только к наступлению темноты. Как я узнал позже, они были в подземной пещере, где сохранялись яйца, и перенесли их в инкубатор, стену которого они затем снова заделали на новый пятилетний период.

Обязанности Сола увеличились вдвойне: теперь она была вынуждена заботиться не только обо мне, но и о юном марсианине. К слову, ни один из нас не требовал особого внимания, и так как мы были одинаково подвинуты в марсианском образовании, Сола взялась обучать нас обоих вместе.

Кстати, добычей Сола оказался младенец мужского пола, около четырех футов вышины, очень сильный и прекрасно сложенный. К тому же он хорошо учился, и мы достаточно забавлялись, или, по крайней мере, я забавлялся теми отношениями, которые воцарились между нами. Марсианский язык, как я уже сказал, чрезвычайно прост, и через неделю я мог сделать понятными для окружающих все свои желания и сам понимал все, что мне говорилось. Точно так же под руководством Сола я до такой степени развил свои телепатические способности, что вскоре мог ощущать практически все, что происходило около меня.

Больше всего удивляло во мне Солу то, что в то время, как я легко схватывал телепатические проявления других, и часто, даже тогда, когда они вовсе не для меня предназначались, никто ни при каких обстоятельствах не мог разобрать, что-либо, исходившее из моего сознания.

Вначале это огорчало меня, но впоследствии я был очень рад этому, так как это давало мне несомненное преимущество над марсианами.

8. НЕБЕСНАЯ ПЛЕННИЦА

На третий день после церемонии у инкубатора мы выступили в путь, направляясь домой, но, едва только голова процессии вышла на открытое пространство перед городом, был отдан приказ к немедленному и спешному возвращению. Как существа, тренировавшиеся много лет в такого рода маневрах, зеленые марсиане рассеялись подобно туману, скользнув в просторные двери прилежащих строений, и меньше, чем в три минуты не осталось и следа от целого каравана повозок, мастодонтов и вооруженных всадников.

Сола и я вошли в строение, расположенное в самом начале города. Это было то самое здание, в котором произошла моя встреча с белыми обезьянами, и я, желая узнать, что вызвало наше непонятное отступление, поднялся на верхний этаж и выглянул из окна

на лежащие впереди долину и горы. Тут я увидел причину, сделавшую необходимым наше неожиданное бегство под прикрытие. Огромное парусное судно, длинное, низкое, выкрашенное в серый цвет, медленно летело через гребень ближайшей горы. Следуя за ним, шло второе, третье и затем еще одно, и так до тех пор, пока не показалось двадцать кораблей, летящих низко над поверхностью почвы, медленно и величественно направляясь к нам. На каждом из них было странное знамя, перекинутое над палубой от носа до кормы, а на носу каждого судна был изображен необычный девиз, который сверкал в солнечных лучах и был ясно виден на том расстоянии, на каком находились мы от них. Я мог различить фигуры, толпившиеся на верхней и средней палубах воздушного судна. Обнаружили ли они наше присутствие или просто смотрели на покинутый город, я не мог бы сказать, но, во всяком случае, их ожидала жестокая встреча, так как внезапно и без всякого предупреждения зеленые марсиане дали залп из окон строений, смотревших на маленькую долину, над которой так мирно продвигались большие корабли.

В один миг сцена магически изменилась. Передовое судно метнулось в нашу сторону. Развернувшись боком, и, наведя свои пушки, оно ответило на наш залп, а затем повернуло обратно с очевидным намерением, описав большой круг, вновь очутиться на позиции против линии нашего огня. Остальные суда шли по его кильватеру, причем каждое из них выпустило в нас залп, когда первое судно встало в позицию. Наш собственный огонь отнюдь не уменьшался, и я сомневаюсь в том, что хотя бы четверть наших выстрелов были даны на ветер. Мне никогда еще не доводилось видеть более смертоносной точности прицела и, казалось, что взрыв каждого ядра заставлял падать одну из маленьких фигур на корабле, а знамена и палуба вспыхивали языками пламени, когда не знавшие промаха воины попадали в борт.

Огонь с кораблей был почти безрезультатен, как я впоследствии узнал, из-за внезапности нашего первого залпа, заставшего команды кораблей врасплох и вследствие того, что их аппараты для выверки прицела пушек были не защищены от устрашающей меткости наших воинов.

У каждого зеленого марсианина во время боя есть вполне определенные объекты, куда он должен направлять свои выстрелы. Например, одни из них, как правило, лучшие стрелки, направляют свой огонь исключительно против беспроволочных аппаратов связи и против аппаратов для выверки прицела тяжелых орудий нападающего флота; другие выполняют ту же задачу против меньших пушек; третьи — подстреливают канониров; следующие — офицеров. Наконец, известное количество воинов сосредоточивает свой огонь против остальных членов команды на верхней части судна и на штурвале, а также обращает его на пропеллеры.

Через двадцать минут после нашего первого выстрела большой флот, изрядно потрепанный, улетал в том же направлении, откуда появился вначале. Некоторые из кораблей давали заметный крен и, казалось, поредевшая команда едва-едва управляет ими. Их огонь совершенно прекратился, и вся их энергия сосредоточилась на бегстве. Тогда наши воины ринулись на крышу строений, которые мы

занимали, и проводили отступавшую армаду продолжительным и беспощадным ружейным огнем.

Как бы то ни было, кораблям, одному за другим, удалось нырнуть за гребень выступавших перед нами гор. На виду осталось одно едва двигавшееся судно. Оно как раз приняло на себя первый удар и теперь, казалось, совершенно опустело, так как на его палубах не было видно ни одной движущейся фигуры. Медленно оно отклонилось от своего пути, описывая круг в обратную сторону по направлению к нам, двигаясь странным и возбуждающим жалость образом. Мгновенно воины прекратили огонь, было вполне очевидно, что корабль совершенно беспомощен и лишен возможности причинить вред, так как не мог даже управлять своими движениями на пути к спасению.

Когда судно приблизилось к городу, воины устремились наружу, на равнину, чтобы встретить его, но оно было еще слишком высоко, для того, чтобы взобраться на его палубу. Со своей удобной позиции у окна я мог наблюдать на палубе корабля разбросанные тела, хотя и не мог различить, к какому роду существ они принадлежат. На судне не было никаких признаков жизни, и оно медленно относилось легким ветерком в юго-западном направлении.

Оно летело над землей на высоте приблизительно пятидесяти футов, сопровождаемое почти всеми воинами, за исключением одной сотни, которой было приказано вернуться на крыши для защиты от возможного возвращения флота или подкрепления. Вскоре стало очевидным, что корабль ударится о фасад здания приблизительно на милю южнее наших позиций, и несколько воинов помчались галопом вперед, сошли на землю и вошли в здание, к которому кораблю суждено было пристать.

Когда судно приблизилось к строению, как раз перед тем, как ему удариться, марсианские воины прыгнули на палубу из окон и своими длинными копьями уменьшили силу столкновения, затем, в течение нескольких мгновений, они сбросили якорь, а люди, стоявшие внизу, стащили большой корабль вниз.

После того, как воины закрепили якорь, они толпой бросились на палубу судна и обыскали его от носа до кормы. Я видел, как они рассматривали мертвых матросов, очевидно, отыскивая в них признаки жизни. Затем внизу появилась группа воинов, тащившая за собой маленькую фигурку. Это существо ростом было вдвое меньше зеленых марсианских воинов, и со своего балкона я мог видеть, что оно ступало прямо на двух ногах. Я предположил, что это образец какого-нибудь нового и странного, свойственного Марсу уродства, которого я до сих пор еще не видел.

Зеленые марсиане спустили своего пленника на землю и затем приступили к систематическому разграблению корабля. Эта операция потребовала нескольких часов, в течение которых было затребовано известное число повозок, чтобы перевезти добычу, состоявшую из оружия, амуниции, шелков, мехов, драгоценностей, каменных корабликов со странной резьбой и некоторого количества съестных припасов и напитков, включая сюда множество бачков с водой, первой водой, которую я увидел на Марсе.

После того, как последняя часть добычи была увезена, воины прикрепили канаты к кораблю и протащили его на буксире в доли-

ну, на довольно большое расстояние в юго-западном направлении. Затем несколько из них взошли на него и с большим рвением занялись, как мне показалось с моей отдаленной позиции, опустошением карманов мертвых матросов и всякого рода кладовых и хранилищ корабля.

Закончив эту операцию, они поспешно соскользнули по канатам на почву. Последний из воинов, который должен был покинуть судно, повернулся и бросил что-то на палубу. Затем он подождал мгновение, чтобы убедиться в последствиях своего поступка. Когда в том месте поднялся бледный столб пламени, воин перекинулся через борт и тотчас очутился на почве. Едва он успел спуститься, как канаты сразу отделились от корабля и огромное военное судно, сделавшееся значительно легче после разгрома, величественно устремилось в воздух, тогда, как его палуба и верхняя часть являли собой сплошную массу огня.

Медленно оно направлялось к юго-востоку, поднимаясь все выше и выше, по мере того, как огонь пожирал его деревянные части и уменьшал тем самым его вес. Поднявшись на крышу здания, я наблюдал за ним до тех пор, пока в конце концов оно не затерялось в туманной безбрежности мирового пространства.

Подобное зрелище могло довести до крайнего ужаса наблюдателя, видящего, как эта грандиозная качающаяся надгробная пирамида летит без руля и ветрил по пустынным безднам марсианских небес, брошенная на призывол смерти и разрушения, олицетворяя собой жизненную историю тех странных и жестоких существ, во вражеские руки которых рок бросил его.

Сильно угнетенный, но не отдавая себе отчета в этом, я медленно спустился на улицу. Сцена, свидетелем которой я был, более походила на поражение и уничтожение сил родственного мне народа, чем на разгром зелеными марсианскими воинами орды им же подобных, хоть и враждебных существ.

Я не мог до конца осознать чудившуюся мне галлюцинацию, но не мог также освободиться от нее. Где-то в самых глубоких тайниках души я ощущал странную тоску по этим неведомым врагам, и во мне проснулась могучая надежда, что флот вернется и потребует от зеленых воинов отчета, за что они так беспощадно и безосновательно напали на него.

За мною по пятам — теперь это было привычное для нее место — шла Вула, моя собака, а когда я показался на улице, Сола кинулась ко мне, как будто давно искала меня.

Кавалькада возвратилась на площадь — путешествие было отложено из-за страха перед ответной атакой воздушного флота.

Лоркас Птомель был слишком хитрым старым воином, чтобы быть пойманным на открытой равнине с караваном из повозок и детей и, таким образом, мы оставались в покинутом городе и опасность, казалось, исчезла.

Когда Сола и я вышли на площадь, перед моими глазами предстало зрелище, наполнившее все мое существо волной смешанных чувств надежды, страха, восторга и уныния, и все же надо всем преобладало едва уловимое ощущение облегчения и радости, потому что, как раз в тот момент, как мы приблизились к толпе марсиан, мне удалось бросить взгляд на пленницу с военного корабля,

которую несколько зеленых марсианок грубо тащили в ближайшее здание. Перед моими глазами была гибкая девичья фигурка, до мельчайших деталей подобная земным женщинам моей прошлой жизни. Она не видела меня вначале, но как раз в тот момент, когда она исчезала в портале строения, которое должно было стать ее тюрьмой, она обернулась, и ее глаза встретились с моими.

Ее лицо было овальной формы и необычайно прекрасно, каждая черта его была как бы выточена и поражала своей изысканностью; глаза были огромными и блестящими, а голову ее, с которой сбегали волны черных, как смоль, вьющихся волос украшала странная, но красившая ее прическа. Ее кожа была оттенка красноватой меди, на фоне которой горячий румянец щек и рубин чудесно очерченных губ выделялись с чарующей прелестью.

Она была так же лишена одежды, как и сопровождающие ее зеленые марсианки. За исключением украшений очень тонкой работы, девушка была совершенно обнажена, но никакие наряды не могли бы возвысить красоту ее божественно гармоничной фигуры.

Когда ее взор остановился на мне, глаза девушки широко открылись от удивления, и пленница подала мне легкий знак свободной рукой, знак, который, разумеется, я не понял. Только один миг мы смотрели друг на друга, а затем выражение надежды и радости, засиявшее на ее лице, когда она увидела меня, погасло, превратившись в выражение крайнего отвращения, смешанного с ненавистью и презрением. Я догадался, что причиной такой перемены послужило то, что я не ответил на ее знак, и при всей своей неосведомленности о марсианских обычаях, интуитивно почувствовал, что она взывала о помощи и покровительстве, и что мое несчастное невежество помешало мне ответить на ее призыв. Итак, ее поволокли в глубину заброшенного здания, и прекрасная пленница исчезла с моих глаз.

9. Я ИЗУЧАЮ ЯЗЫК

Когда я пришел в себя, то взглянул на Сола, присутствовавшую при этой встрече, и был поражен, заметив какое-то странное выражение на ее обычно бесстрастном лице. Я не знал, что она думает, так как до сих пор слабо изучил язык марсиан, он был открыт мне лишь в пределах удовлетворения моих повседневных потребностей.

Когда я дошел до входа в наше строение, меня ожидал странный сюрприз. Ко мне приблизился воин, державший в руках оружие, амуницию и все принадлежности подобного рода. Он вручил мне все это с несколькими нечленораздельными словами и с выражением уважения и угрозы одновременно.

Позднее Сола, с помощью нескольких других женщин, переделала все эти принадлежности, чтобы приспособить их к моим пропорциям. После того, как она закончила эту работу, я стал выходить, облаченный во все военные доспехи.

С этого дня Сола стала посвящать меня в тайны обращения с разным оружием, и я вместе с юным марсианином проводил на площади несколько часов ежедневно, практикуясь в этом деле.

Я еще не был искусен в обращении со всеми видами оружия, но мое знакомство с подобного рода земным оружием превращало меня в необыкновенно способного ученика, и я делал большие успехи.

Моим воспитанием и воспитанием юного марсианина руководили исключительно женщины, которые занимаются не только обучением юношества военному искусству, но одновременно являются мастерами, производящими все изделия промышленности, употребляемые зелеными марсианами. Они изготовляют порох, патроны, огнестрельное оружие — одним словом, все, обладающее какой-либо ценностью, производится женщинами. Во время войны из них формируется часть резервов и, в случае необходимости, они сражаются даже с большей сообразительностью и жестокостью, чем мужчины.

Мужчины совершенствуются в более сложных вопросах военного искусства — в стратегии и маневрировании большими войсковыми частями. Кроме этого они вырабатывают законы по мере необходимости в этом, новый закон по поводу каждого нового казуса. Обычай передается из века в век, но наказание за нарушение обычая определяет в зависимости от индивидуальных обстоятельств совет из лиц, по общественному положению равных преступнику, и я могу сказать, что правосудие здесь редко совершает промах и только в редчайших случаях нарушает приоритет закона. В одном отношении, по крайней мере, марсиане счастливый народ — у них нет адвокатов.

Я не видел пленницы в течение нескольких дней, последовавших после нашей первой встречи, а затем увидел ее только мельком, когда ее вели в большую приемную залу, в ту самую, где произошла моя первая встреча с Лоркасом Птомелем. Я не мог не заметить резкости и грубости стражей по отношению к ней, так отличавшихся от почти материнской мягкости, с которой относилась ко мне Сола, и от той почтительности, которую я наблюдал со стороны немногих зеленых марсиан, дававших себе труд замечать меня.

В обоих случаях, когда я видел пленницу, мне удалось уловить, что она перебрасывалась парой слов со своей стражей, и это убедило меня в том, что принадлежавшие к таким разным расам марсиане могли говорить друг с другом или, по крайней мере, при помощи какого-то общего языка достигнуть взаимопонимания. С этим новым стимулом я довел Солу почти до сумасшествия навязчивыми просьбами ускорить мое обучение, и через несколько дней я настолько овладел языком марсиан, что был в состоянии довольно сносно поддерживать разговор и вполне понимать все то, что слышал.

К этому времени наша спальня, кроме Солы, ее питомца, меня и Вулы, была занята еще тремя или четырьмя женщинами с парой недавно вылупившихся юнцов. После того, как малыши засыпали, взрослые обычно, прежде чем уснуть, в течение короткого промежутка времени вели беспорядочную беседу, и теперь, когда я мог понимать их язык, я всегда внимательно слушал, хотя сам никогда не издавал ни звука.

В ночь, последовавшую за посещением пленницей приемной за-

лы, разговор в конце концов коснулся этой темы, и в тот же миг я превратился в слух. Я боялся расспрашивать Сола о прекрасной пленнице, так как не мог не помнить того странного выражения, которое заметил на ее лице после моей первой встречи с заключенной. Означало ли оно ревность, я не мог бы сказать, но все же, судя по земным меркам, я находил более благоразумным проявлять кажущееся безразличие в этом вопросе до тех пор, пока не выясню отношение Сола к предмету моих забот. Саркойя, одна из пожилых женщин, деливших с нами кров, присутствовала в качестве стражницы при аудиенции и наши соседки обратились к ней:

— Когда, — спросила одна из женщин, — мы насладимся агонией этой краснокожей? Или Лоркас Птомель Джед намерен держать ее ради выкупа?

— Они решили отвезти ее с нами в Тарк и там предать смертным мукам во время великих игр перед Талом Хаджусом, — ответила Саркойя.

— Каким образом это произойдет? — спросила Сола. — Она очень миниатюрна и очень красива. Я надеялась, что ее будут держать ради выкупа.

Саркойя и другие женщины недовольно заворчали при проявлении такой слабости со стороны Сола.

— Очень жаль, Сола, что вы не родились на миллион лет раньше, — фыркнула Саркойя, — когда все углубления в почве были наполнены водой и люди были столь же податливы, как вещество, по которому они плавали. В наши дни мы дошли до такой степени прогресса, когда такого рода чувства указывают на слабость и атавизм. Было бы нехорошо для вас обнаружить перед Тарсом Таркасом подобные дегенеративные чувства, так как я сомневаюсь, что он, узнав о подобном, возложит на вас серьезные обязанности матери.

— Я не вижу ничего дурного в своем отношении к краснокожей женщине, — возразила Сола. — Она никогда не приносила нам вреда и никогда бы его не принесла, если бы мы попали в ее руки. Только мужчины ее племени воюют с нами, и я иногда думаю, что их позиция по отношению к нам есть только отражение нашей по отношению к ним. Они живут в мире со всеми своими соседями, кроме тех случаев, когда долг призывает их к войне, между тем как мы не поддерживаем мира ни с кем, мы вечно воюем даже с подобными нам, равно как с красными людьми, и даже в наших собственных общинах мужчины бьются друг с другом. О! вся наша жизнь — один непрерывный ужасный поток крови, начиная с того момента, когда мы пробиваем скорлупу, до тех пор, пока мы с радостью бросаемся в лоно реки сокровенных тайн, в мрачную и древнюю Иссу, уносящую нас к неизвестному, но, по крайней мере, не более страшному и жуткому существованию. Счастлив действительно тот, кого встречает ранняя смерть. Говорите что хотите Тарсу Таркасу, он не может выбрать для меня худшей участи, чем продолжение того ужасного существования, которое мы вынуждены вести.

Эта дикая вспышка со стороны Сола так сильно удивила и оскорбила других женщин, что после коллективного выговора ей, сделанного в нескольких словах, воцарилось молчание, и вскоре все

заснули. Этот эпизод, во всяком случае, послужил мне на пользу, так как я убедился в дружелюбном отношении Сола к бедной девушке, а также удостоверился в том, что мне исключительно повезло, что я попал в руки Сола, а не какой-нибудь другой женщины. Я знал, что Сола хорошо относится ко мне, а теперь, когда я открыл, что она ненавидит жестокость и варварство, я поверил, что смогу положиться на нее в устройстве моего побега и побега узницы, если только это будет в пределах возможного.

Я совершенно не знал, что ожидало бы меня в случае удачного побега, но от всей души решил поставить на карту все, чтобы жить среди существ, созданных по моему подобию, а не оставаться дальше среди отвратительных и кровожадных зеленых людей Марса. Но куда идти и каким образом — было такой же загадкой для меня, как, начиная с сотворения мира, тысячелетние поиски вечной юности для земных людей.

Я решил при первой же возможности довериться Соле и открыто просить у нее помощи, и с этим твердым намерением растянулся на своих шелках и мехах и погрузился в тот освежающий и лишенный сновидений сон, каким я всегда спал на Марсе.

10. ПОБЕДИТЕЛЬ И ВОЖДЬ

На следующее утро я спозаранку выбрался на улицу. Мне была предоставлена значительная свобода, и Сола предупредила меня, что пока я не сделаю попытки покинуть город, я могу приходить и уходить, когда мне угодно. Однако она предостерегла меня, чтобы я не выходил безоружным, так как этот город, подобно другим покинутым городам древней марсианской цивилизации, населен большими белыми обезьянами, с которыми мне пришлось столкнуться уже на второй день моих приключений.

Советуя мне не покидать пределов города, Сола объяснила, что Вула ни в коем случае не допустит бы этого. Она настоятельно рекомендовала мне не возбуждать его гнев и не подходить слишком близко к запрещенной территории. Его характер таков, сказала Сола, что в случае послушания он вернул бы меня живым или мертвым, — “скорее мертвым” — добавила она.

В это утро я выбрал для своих исследований новую улицу и неожиданно очутился на краю города. Передо мной открылись низкие холмы, прорезанные узкими живописными лощинами. Я жаждал исследовать простирающуюся передо мной местность, и, подобно тем пионерам, от которых происходил, увидеть ландшафт, скрытый окрестными холмами, а для этого взобраться на одну из вершин, заслоняющих мне горизонт.

Мне также пришло в голову, что это отличный способ испытать Вулу. Я был убежден, что это животное меня любит. Я видел в нем гораздо больше признаков симпатии, чем в ком-либо другом из живых существ Марса, и надеялся, что благодарность за двукратное спасение его жизни перевесит преданность долгу, наложенному на него жестокими бесчувственными хозяевами.

Когда я приблизился к городской черте, Вула поспешно побежал

вперед и ткнулся телом в мои ноги. Выражение его морды казалось мне скорее просительным, чем свирепым, он не обнажал своих больших клыков и не издавал ужасных гортанных окриков. Лишенный дружбы и общества себе подобных, я порядочно привязался к Вуле и Соле. Нормальный человек должен иметь исход для своих естественных чувств, и я был уверен, что не разочаруюсь в расположении к этому большому зверю.

Я никогда не гладил его и не нежничал с ним, но тут я присел на землю, обвил руками его мощную шею и начал поглаживать и ласкать его, говоря с ним на едва обретенном мною марсианском языке, как я разговаривал бы дома со своей собакой или с каким-нибудь иным другом из мира животных. Вула реагировал на это самым неожиданным образом. Разинув широкую пасть, он обнажил весь верхний ряд зубов и наморщил нос так, что его большие глаза почти скрылись в складках кожи. Если вы когда-нибудь видели, как улыбается шотландская овчарка, это даст вам представление о том, как исказилась физиономия Вулы.

Он упал на спину и начал валяться у моих ног. Потом вскочил, бросился на меня, причем опрокинул меня своей тяжестью, потом, вертясь и извиваясь передо мной, как резвый щенок, начал подставлять спину, чтобы я еще погладил ее. Я не мог устоять перед комичностью этого зрелища и, держась за бока, покатывался от смеха — первого смеха, сорвавшегося с моих губ впервые за множество дней. Действительно, я смеялся в первый раз с того утра, как Пуозель уезжал из лагеря на давно неезженной лошади, и она неожиданно сбросила его вверх тормашками на цветочную грядку.

Мой хохот испугал Вулу, его прыжки прекратились, и он с жалобным видом подполз ко мне, тычась своей безобразной головой мне в колени. И тогда я вспомнил, что обозначает на Марсе смех — муку, страдание, смерть! Подавив свою смешливость, я похлопал беднягу по голове и по спине, поболтал с ним немножко, а затем властным тоном приказал ему следовать за мной и, встав на ноги, двинулся по направлению к холмам.

Теперь между нами больше не было вопроса о власти: с этого момента Вула был моим преданным рабом, а я его единственным повелителем. Через несколько минут я добрался до холмов, но не нашел там ничего особенно интересного. По склонам вершин росло множество диких цветов, странной формы и великолепной окраски, а с вершины ближайшего холма я увидел лишь другие холмы, тянувшиеся к северу и вздымавшиеся гребень за гребнем, пока они не скрылись среди более высоких гор вдали. Впрочем, впоследствии я узнал, что на всем Марсе было только несколько пиков, превышавших высоту в четыре тысячи футов.

Моя утренняя прогулка имела для меня огромное значение, так как привела меня к дружбе с Вулой, на которого Тарс Таркас полагался, как на моего сторожа. Теперь я знал, что пленник в теории, практически я был свободен, и поспешил вернуться в город, прежде чем отступничество Вулы будет замечено его номинальными хозяевами. Я решил не переступать больше предписанных мне границ, пока не буду готов рискнуть всем, так как если бы нас поймали, это повело бы к ограничению моей свободы и, вероятно, к гибели Вулы.

Вернувшись на площадь, я в третий раз обрел случай взглянуть на пленную девушку. Она стояла со своими стражницами перед входом в приемный зал и при моем приближении отвернулась, смежив меня надменным взглядом. Это было сделано так по-женски, так по-земному, что хотя моя гордость была задета, сердце мое наполнилось чувством симпатии: мне было приятно встретить на Марсе существо с инстинктами цивилизованного человека, хотя они и проявлялись таким обидным для меня образом.

Если бы зеленая марсианская женщина захотела выразить свое неудовольствие или пренебрежение, она, по всей вероятности, сделала бы это взмахом меча. Но так как их чувства в значительной степени атрофированы, понадобилось бы большое оскорбление, чтобы довести до такой ярости. Должен добавить, что Сола была исключением. Я никогда не видел с ее стороны каких-либо жестоких поступков или вообще недостатка приветливости и добродушия. Она, действительно, была, как говорил о ней ее марсианский кавалер, прелестной противоположностью извечного типа нелюбимых и нелюбящих предков.

Видя, что пленница находится в центре общего внимания, я остановился поглядеть, что будет. Мне не пришлось долго ждать, так как вскоре к зданию приблизился со своей свитой Лоркас Птомель. Он приказал страже следовать с пленницей за ним и вошел в приемный зал. Я считал себя несколько привилегированной особой и был убежден, что воины не знают, что я понимаю их язык. Дело в том, что я просил Солу держать это в тайне, ссылаясь на то, что неудобно разговаривать с людьми, прежде чем я вполне овладею марсианским языком. Ввиду всего этого я рискнул войти в приемный зал и послушать, что там будет происходить.

Совет восседал на ступеньках эстрады, а перед ним внизу стояла пленница с двумя стражницами по бокам. В одной из женщин я узнал Саркойю и теперь понял, каким образом она могла присутствовать здесь на вчерашнем заседании, о результате которого осведомила минувшей ночью население нашего дортуара. Ее обращение с пленницей было резко и грубо. Она впиалась своими недоразвитыми ногтями в тело бедной девушки или больно щипала ее за руку. Если нужно было перейти с одного места на другое, она бесцеремонно дергала пленницу или толкала ее перед собой. Саркойя словно вымещала на этом несчастном беззащитном создании всю ненависть, жестокость и злобу своих девятист лет, за которыми скрывались бесчисленные поколения злобных и свирепых предков.

Вторая женщина вела себя менее жестоко и казалась совершенно равнодушной. Оставшись под ее присмотром ночью, пленница не страдала от грубого обращения, так как эта стражница вообще не обращала на нее никакого внимания.

Когда Лоркас Птомель поднял глаза, чтобы обратиться к пленнице, его взор упал на меня, и он с нетерпеливым жестом обратился к Тарсу Таркасу и что-то сказал ему. Я не расслышал ответа Тарса Таркаса, но Лоркас Птомель улыбнулся и больше не уделял меня вниманием.

— Как тебя зовут? — обратился Лоркас Птомель к пленнице.

— Дея Торис, дочь Морса Каяка из Гелиума.

— Зачем вы путешествовали? — продолжал он.

— Это была чисто научная экспедиция, посланная моим отцом, джедаком Гелиума, для изучения воздушных течений и измерения плотности атмосферы, — ответила пленница низким приятным голосом. — Мы не были готовы к сражению, — продолжала она, — так как были заняты мирным делом, это было видно по флагам и цветам нашего судна. Наша работа была столь же в ваших интересах, как и в наших, и вы отлично знаете, что если бы не наши труды и плоды наших научных изысканий, на Барсуме не было бы достаточно воздуха, чтобы мог существовать хоть один человек. Веками поддерживали мы на планете количество воды и воздуха на одном и том же уровне почти без заметной убыли, и мы делали это, невзирая на грубое и невежественное вмешательство ваших зеленых. О! почему, почему вы не хотите жить в мире и дружбе с ближними? Неужели вы так и уйдете в века до вашего окончательного исчезновения, почти не поднявшись над теми животными, которые вам служат! Народ без письменности, без искусства, без домашнего уюта, без любви. Вы ненавидите друг друга, как ненавидите всех, кроме вас самих. Вернитесь к путям наших общих предков, вернитесь к свету дружбы и добра. Дорога открыта, вы найдете в краснокожих людях готовность помочь вам. Совместными усилиями мы сможем сделать гораздо больше для возрождения нашей умирающей планеты. Дочь величайшего и могущественнейшего из красных джедаков зовет вас! Откликнитесь ли вы на призыв?

Когда молодая женщина умолкла, Лоркас Птомель и воины долго молчали. Никто не может знать, что происходило у них в душе, но я уверен, что они были тронуты. Если бы среди них нашелся хотя бы один человек, достаточно смелый, чтобы стать выше обычаев, эта минута определила бы для Марса начало новой и великопленной эры.

Тарс Таркас поднялся, желая говорить, и на лице его было такое выражение, какого я никогда не видел у зеленых марсианских воинов. Оно свидетельствовало о страшной внутренней борьбе с самим собой, с наследственностью, с вечной привычкой и, когда он раскрыл рот, чтобы говорить, его мрачные черты вдруг осветились благожелательным, почти ласковым взглядом.

Но слова, готовые уже слететь с его уст, остались невысказанными, так как в этот миг какой-то молодой воин, ринулся со ступеней и нанес хрупкой пленнице страшный удар по лицу. Она упала на пол, а он, опершись на нее ногой, повернулся к совету и разразился диким и мрачным хохотом.

На миг я подумал, что Тарс Таркас убьет его, да и вид Тарса Таркаса и Лоркаса Птомеля не предвещал для него ничего хорошего, но минутное настроение уже прошло, их исконная натура вступила в свои права, и они улыбнулись. Удивительно было уже то, что они не рассмеялись громко, так как поступок молодого воина представлял собой с точки зрения марсианского юмора необычайно тонкую остроту.

То, что я потратил время на описание этого происшествя, не означает еще, что я оставался хотя бы на секунду его пассивным зрителем. Мне кажется, что у меня было какое-то предчувствие,

потому что я припоминаю, как я пригнулся для прыжка в тот миг, когда удар лишь грозил прекрасному, с мольбой обращенному к совету лицу. И, прежде чем опустилась рука негодяя, я уже пробежал половину расстояния.

Не успел отвратительный смех отзвучать, как я бросился на воина. Он был двенадцати футов ростом и вооружен до зубов, но я думаю, что в охватившей меня безумной ярости я устоял бы против всех, находившихся в зале. Когда воин обернулся на мой крик, я подскочил и ударил его по лицу, а когда он вытащил свой короткий меч, я выхватил свой и прыгнул ему на грудь, встав одной ногой на рукоятку его пистолета и ухватившись левой рукой за один из его огромных клыков. При этом я начал наносить удар за ударом по его широкой груди.

Он не мог пользоваться своим мечом, так как я был слишком близко, и не мог вытащить пистолет, хотя и пытался сделать это, вопреки марсианскому обычаю, запрещающему защищаться оружием, какого нет у нападающего. Ему ничего не оставалось, как попытаться стряхнуть меня, но все его отчаянные старания не привели ни к чему. Несмотря на свой огромный рост, он едва ли был сильнее меня, и через несколько мгновений безжизненной окровавленной массой рухнул на пол!

Дея Торис приподнялась на локте и испуганными глазами наблюдала за поединком. Очутившись на полу, я взял ее на руки и отнес на одну из скамей у стены зала.

Никто из марсиан не помешал мне. Оторвав лоскут шелка от своего плаща, я попытался унять кровь, лившуюся у нее из носа, что и удалось мне вскоре. Как только к ней вернулась способность речи, девушка положила мне на плечо руку, и, заглянув мне в глаза, сказала:

— Почему вы это сделали? Вы, отказавший мне в простом внимании в первую минуту постигшей меня опасности! А теперь вы рискуете жизнью и убиваете одного из ваших ради меня. Я этого не понимаю. Что вы за странный человек, почему водитесь с зелеными, хотя с виду вы моей расы, а цвет вашего лица лишь немного темнее цвета белых обезьян? Скажите мне, человек вы или больше, чем человек?

— Это странная история, — отвечал я, — и слишком длинная, чтобы я мог сейчас рассказать вам ее. Она мне самому представляется до того невероятной, что я не надеюсь, чтобы другие могли ей поверить. Пока могу лишь сказать, что я ваш друг и, насколько это допустят держащие нас в плену, — ваш защитник и слуга.

— Значит, и вы пленник? Но почему же у вас оружие и регалии таркианского вождя? Как вас зовут? Из какой вы страны?

— Да, Дея Торис, я тоже пленник. Меня зовут Джон Картер, и родом я из штата Виргиния, одного из Соединенных Штатов Америки — на Земле. Почему мне разрешено носить оружие, мне неизвестно, и я не знал, что эти знаки на мне принадлежат званию вождя.

Наш разговор был прерван приближением одного из воинов, который нес оружие, амуницию и украшения, и вмиг у меня в голове мелькнул ответ на один из вопросов, и была разрешена еще одна загадка. Я увидел, что эти вещи сняты с тела моего мертвого про-

тивника, и прочел в угрожающем и в то же время сдержанном взгляде воина, принесшего мне эти трофеи, ту же почитительность, какую раньше проявлял другой воин, принесший мне мое первоначальное обмундирование. Теперь только я узнал, что мой удар во время первого столкновения в приемном зале повлек за собой смерть моего противника.

Объяснилось отношение ко мне моих хозяев. Я, так сказать, приобрел свои шпоры и, согласно суровой справедливости, отличающей марсиан, и побудившей меня, помимо прочих причин, назвать Марс планетой парадоксов — мне были представлены почести победителя — амуниция и звание убитого мною врага. Я был настоящим марсианским вождем и, как я впоследствии узнал, этим объяснялась предоставленная мне сравнительная свобода и то, что мне позволяли оставаться в приемном зале.

Когда я повернулся, чтобы принять вещи убитого воина, я заметил, что Тарс Таркас и многие другие двинулись по направлению к нам. Глаза Тарса Таркаса с забавным недоумением разглядывали меня. Наконец он обратился ко мне:

— Вы говорите на языке Барсума удивительно бегло для человека, который всего несколько дней назад был глух и нем к нашим словам. Где вы изучили его, Джон Картер?

— Это вы сами, Тарс Таркас, — ответил я, — доставили мне такую возможность, дав мне удивительно способную учительницу. Своими успехами я обязан Соле.

— С языком ей, несомненно, удалось, — ответил он, — но в других отношениях ваше воспитание оставляет еще желать многого. Знаете ли вы, как бы поплатились за неслыханную дерзость, если бы не сумели победить обоих вождей, чьи знаки вы теперь носите?

— Полагаю, что в этом случае один из них убил бы меня, — улыбаясь ответил я.

— Нет, вы ошибаетесь. Лишь вынужденный необходимостью самообороны марсианский воин решился бы убить пленника. Мы предпочитаем сохранять их для других целей, — при этом выражение его лица намекало на такие возможности, над которыми мне не было охоты задумываться.

— Но одно еще может спасти вас, — продолжил он, — если благодаря вашей удивительной доблести, боевому пылу и ловкости, вы будете признаны Талом Хаджусом достойным служить у него, вас примут в общину и вы станете полноправным таркианцем. Пока мы не достигнем резиденции Тала Хаджуса, вам будут оказываться почести, причитающиеся вам по вашим подвигам. Такова воля Лоркаса Птомеля. Мы будем обращаться с вами, как с таркианским вождем, но вы не должны забывать, что все равно наши вожди ответственны за вашу благополучную доставку к нашему могущественнейшему и жесточайшему повелителю. Я кончил.

— Я выслушал вас, Тарс Таркас, — ответил я. — Как вы знаете, я не уроженец Барсума. Ваши пути — не мои пути, и я могу действовать в будущем лишь так, как действовал до сих пор, то есть в согласии с велениями своей совести и принципами моего племени. Если вы оставите меня в покое, я никогда никого не тро-

ну, если же нет, то пусть каждый барсумец, с которым мне придется иметь дело, уважает мои права чужестранца, или пеняет сам на себя. В одном вы можете быть уверены: каковы бы ни были ваши окончательные намерения по отношению к этой несчастной молодой женщине, тот, кто посмеет обидеть или оскорбить ее, должен будет считаться со мной. Мне известно, что вы презираете всякие проявления мягкости и великодушия, но я не могу сказать этого о себе, и берусь доказать самому доблестному из ваших воинов, что эти качества вполне совместимы со свойствами хорошего бойца.

Даже Тарсу Таркасу, по-видимому, понравился мой ответ, хотя он отозвался на него достаточно загадочной фразой:

— А я думаю, что знаю Тала Хаджуса, джедака Тарка.

Теперь я посвятил свое внимание Дее Торис, помог встать ей на ноги и направился с нею к выходу на виду у растерявшихся стороживших ее гарпий и под вопросительными взглядами вождей. Разве я сам теперь не был таким же вождем! Ну, что же, я готов был принять на себя ответственность вождя. Никто не остановил нас, и вот Дея Торис, принцесса Гелиума, и Джон Картер, виргинский джентльмен, сопровождаемые моим верным слугой Вулой, вышли при гробовом молчании из приемного зала Лоркаса Птомеля, джеда барсумских тарков.

11. ДЕЯ ТОРИС

Когда мы вышли наружу, обе стражницы, приставленные к Дее Торис, выбежали за нами и, по-видимому, намерены были снова конвоировать ее. Бедняжка прижалась ко мне, и ее маленькие ручки крепко ухватились за мою руку. Я сделал женщинам знак удалиться, объяснив им, что отныне за пленницей будет смотреть Сола, при этом я предупредил Саркойю, что она поплатится самым неприятным образом, если позволит себе какие-нибудь жестокие выходки по отношению к Дее.

Моя угроза была бесплодна и причинила Дее Торис больше вреда, чем пользы, потому что на Марсе, как я впоследствии узнал, мужчина не может наказать женщину смертью, равно как и женщина не смеет убить мужчину. Поэтому Саркойя ограничилась лишь злобным взглядом и ушла строить против нас козни.

Вскоре я нашел Солу и попросил ее охранять Дею Торис так же, как она охраняла меня. Я попросил Солу подыскать другое жилище, где бы им не пришлось бояться Саркойи, и сказал ей, что сам я намерен поселиться среди мужчин.

Сола взглянула на воинские знаки, которые я нес в руках и на плече.

— Теперь вы великий вождь, Джон Картер, — произнесла она, — и я рада это видеть. Воин, чьи знаки принадлежат теперь вам, был молод, но это был славный боец, и благодаря своим победам достиг положения непосредственно за Тарсом Таркасом, который, как вы знаете, уступает лишь Лоркасу Птомелю. Вы одиннадцатый — в общине всего десять вождей, доблестью равных вам.

— А что, если я убью Лоркаса Птомеля? — спросил я.

— Тогда вы будете первым, Джон Картер. Но вы можете добиться этой чести лишь в том случае, если ваш поединок будет назначен волей всего совета. Если же Лоркас Птомель сам нападет на вас, вы можете убить его в состоянии самозащиты и этим также завоевать первое место.

Я рассмеялся и переменял тему разговора. У меня не было особого желания убивать Лоркаса, и меньше всего я хотел бы стать джедом тарков.

Я сопровождал Солу и Дею Торис в поисках новой квартиры, которую удалось найти в здании более изысканной архитектуры, расположенном ближе к приемному залу, чем наше прежнее жилище. В этом здании мы нашли настоящие спальни со старинными металлическими кроватями тонкой чеканной работы, спускавшимися на гигантских золотых цепях с мраморных потолков. Стены были украшены картинами, на которых я заметил изображения людей, чего не встречалось на фресках других зданий. Это были люди такие же, как я, и гораздо светлее Деи Торис. Они были одеты в величественно ниспадавшие одежды, богато украшенные драгоценными металлами и камнями. Их пышные волосы были чудного золотистого и бронзово-красного оттенка. Мужчины были безбороды, и лишь немногие из них были вооружены. На картинах был изображен, большей частью, светлокожий светловолосый народ, занятый какими-то играми.

Дея Торис с восклицанием восторга всплеснула руками при виде этих прекрасных произведений искусства, созданных давно угасшим народом. Напротив, Сола их как будто и не замечала.

Мы решили занять комнату, находившуюся на втором этаже и выходившую на площадь, для Деи Торис и смежную комнату позади — для кухонных и хозяйственных надобностей. Затем я отправил Солу за постелями, пищевыми припасами и необходимым мелким скарбом, причем обещал ей посторожить Дею Торис до ее прихода.

Едва Сола ушла, Дея Торис с милой улыбкой обратилась ко мне:

— Куда же убежала бы ваша пленница, если бы вы покинули ее? Ей оставалось бы только молить вас о защите и просить у вас прощения за те жестокие чувства, которые она питала к вам в последние дни.

— Вы правы, — ответил я, — для нас нет иного спасения, как держаться друг друга.

— Я слышала вызов, брошенный вами этому ужасному Тарсу Таркасу, и мне кажется, я понимаю ваше положение среди этих людей. Но я никак не могу освоиться с мыслью, что вы сами не с Барсума.

— Во имя моего первого предка, — продолжала она, — прошу вас, скажите, откуда же вы? Вы и похожи и не похожи на людей моего народа. Вы говорите на моем языке, а между тем я слышала, как вы сказали Тарсу Таркасу, что изучили этот язык только в последние дни. Все барсумцы от покрытого льдами юга и до покрытого льдами севера говорят на одном и том же языке, хотя и пишут различно. Лишь в долине Дор, в долине смерти, где река Исс изли-

вается в потерянное море Корус, существует, по предположениям, другой язык. Но если не считать сказаний наших предков, ни один барсумец не вернулся еще вверх по реке Исс, от утесов Коруса, по долине Дор. Не говорите мне, что вы вернулись оттуда! Если бы это была правда, вас немедленно убили бы, где бы вы ни показались на всем Барсуме! Скажите мне, что это не так!

В ее глазах появился странный таинственный блеск, в голосе звучали умоляющие нотки, а маленькие ручки прижимались к моей груди, как будто желая исторгнуть из моего сердца успокоительные слова.

— Я не знаю ваших обычаев, Дея Торис, но у нас в Виргинии джентльмен не станет лгать даже ради своего спасения. Я никогда не видел загадочной реки Исс, потерянное море Корус остается, поскольку это касается меня, потерянным. Вы верите мне?

И вдруг я заметил, что мне очень и очень хочется, чтобы она мне поверила. Не то, чтобы я боялся ее уверенности в моем возвращении из барсумского рая или ада. Нет, но в чем же дело? Почему меня интересовало, что она подумает? Я взглянул на нее, на ее обращенное ко мне прекрасное лицо, и в ее глазах для меня раскрылась вся глубина ее души. И, встретившись с ней глазами, я понял и... содрогнулся!

Волна подобных чувств, казалось, обуревала и ее. Она со вздохом отодвинулась от меня и, окинув меня проникновенным взглядом, прошептала:

— Я верю вам, Джон Картер. Я не знаю, что значит “джентльмен”, и никогда раньше не слышала про Виргинию. Но в Барсуме не лжет никто. Если человек не хочет сказать правду, он молчит. Где эта Виргиния, где ваша родина, Джон Картер? — спросила она, и гордое имя моей горной страны никогда еще не звучало так прекрасно, как из этих совершенных уст, в этот давно минувший день.

— Я из другого мира, — ответил я, — с великой планеты Земля, обращающейся вокруг нашего Солнца внутри орбиты вашего Барсума, который мы называем Марсом. Я не могу вам рассказать, как я попал сюда — этого я и сам не знаю. Но я здесь, и я рад, что мое присутствие может быть полезно Дее Торис.

Она долго и вопросительно посмотрела на меня опечаленными глазами. Я хорошо знал, что поверить моим словам трудно, и не надеялся, что она поверит сразу, как ни жаждал я приобрести ее доверие и уважение. Я предпочел бы не говорить с ней о моем прошлом, но никто не мог бы заглянуть в глубину этих глаз и отказать ей в малейшем желании.

Наконец Дея улыбнулась и сказала:

— Мне придется поверить вам, хотя я и не все понимаю. Я могу представить себе, что вы не принадлежите к современному Барсуму. Вы такой же, как мы, и в то же время другой... Но зачем ломать голову над загадкой, когда сердце говорит мне, что я верю, потому что хочу верить!

В этом была логика — хорошая, земная, женская логика, и если она удовлетворяла ее, то не мне было придирааться к таким рассуждениям. В сущности, это была единственно правильная точка зрения в этом вопросе. Наш разговор перешел на общие темы, и с

обеих сторон посыпались вопросы. Она расспрашивала об обычаях моего народа и выказала поразительное знание земных событий. На мой удивленный вопрос она рассмеялась и воскликнула:

— О! каждый барсумский школьник знает географию и осведомлен о фауне и флоре, и даже об истории вашей планеты так же основательно, как и о нашей. Разве мы не можем видеть все происходящее на вашей “Земле“, как вы ее называете? Разве не висит она на небе на виду у всех?

Должен признаться, что ее слова поразили меня не меньше, чем мои заявления могли ошеломить ее. Я ей это и сказал. Тогда она объяснила мне в общих чертах устройство приборов, которые применялись ее народом и совершенствовались в течение веков, приборов, позволяющих передавать на экран точное изображение происходящего на любой планете и на многих звездах. Эти изображения, сфотографированные и увеличенные, так точны в деталях, что на них легко различить предметы не крупнее стебелька травы. Впоследствии я увидел в Гелиуме много таких снимков, а также и приборы, с помощью которых они изготовлялись.

— Если вы так хорошо знакомы с земными вещами, — спросил я, — почему же вы не признаете моего тождества с обитателями этой планеты?

Она снова улыбнулась, как взрослый снисходительно улыбается невинным вопросам ребенка:

— Потому, Джон Картер, — сказала она, — что почти каждая планета и звезда, с атмосферными условиями, близкими существующим на Барсуме, обнаруживает формы живых существ, в основном тождественные с вами и со мной. И еще одно — почти все без исключения земные люди покрывают свое тело странными безобразными кусками тканей, а головы столь же безобразными колпаками, назначение которых мы не могли себе уяснить. Вы же, когда вас нашли таркианские воины, были в вашем натуральном виде и без всяких украшений. Тот факт, что на вас не было украшений, является сильным доводом в пользу вашего не барсумского происхождения, но отсутствие нелепых покровов может вызвать сомнения в вашей принадлежности Земле.

Тогда я описал ей подробности моего отбытия с Земли и объяснил, что до этого был одет в столь непонятную ей одежду светского человека.

В эту минуту вернулась Сола с нашими скудными пожитками и со своим юным марсианским протеже, которому, конечно, предстояло разделить с нами квартиру.

Сола спросила, не было ли у нас в ее отсутствие посетителя и была, по-видимому, удивлена нашим отрицательным ответом. Оказалось, что, поднимаясь по лестнице, она встретила спускавшуюся Саркойю. Мы решили, что последняя занималась подслушиванием, но не могли вспомнить, чтобы между нами было сказано что-нибудь важное, и поэтому не придали этой встрече особого значения и лишь обещали себе быть в будущем как можно осторожнее.

После этого мы с Деей Торис занялись осмотром архитектурной и декоративной отделки прекрасных комнат занимаемого нами здания. Она рассказала мне, что этот народ процветал около сотни тысяч лет назад. Это были первые прародители ее расы, но они сме-

шались с другой расой ранних марсиан, темных, почти черных, а также с красно-желтой расой, распространенной в ту же эпоху.

Эти три могучих ветви высших марсиан вынуждены были вступить в тесный союз, когда высыхание марсианских морей заставило их отступать в сравнительно редкие и непрерывно сокращающиеся плодородные области, где они защищались при новых условиях жизни от диких орд зеленых людей.

Века тесных отношений и перекрестных браков дали в результате расу красных людей, прекрасной представительницей которой являлась Дея Торис. За время многовековых лишений и непрерывных войн, как междуусобных, так и общих — против зеленых, погибло многое из высокой цивилизации и искусств светловолосых марсиан. Но современная красная раса достигла такого развития, когда новые открытия и более практическая цивилизация вознаграждают за утрату того, что безвозвратно погребено под бесчисленными слоями истекших веков.

Эти древние марсиане были расой с высокой культурой и письменностью, но превратности тяжелых столетий, когда им приходилось приспособляться к новым условиям, не только совершенно остановили их развитие, но привели к почти полной потере всех архивов, летописей и литературных памятников.

Дея Торис рассказала много интересных фактов и легенд, связанных с этой благородной погибшей расой. Она сказала, что город, где мы находимся, был, по предположениям, торговым и культурным центром, известным под названием Корада. Он был выстроен над прекрасной естественной гаванью, защищенной с суши красивыми холмами. Маленькая долина с западной стороны города представляла собой все, что, по словам девушки, осталось от этой гавани, тогда как проход через холмы к старому морскому дну был прежде каналом, по которому суда доходили раньше до самых городских ворот.

Берега древних морей были усеяны подобными городами. Меньшее число городов можно найти по направлению к центру океанов, так как население отступало по мере убывания воды, пока необходимость не заставила прибегнуть к последнему средству спасения, к так называемым каналам Марса.

Мы были так поглощены осмотром здания и нашим разговором, что не заметили, как наступил вечер. Нас привело в себя появление посланца, принесшего мне от Лоркаса Птомеля приказ немедленно явиться к нему. Простившись с Деей Торис и Солой и приказав Вуле охранять их, я поспешил в приемный зал, где застал Лоркаса Птомеля и Тарса Таркаса, сидевших на возвышении.

12. ПЛЕННИК, ОБЛЕЧЕННЫЙ ВЛАСТЬЮ

Когда я вошел и поклонился, Лоркас Птомель сделал мне знак приблизиться и, устремив на меня свои огромные ужасные глаза, обратился ко мне со следующими словами:

— Вы провели в нашей среде несколько дней и успели за это время достигнуть, благодаря вашей доблести, высокого положения.

Но, как бы то ни было, вы среди нас чужой. Странное дело с вами, — продолжал он, — вы пленник, и вы отдаете приказы, которые исполняются. Вы чужестранец, и в то же время таркианский вождь. Вы почти карлик, а между тем убиваете сильного воина одним ударом кулака. А теперь доносят, что вы готовите побег с пленницей другой расы, с пленницей, которая, по ее же словам, почти убеждена в том, что вы возвратились из долины Дор. Каждого из этих обвинений было бы достаточно для вашей казни, но мы справедливый народ и после возвращения в Тарк дадим вам случай оправдаться на суде, если только этого пожелает Тал Хаджус. Однако, — продолжал он своим мрачным гортанным голосом, — если вам удастся убежать с красной девушкой, отвечать перед Талом Хаджусом придется мне. Возникнет вопрос о старшинстве между мною и Тарсом Таркасом, и я должен буду доказать свое право повелевать. В противном случае знаки вождя перейдут с моего трупа к более достойному человеку, ибо таков обычай тарков. Между мной и Тарсом Таркасом нет ссор. Совместно правим мы самой обширной из младших общин зеленых людей. Мы не хотим сражаться друг с другом. Поэтому я был бы рад, Джон Картер, если бы вы умерли.

Но без приказания Тала Хаджуса мы можем убить вас лишь при двух условиях: в личной схватке при самообороне, если бы вы напали на одного из нас, или же если бы вы были захвачены при попытке к бегству. В интересах справедливости я должен предупредить вас, что мы только и ждем одной из этих двух возможностей, чтобы освободиться от столь тяжелой ответственности. Для нас чрезвычайно важно доставить красную девушку к Талу Хаджусу. За целое тысячелетие тарки не имели еще такой добычи. Она внучка величайшего из красных джедаков и нашего непримиримейшего врага. Я кончил. Красная девушка сказала, что нам недоступны тонкие человеческие чувства, но мы народ прямой и справедливый. Вы можете идти.

Я повернулся и покинул приемный зал. Так вот начало интриг Саркойи! Я знал, что никому иному не мог быть обязан этим доносом, так быстро достигшим ушей Лоркаса Птомеля. Теперь я вспомнил те отрывки своего разговора с Деей Торис, которые касались предполагаемого бегства и моего происхождения.

Саркойя в это время была старшей и доверенной прислужницей Тарса Таркаса. Это давало ей большую власть за кулисами трона, так как никто из воинов не пользовался таким доверием Лоркаса Птомеля, как его наиболее способный сподвижник, Тарс Таркас.

Однако моя аудиенция у Лоркаса Птомеля не только не изгнала из моей головы мысли о бегстве, но, наоборот, я сосредоточил на них все свое внимание. Яснее чем когда-либо представилась мне теперь необходимость бегства, по крайней мере, для Деи Торис, так как я был убежден, что в резиденции Тала Хаджуса ее ожидает ужасная судьба.

По описаниям Сола, это чудовище было живым олицетворением жестокости, свирепости и варварства минувших веков. Холодный, коварный, расчетливый, он, в противоположность большинству своих современников, был рабом диких животных страстей, поч-

ти заглохших в груди марсиан, так как медленное умирание планеты давно уже погасило их инстинкт к размножению.

Меня бросало в дрожь при мысли о том, что Дея Торис может стать жертвой этого мерзкого атавизма. Гораздо лучше приберечь на последнюю минуту дружескую пулю, как это делали доблестные пограничные жительницы моей утраченной родины, предпочитавшие расстаться с жизнью, нежели попасть в руки похотливых индейцев.

В то время как я блуждал по площади, погруженный в свои мрачные предчувствия, ко мне подошел Тарс Таркас, возвращавшийся из приемного зала. Его внешнее обращение со мной ничуть не изменилось, и он приветствовал меня, как будто мы расстались всего несколько минут назад.

— Где вы живете сейчас, Джон Картер? — спросил он.

— Я еще не выбрал себе помещения, — ответил я. — Мне казалось, что мне лучше всего поселиться одному или среди других воинов, и я ждал случая спросить у вас совета. Как вы знаете, — и я улыбнулся, — я еще не вполне освоился с обычаями тарков.

— Пойдемте со мной, — произнес он, и мы вместе направились к зданию, которое, к моему удовольствию, как раз примыкало к тому, где помещалась Сола и ее стража. — Я живу в первом этаже этого здания, — сказал он, — второй этаж также занят воинами, но третий и верхние свободны. У вас будет большой выбор. Я слышал, — продолжал он, — что вы уступили свою женщину красной пленнице. Ну что ж, как вы сами сказали, ваши пути — не наши пути, но вы сражаетесь за нее, вам это нравится. Поэтому, если вы отдаете вашу женщину пленной — это ваше дело. Но как вождь вы имеете право на услуги и, в согласии с нашими обычаями, можете выбрать любую женщину из штата тех вождей, чьи знаки вы теперь носите.

Я поблагодарил его, но сказал, что могу отлично обойтись без посторонних услуг, за исключением стряпни. Тогда он обещал прислать женщину, которая готовила бы мне, а также смотрела за моим оружием и амуницией, что, по его словам, также необходимо. Я попросил также, чтобы мне дали те шелковые и меховые одеяла, которые принадлежали мне по праву победителя. Ночи стояли холодные, а своих одеял у меня не было.

Тарс Таркас обещал исполнить мою просьбу и ушел. Оставшись один, я поднялся по винтовому коридору в верхние этажи и стал подыскивать себе помещение. Великолепие других зданий повторялось и в этом, и по своему обыкновению я вскоре увлекся исследованиями и открытиями.

В конце концов я выбрал себе комнату на третьем этаже, так как это приближало меня к Дея Торис, помещавшейся во втором этаже соседнего здания. У меня мелькнула мысль устроить какую-нибудь сигнализацию, которая дала бы ей возможность позвать меня, если ей понадобятся мои услуги или защита.

К моей спальне примыкали ванная, гардеробная и другие жилые комнаты этого этажа. Всего их было около десяти. Окна здания выходили на огромный двор. По двору бродили различные животные, принадлежавшие воинам, жившим в этих зданиях.

Двор весь порос желтой мшистой растительностью, покрывавшей вообще почти всю поверхность Марса, а многочисленные фонтаны, статуи, скамьи и беседки свидетельствовали о былой красоте двора в стародавние времена, когда его наполняли златоволосые смеющиеся люди, которых жестокие и непреклонные космические законы изгнали не только из их жилищ, но и вообще из жизни, оставив им единственное убежище в смутных легендах их потомков.

Легко было представить себе пышную листву роскошной марсианской растительности, некогда оживлявшей своими красками и шелестом это место, грациозные фигуры женщин, стройных и красивых мужчин, счастливых резвящихся детей — все это в лучах солнца, радости и мира. На смену их эпохе пришли века мрака, жестокости и невежества, пока наследственный инстинкт культуры и гуманности не проявил себя снова в этой смешанной расе, преобладавшей теперь на Марсе.

Мои мысли были прерваны появлением нескольких молодых женщин, нагруженных оружием, шелковыми покрывалами, мехами, драгоценностями, кухонными принадлежностями и ящиками с провизией и напитками; включая значительную добычу с воздушного корабля. По-видимому, все это принадлежало двум убитым мною вождям и теперь, по обычаю тарков, перешло ко мне. По моим указаниям женщины сложили вещи в одной из задних комнат и ушли, но вскоре вернулись опять с новым грузом и сообщили мне, что все это моя собственность. Во второй раз с ними явилось не менее десяти или пятнадцати других женщин и юношей, вероятно, составлявших свиту обоих вождей.

Это не были их родные, жены или слуги. Между ними и вождями были своеобразные отношения, так мало похожие на что-либо известное нам, что их даже трудно объяснить. Всем имуществом у марсиан владеет община, за исключением личного оружия, украшений, шелковых и меховых одеял отдельных лиц. Каждый марсианин может назвать бесспорно своими только эти предметы, не имея права накопить их больше, чем это соответствует его действительной потребности. По отношению к избытку он является просто хранителем, и лишние вещи передаются, по мере надобности, младшим членам общины.

Женщин и детей свиты вождя можно сравнить с военной единицей, за которую он ответственен, отвечая за их обучение, дисциплину, содержание, за постоянные их отлучки и бесконечные стычки с другими общинами и красными марсианами. Женщин вождя никоим образом нельзя назвать его женами. У зеленых марсиан нет слова, соответствующего по смыслу этому земному обозначению. В половом подборе они руководствуются лишь интересами общины и не признают естественного отбора. Совет вождей каждой общины заведует этим делом с такой же уверенностью, как собственник какого-нибудь кентуккийского конного завода руководствуется научным спариванием для улучшения породы своих лошадей.

В теории это может звучать хорошо, как часто бывает с теориями, но результаты многовекового применения этого противостественного принципа ясно сказались в характерах этих холодных жестоких созданий и в их мрачной жизни, лишенной радости и любви.

Это верно, что зеленые марсиане, и мужчины, и женщины, безукоризненно добродетельны, за исключением таких дегенератов, как Тал Хаджус. Но лучше бы у них было побольше человеческих качеств, пускай даже иной раз и за счет случайной потери целомудрия.

Зная, что должен принять на себя ответственность за всю эту компанию, хочу я этого или нет, я сделал все, что мог, и первым делом послал их устраиваться в верхних этажах, оставив третий этаж для себя. Одной из девушек я поручил мою несложную кухню, другим же предложил заняться тем, что было их профессией до сих пор. После этого я мало их видел, да и не стремился к этому.

13. УХАЖИВАНИЕ НА МАРСЕ

После сражения с воздушными кораблями община еще несколько дней оставалась в городе, откладывая обратный поход до тех пор, пока можно было быть уверенным, что корабли не вернуться. Быть захваченными врасплох среди открытой равнины с табором повозок и детей не соответствовало желаниям даже столь воинственного народа, как зеленые марсиане.

Во время периода нашей бездеятельности Тарс Таркас познакомил меня со многими военными обычаями и приемами тарков и научил ездить верхом и обращаться с теми большими животными, на которых разъезжали воины. Эти животные, известные под названием тоттов, так же опасны и злы, как и их хозяева, но если их укротить, они вполне пригодны для надобностей зеленых марсиан.

Два таких животных достались мне от вождей, чьи знаки я носил, и я вскоре научился обращаться с ними не хуже здешних воинов. Способ управления тоттами был отнюдь не сложен: если они отказывались повиноваться телепатическим приказаниям своих всадников, то получали довольно ощутимый удар рукояткой пистолета между ушей. Если этого было мало, удары повторялись до тех пор, пока животное не будет укрощено или же пока оно не сбросит седока.

В последнем случае между человеком и животным начиналась схватка не на жизнь, а на смерть. Если человек оказывался достаточно ловким и к тому же метким стрелком из пистолета, он оставался жив и снова ездил верхом, правда, уже на другом животном. Если же он был слишком неповоротлив, женщины вскоре подбирали его измятое и истерзанное тело и, согласно таркианскому обычаю, сжигали его.

Мой опыт с Вулой побудил меня попытаться покорить этих тоттов мягким обращением. Первым делом я доказал им, что им не удастся сбросить меня, и даже несколько раз изрядно хватил пистолетом между ушей, чтобы показать им свою власть и превосходство. Затем постепенно я приобретал их доверие совершенно так же, как я это делал несчетное число раз с моими земными скакунами. Я всегда был в дружбе с животными и обращался с ними мягко не только из симпатии к ним, но и потому, что это приводит к лучшим и более прочным результатам. В случае необходимости я мог

бы лишить человека жизни с гораздо меньшими угрызениями совести, чем бедное, неразумное, безответное животное.

Через несколько дней мои тоты стали предметом удивления всей общины. Они ходили за мной, как собаки, терлись об меня своими большими мордами, доказывая этим свое полное расположение ко мне и так беспрекословно слушались малейшего приказа, что марсианские воины стали приписывать мне какую-то особую земную силу, неизвестную на Марсе.

— Чем вы околдовали их? — спросил меня однажды Тарс Таркас, видя, как далеко я засунул руку в огромную пасть одного из тотов, у которого застрял в зубах камешек, когда он пасся на мшистой траве нашего двора.

— Добротой, — ответил я. — Вы видите, Тарс Таркас, более тонкие чувства тоже бывают иногда полезны, даже воину. В пылу битвы и в походе я могу быть уверен, что мои тоты будут мне послушны, и это повышает мои боевые качества. Я лучший воин благодаря тому, что я более добрый человек. Для остальных воинов и для всей общины было бы полезно усвоить в этом отношении мои приемы. Всего лишь несколько дней назад вы сами говорили мне, как часто эти животные становились, благодаря непостоянству их характера, причиной внезапного поражения.

В решительный миг, когда уже бывала близка победа, они вдруг бунтовали и сбрасывали своих седоков.

— Покажите мне, как вы этого достигаете, — был единственный ответ Тарса Таркаса.

И вот я, как можно подробнее, объяснил ему принятый мной способ тренировки тотов. Впоследствии Тарс заставил меня повторить все в присутствии Лоркаса Птомеля и собравшихся в полном составе воинов. Этот момент положил начало новой жизни для бедных тотов и, прежде чем мне пришлось покинуть общину Лоркаса Птомеля, я имел удовольствие любоваться целым эскадром послушных, отлично вымуштрованных тотов. Эффект точности и быстроты, достигнутый при военных упражнениях, оказался настолько разительным, что Лоркас Птомель поднес мне массивный золотой браслет с собственной ноги в знак признания моих заслуг перед общиной.

На седьмой день после битвы с воздушными кораблями мы снова выступили в поход по направлению к Тарку, так как теперь возможность вторичного нападения казалась Лоркасу Птомелю крайне маловероятной.

В последние дни перед отъездом я мало виделся с Деей Торис из-за того, что был очень занят изучением под руководством Тарса Таркаса марсианского военного искусства, а также укрощением моих тотов. Когда я заходил к ней, я не заставал ее дома, так как она ходила с Солой гулять по городу или осматривала различные здания по соседству с площадью. Я предупреждал их, чтобы они не удалялись от площади, имея в виду опасность встречи с большими белыми обезьянами, свирепость которых я достаточно испытал на себе. Однако для опасения было сравнительно мало причин: Вула сопровождал их во всех прогулках, а Сола была хорошо вооружена.

Вечером, накануне отъезда, я встретил их, когда они приближались к площади по длинной, ведущей с востока, улице. Подойдя к

Соле, я сказал, что беру на себя ответственность за Дею Торис. Затем я под каким-то предлогом послал Солу к себе на квартиру. Я вполне доверял этой женщине, но почему-то мне хотелось остаться наедине с Деей Торис, олицетворявшей для меня симпатию и дружбу, которых я был лишен с тех пор, как покинул Землю. У нас было столько общих интересов, как будто мы родились под одной крышей, а не на разных планетах, мчавшихся в пространстве на расстоянии не менее сорока восьми миллионов миль друг от друга.

Я был уверен, что Дея чувствует это так же, как и я, так как при моем приближении растерянное и грустное выражение ее лица сменилось радостной улыбкой, и она приветствовала меня по обычаю марсиан, положив правую ручку мне на плечо.

— Саркойя сказала Соле, что вы сделали настоящим тарком, — сказала она, — и что я буду теперь видеть вас так же редко, как любого другого воина.

— Саркойя первостатейная лгунья, — ответил я, — несмотря на то, что тарки так гордятся своей безупречной правдивостью.

Дея Торис рассмеялась.

— Я знала, что став членом общества, вы не перестанете быть моим другом. “Воин может изменить свои знаки, но не свое сердце” — так гласит марсианская пословица.

— Мне кажется, они всячески пытаются разлучить нас, — продолжала она, — потому что, когда вы бывали свободны, одна из женщин Тарса Таркаса всегда под каким-нибудь предлогом уводила Солу и меня. Они брали меня с собой в подвалы, где я должна была помогать им смешивать этот ужасный радиевый порошок и изготавливать снаряды. Вы знаете, что эти работы должны проводиться при искусственном свете, так как солнечный свет вызывает взрывы. Вы заметили, что их пули взрываются, ударяя в какой-либо предмет? Ну так вот, наружная непрозрачная оболочка от толчка пробивается и обнажает стеклянный цилиндр, почти сплошной и снабженный на переднем конце крупницей радиевого пороха. В тот миг, когда солнечный свет, хотя бы рассеянный, коснется этого пороха, он взрывается с силой, которой ничто не может противостоять.

Я с интересом слушал объяснения Деи Торис, но мысли мои были более заняты насущным вопросом о ее судьбе. Меня несколько не удивило, что зеленые марсиане старались прятать ее от меня, но я пришел в сильное негодование, узнав, что ее подвергают тяжелой и опасной работе.

— А пришлось ли вам терпеть при этом еще какие-нибудь оскорбления, Дея Торис? — спросил я и, ожидая ответа, почувствовал, как приливает к лицу горячая кровь моих предков.

— Только в мелочах, Джон Картер, — ответила она. — Я выше их оскорблений. Они знают, что я дочь десяти тысяч джедаков и могу проследить свою родословную без всяких пробелов до строителя первого великого канала, и они, не знающие даже собственных матерей, завидуют мне. В душе они ненавидят свою ужасную жизнь и срываюг свою жалкую злобу на мне, зная, что я стою за все то, чего они лишены, о чем им приходится только мечтать без надежды когда-либо достигнуть. Пожалеем же их, мой вождь, ибо,

если даже нам суждено умереть от их рук, мы не можем отказать им в жалости, потому что мы выше их, и они это знают!

Если бы я знал значение этих слов: "мой вождь", обращенных красной марсианской женщиной к мужчине, я был бы несказанно поражен, но я этого не знал, и узнал лишь много месяцев спустя. Да, мне многое нужно было узнать на Барсуме!

— Мне кажется, что мудрость велит встречать судьбу с наибольшим достоинством; Дея Торис. Но тем не менее я надеюсь добиться того, чтобы в ближайшее время ни один марсианин, будь он зеленый, красный, розовый или фиолетовый, не посмел даже косо взглянуть на вас, моя принцесса!

У Деи Торис при моих последних словах захватило дух, она взглянула на меня широко раскрытыми глазами, потом странно рассмеялась, причем на ее щеках появились две коварные ямочки, покачала головой и воскликнула:

— Какое дитя! Великий воин — и все-таки малое неразумное дитя!

— Что я такого сделал? — спросил я, оторопев.

— Когда-нибудь вы узнаете, Джон Картер, если только мы останемся в живых. Но я вам этого не скажу. И я, дочь Морса Каяка, сына Тардоса Морса, слушала вас без гнева, — закончила она.

Затем снова начала шутить и смеяться, подтрунивая над моей доблестью таркианского воина, находившейся в противоречии с моим мягким сердцем и природным добродушием.

— Мне кажется, — заявила она со смехом, — что если вам придется случайно ранить врага, вы возьмете его к себе и будете ухаживать за ним, пока он не выздоровеет.

— На Земле мы именно так и поступаем, — ответил я. — По крайней мере, в мире цивилизованных людей.

Это заставило ее снова рассмеяться. Она не могла этого понять, так как при всей своей нежности и женственности, она была все-таки марсианкой, а марсианин всегда стремится к гибели врага.

Мне было очень любопытно узнать, что в моих словах и поступках повергло ее минуту назад в такое смущение, и я продолжал настаивать, чтобы она объяснила мне это.

— Нет! — воскликнула она, — хватит того, что вы это сказали, а я выслушала. И, если вы узнаете, Джон Картер, что я умерла, а это, вероятно, случится раньше, чем дальняя луна двенадцать раз обойдет вокруг Барсума, то вспомните, что я слушала и... улыбалась.

Все это было для меня китайской грамотой, но чем больше я настаивал, тем решительнее она отказывалась удовлетворить мою просьбу, и мне так и не удалось добиться толку.

Тем временем день уступил место ночи. Мы гуляли по длинной улице, освещенной двумя лунами Барсума, и Земля глядела на нас с высоты своим светящимся глазом. Мне казалось, что мы с Деей одни во всей вселенной, и эта мысль была мне приятна.

Холод марсианской ночи заставил меня набросить на плечи Дее Торис мое шелковое покрывало. Когда моя рука на миг обняла ее, я почувствовал дрожь, охватившую все фибры моего существа, какой я еще не испытывал, прикасаясь к кому-либо из смертных. И мне показалось, что Дея тоже слегка прижалась ко мне, хотя я не

был уверен в этом. Я только знал, что когда моя рука задержалась на ее плече дольше, чем это было нужно, чтобы накинуть покрывало, Дея Торис не отодвинулась от меня и ничего не сказала. И так, в молчании, шествовали мы по поверхности умирающего мира, но в груди, по крайней мере одного из нас, горело то, что всего древнее и что все же вечно ново.

Я любил Дею Торис. Прикосновение моей руки к ее обнаженному плечу сказало мне это более ясно, и я понял, что любил ее с первого мгновения, когда мой взор упал на нее на площади мертвого города Корада.

14. БОРЬБА НА СМЕРТЬ

Моим первым душевным движением было сказать ей о моей любви, но потом я подумал о ее беспомощном положении и о том, что лишь я мог облегчить ей тяжесть плена и, по мере моих слабых сил, защитить ее от тысяч наследственных врагов, с которыми она неизбежно столкнется, когда мы прибудем в Тарк. Поэтому я не счел себя вправе доставить ей лишнее огорчение, сообщив ей о чувстве, которое она, по всей вероятности, не разделяла. Если бы я сделал это, ее положение было бы еще тяжелее, нежели теперь, и мысль о том, что она может заподозрить, будто я хочу воспользоваться ее беспомощностью, чтобы воздействовать на ее волю, была решающим доводом, заставившим меня промолчать.

— Как это вы так спокойны, Дея Торис? — сказал я. — Вам, вероятно, очень хочется вернуться к Соле, в вашу повозку.

— Нет, — прошептала она. — Я счастлива здесь. Я сама не понимаю, отчего мне всегда хорошо, когда вы, Джон Картер, находитесь подле меня. Тогда мне кажется, что я в безопасности и что с вами я скоро снова буду при дворе моего отца, почувствую объятия его мощных рук и слезы и поцелуи матери на моих щеках.

— Разве барсумцы целуются? — спросил я, когда она произнесла это, будто бы отвечая на свою мысль, а не на мой слова.

— Родные, братья, сестры, и — она добавила задумчиво и тихо, — любовники.

— А у вас, Дея Торис, есть родные, и братья, и сестры?

— Да.

— А возлюбленный?

Она молчала, и я не решился повторить вопрос.

— Барсумцы, — произнесла она наконец, — никогда не задают прямых вопросов женщинам, за исключением матери или той, за которую они сражались и которую они добыли в бою.

— Но ведь я сражался... — тут я замолк и пожалел, что мне никто не отрезал при этом язык.

В то самое мгновение, как я умолк, она поднялась с места, сбросила со своих плеч мои шелка, подала их мне и, не произнося ни слова, удалилась походкой королевы по направлению к своей повозке.

Я не посмел провожать ее, только глазами проследил за ней и убедился, что она невредимой вернулась к себе, затем приказал

Вуле сторожить ее и, глубоко огорченный, возвратился в собственную повозку. Несколько часов я мрачно просидел, скрестив ноги, на своих шелках, погруженный в думы о том, как зло шутит судьба над бедными смертными.

Так вот она, любовь! Мне удавалось избегать ее в течение долгих лет, когда я колесил по всем пяти материкам и окружающим их океанам: вопреки красоте женщин и благоприятствовавшим мне случайностям, вопреки жившей в моей душе тоске по любви и постоянным поискам этой любви. И теперь мне суждено было полюбить, безумно и безнадежно, существо другого мира, с лицом, быть может, несколько схожим, но не одинаковым с моим лицом. Женщину, которая вылупилась из яйца, и чья жизнь длится добрую тысячу наших земных лет, у народа которой странные привычки и обычаи, женщину, чьи помыслы, удовольствия, понятия о чести, справедливости и несправедливости столь же отличны от моих понятий об этих вещах, как и от понятий зеленых марсиан.

Да, я был безумцем, но я был влюблен, и хотя испытывал величайшие муки, каким я когда-либо в жизни подвергался, я не хотел бы, чтобы это было иначе, даже за все богатства барсумцев. Такова любовь и таковы влюбленные — повсюду, где только знают любовь.

Для меня Дея Торис была олицетворенным совершенством, идеалом одухотворенности, красоты, доброты и благородства. Я верил в это всем сердцем и всей душой в ту ночь в Корраде, когда сидел, поджав ноги на шелках, а меньшая луна Барсума быстро склонялась к востоку, отражаясь в мраморе, золоте и драгоценных камнях мозаики моей древней как мир комнаты, и я верю в это сегодня, когда сижу у моей конторки в маленьком рабочем кабинете над рекой Гудзон. С тех пор прошло двадцать лет: в течение десяти из них я жил и боролся за Дею Торис и ее народ, а другие десять протекли для меня под знаком памяти о ней.

То утро, когда мы выступили в Тарк, было ясным и теплым; утра на Марсе и вообще таковы, кроме шести недель, когда на полюсах тает снег.

Я нашел Дею Торис в веренице отъезжающих повозок, но она повернулась ко мне спиной, и я видел, как краска залила ее щеки. С глупой неосмотрительностью возлюбленного я постарался остаться спокойным, вместо того, чтобы попытаться убедить ее, что я не знал, чем я ее оскорбил, и таким образом добиться в худшем случае хотя бы полупризнания.

Я считал своим долгом удостовериться, удобно ли ее устроили, и, войдя в ее повозку, привел в порядок ее шелка и меха. Тут я с ужасом убедился, что ее приковали тяжелой цепью к стене повозки.

— Что это значит? — вскричал я, обращаясь к Соле.

— Саркойя решила, что так будет лучше, — ответила та, и лицо ее выражало полное несогласие с этой ненужной жестокостью.

Осмотрев цепь, я увидел, что она кончается массивным замком.

— Где ключ от него, Сола? Дай мне его.

— Ключ у Саркойи, Джон Картер, — ответила она.

Не говоря ни слова, я пошел прочь от них и разыскал Тарса

Таркаса, которому стал убедительно доказывать бессмысленность оскорбления и жестокости, которым подвергли Дею Торис.

— Джон Картер, — отвечал он мне, — если вам и Дее Торис удастся когда-либо вырваться из рук тарков, то это произойдет именно во время нынешнего путешествия. Мы знаем, что вы не уйдете без нее. Вы доказали нам, что вы — великий боец, и мы не хотим заковывать вас, потому что мы можем удержать вас обоих куда более легким путем, более верным и более безопасным. Я сказал.

Я понял, что его рассуждения вполне обоснованы, и знал, что бесполезно разубеждать его, но я только попросил, чтобы ключ от замка был не у Саркоии и чтобы ей было приказано в будущем оставлять пленницу одну.

— Вы, Тарс Таркас, можете сделать это для меня, хотя бы потому, что я чувствую к вам искреннюю дружбу.

— Дружбу? — повторил он. — Не верю, Джон Картер, но пусть будет по-вашему. Я распоряджусь, чтобы Саркоией не досаждала девушке и возьму ключ к себе.

— Если только вы не согласитесь, чтобы я взял ответственность на себя, — сказал я, смеясь.

Прежде, чем ответить, он поглядел на меня пристально и долго.

— Если вы дадите мне слово, что ни вы, ни Дея Торис не попытаетесь бежать раньше, чем мы благополучно доберемся до владений Тала Хаджуса, я отдам вам ключ, а цепь брошу в реку Исс.

— Пусть лучше ключ останется у вас, Тарс Таркас, — отвечал я.

Он улыбнулся и не сказал в ответ ни слова, но в эту же ночь я увидел, как он собственноручно освободил Дею Торис от оков.

При всей его холодности и жестокости в Тарсе Таркасе было, казалось, и нечто иное, какое-то чувство, которое он неустанно силился подавить в себе. Быть может, это был некий человеческий инстинкт, скрытый глубоко в его душе, но терзающий его мыслью об ужасных путях его народа!

Когда я направлялся к повозке Деи Торис, я прошел мимо Саркоии, и черный, злобный взгляд, который она бросила на меня, был для меня сладчайшим бальзамом на много часов. Боже, как она меня ненавидела! Ее взгляд, будь он мечом, поразил бы меня насмерть!

Некоторое время спустя я увидел, что она беседует с воином по имени Цад, невысоким, плотным и здоровенным грубияном, который, однако, еще не убил ни одного из своих вождей и был поэтому смад, то есть муж с одним именем; второе имя он мог получить только приобретя оружие какого-либо вождя. Таков обычай, который награждал меня именами вождей, павших от моей руки; и в самом деле, многие воины называли меня Дотор Соджет — комбинарованное прозвище из имен двух вождей, которых я победил в равном бою.

Пока Саркоией говорила с ним, он бросал на меня быстрые взгляды, а она в это время, казалось, уговаривала его что-то сделать. Тогда я обратил на это мало внимания, но на следующий день получил повод вспомнить это обстоятельство и вместе с тем

понял глубину ненависти Саркойи и то, до чего она может прийти в своем стремлении отомстить мне.

Дея Торис в этот вечер не хотела видеть меня, и когда я назвал ее по имени, она даже не обернулась ко мне, не сказала ни слова, а сделала вид, будто и не знает о моем существовании. В отчаянии я поступил так же, как поступило бы большинство влюбленных: я попытался заговорить о ней с кем-нибудь из близких ей. В то мгновение это была Сола, которую я увидел в другой части лагеря.

— Что случилось с Деей Торис? — торопливо спросил я ее. — Отчего она не хочет говорить со мной?

Сола и сама, казалось, была в замешательстве, как будто бы странные поступки двух человеческих существ были недоступны ее пониманию, и так оно в действительности и было.

— Она говорит, что вы рассердили ее, и больше она ничего не хочет сказать, кроме разве того, что она дочь джедака и что ее унизило существо, недостойное чистить зубы у соража ее бабки.

Я помолчал несколько мгновений, потом спросил:

— Кто такой сораж, Сола?

— Небольшой зверек, величиной примерно с мою руку, с которым любят иногда играть красные марсианки, — объяснила Сола.

Недостойн чистить зубы у кошки ее бабки! Я подумал, что я стою довольно низко во мнении Деи Торис! Но потом я не мог удержаться от смеха при таком домашнем и потому таком земном сравнении. Я резко почувствовал вдруг тоску по родине, родному дому, так это было похоже на наше — “недостойн чистить ее ботинки”. И вслед за этим потянулась вереница новых для меня мыслей. Я с изумлением стал думать о том, что делают подобные мне у себя дома. Я не видел их уже много лет. В Виргинии было семейство Картеров, состоявшее со мной в дружественных отношениях; меня считали там двоюродным дедушкой или чем-то вроде этого. Я мог пробыть в отсутствии двадцать или тридцать лет, и то, что меня с моими мыслями и чувствами мальчишки могли считать дедушкой, хотя бы и двоюродным, казалось мне величайшей нелепостью. У этих Картеров было двое младенцев, которых я очень любил и которые были убеждены, что на Земле нет никого, кто мог бы сравняться с дядей Картером; я видел их перед собой так же ясно, как я видел себя стоящим под небом Барсума, и я тосковал по ним, как не тосковал еще ни по одному из смертных. Я был скитальцем от природы и не знал, что значит слово — “дом”, и все же, когда я произносил это слово, в моей памяти всплывала большая комната в доме Картеров, к ней-то и обратилось теперь мое сердце от холодных и враждебных существ, к которым я попал. Потому что разве не презирает меня даже Дея Торис? Я был низшим существом, настолько низшим, что был даже недостойн чистить зубы у кошки ее бабки! Но здесь на помощь мне пришло мое врожденное чувство юмора, и я, смеясь, вернулся к себе, на свои шелка и меха, и уснул под многолунным небом крепким сном усталого и здорового воина.

На следующий день мы рано пустились в путь и за весь день до самого наступления темноты сделали только один привал. Однообразие нашего путешествия нарушили два события. Около полудня мы заметили по правую руку от нас нечто очень похожее на инку-

батор, и Лоркас Птомель послал Тарса Таркаса обследовать его. Этот последний взял с собой дюжину воинов, в том числе и меня, и мы понесли через лежавший бархатистым ковром мох к небольшой загородке.

Это действительно был инкубатор, но яйца в нем были очень малы по сравнению с теми, которые я увидел при моем прибытии на Марс.

Тарс Таркас внимательно оглядел загородку, потом заявил, что они принадлежат зеленым людям варуна и что цемент стены едва высох.

— Следовательно, их отделяет от нас не более одного дня пути, — воскликнул он, и воинственный пыл отразился на его свирепом лице.

В инкубаторе дела было немного. Воины быстро пробили брешь в стене, и несколько человек, проникнув внутрь, поразбивали все яйца своими короткими мечами. Потом мы снова сели верхом и присоединились к нашему каравану. Пока мы ехали обратно, я улучил мгновение и спросил Тарса Таркаса, были ли эти варуны, чьи яйца мы разбили, меньших размеров, нежели его тарки.

— Дело в том, что их яйца много меньше, нежели те, которые я видел в вашем инкубаторе, — добавил я.

Он объяснил мне, что яйца были только что принесены сюда. Как и все яйца зеленых марсиан, они растут в течение пятилетнего инкубационного периода, пока не достигнут размеров тех яиц, которые я увидел в день моего прибытия на Марс.

Мне было интересно узнать это потому, что я никак не мог понять, каким образом зеленые марсианки могут при своих размерах производить на свет огромные яйца, вроде тех, из которых при мне выходили четырехфунтовые младенцы. Оказывается, только что снесенное яйцо размером лишь немного больше гусиного, и пока оно не начало расти, будучи подставленным под солнечные лучи, для вождей не составляет труда сразу перенести несколько сот яиц из крытых складов в инкубатор.

Вскоре, после происшествия с яйцами варунов, мы остановились, и во время этой остановки имел место второй значительный эпизод этого дня. Я был занят тем, что перекладывал седло с одного из моих тотов на другого, так как я делил между ними дневной труд, когда ко мне приблизился Цад и, не говоря ни слова, нанес моему животному ужасный удар своим длинным мечом.

Мне не надо было справляться с учебниками марсианского хорошего тона, чтобы узнать, как ответить. Я был так зол, что мне стоило большого труда заставить себя не воспользоваться револьвером и не уложить его на месте одним выстрелом, но он стоял передо мной в выжидающей позе с обнаженным длинным мечом, и я решил вытащить свой меч и сойтись с ним в честном бою, приняв выбранное им оружие или даже меньшее.

Последнее считалось вполне допустимым, и я мог воспользоваться коротким мечом, кинжалом, топором или кулаками, если бы только захотел, и поступил бы вполне законно, но только я не должен был прибегнуть к огнестрельному оружию или копьё, так как противник стоял передо мной с одним мечом.

Я избрал то же самое оружие, что и он, так как знал, что Цад гордится умением управляться с ним, и я хотел, если мне удастся победить его, сделать это его же собственным оружием. Бой был долгий и задержал нашу колонну на добрый час. Все, кто только был в караване, окружили нас, оставив для боя круг шагов сто в диаметре.

Цад сначала попытался броситься на меня, как бык бросается на волка, но я был слишком быстр и ловок для него, и всякий раз уворачивался от его натисков. Он встречал только удар моего меча по своему мечу или сам напарывался на мое оружие. Вскоре кровь его текла уже из дюжины небольших ран, но я никак не мог улучшить мгновение, чтобы нанести решительный удар. Тогда он изменил тактику и стал сражаться осторожно и чрезвычайно ловко, стараясь искусством достигнуть того, что ему не удалось добиться бешеным натиском. Я должен сознаться, что он был превосходным бойцом, и не будь я так вынослив и не обладай той изумительной подвижностью, которую мне сообщала меньшая сила притяжения Марса, я не смог бы выиграть этот бой.

Мы довольно долго кружили, не причиняя друг другу заметного вреда, и наши длинные мечи сверкали в солнечных лучах. Наконец, Цад, который более устал, решил, по-видимому, окончить бой в свою пользу: в то самое мгновение, когда он ринулся на меня, в глаза мне ударил луч света и ослепил меня, так что я не видел его приближения и мог только вслепую отскочить в сторону с единственным желанием вернуться от мощного удара, который, казалось, уже чувствовал. Это удалось мне лишь отчасти, и острая боль в левом плече доказала мне это, но в то время как я быстро оглянулся, чтобы снова увидеть моего противника, мой взгляд упал на зрелище, которое вознаградило меня за рану, повинной в которой была моя мгновенная слепота. В повозке Дея Торис стояли три фигуры во весь рост, чтобы видеть бой через головы окружавших нас тарков. Это были Дея Торис, Сола и Саркойя, и когда мой взгляд остановился на них, мне представилась картина, которую я буду помнить до смертного моего часа.

Именно в этот миг Дея Торис обернулась к Саркойе и с яростью юной тигрицы вырвала из ее высоко поднятых рук что-то ярко блестящее на солнце.

Тут я понял, что ослепило меня в то самое мгновение, которое могло стать гибельным для меня, понял также и то, каким образом Саркойя сумела найти способ погубить меня, не нанося последнего удара лично. Второе, что я увидел тоже и что чуть не погубило меня, оттого что я перестал думать о себе, было следующее: когда Дея Торис вырвала из рук Саркойи зеркало, лицо последней потемнело от ярости, и, выхватив кинжал, она занесла его над Деей Торис. Тогда Сола, наша дорогая, верная Сола, бросилась между ними. Последнее, что я видел, был большой нож, опускающийся на ее грудь, прикрывавшую Дею Торис.

Мой неприятель пришел в себя после своего удара и стал наносить на меня, так что мне пришлось снова сосредоточить все внимание на непосредственно близком мне деле, но мысли мои были заняты не сражением.

Мы бешено бросались друг на друга пока, почувствовав у своей груди его меч, которого я не мог избежать или парировать, я не бросился вперед всем своим весом и выставил свой меч, не желая умереть один, если только это возможно. Я почувствовал, как сталь вонзилась в мою грудь, в глазах у меня потемнело, голова закружилась, и я ощутил, как подгибаются мои колени.

15. СОЛА РАССКАЗЫВАЕТ МНЕ СВОЮ ИСТОРИЮ

Когда сознание вернулось ко мне, и мне сказали, что я только одно мгновение лежал без чувств, я сразу же вскочил на ноги и стал искать свой меч. Я нашел его торчащим в зеленой груди Цада, лежавшего мертвым на мху цвета охры, покрывающем высохшее морское дно. После того как я совсем пришел в себя, я увидел, что его меч пронзил левую половину моей груди, но задел только кожу и мышцы, покрывающие ребра, и вышел пониже плеча. Нанося свой удар, я повернулся так, что его меч прошел через мускулы, причинив болезненную, но безопасную рану.

Я вытащил его меч из своего тела и точно так же достал и свой меч, потом повернулся спиной к его уродливому трупу и направился, унылый, страдающий и мрачный к повозкам. Ропот одобрения марсиан провожал меня, но я не обратил на него внимания.

Окровавленный и обессиленный, я добрался до моих женщин, которые, будучи привычны к такого рода происшествиям, перевязали мне раны и приложили к ним те изумительные целебные средства, благодаря которым гибельными на Марсе бывают только последствия самых ужасных ударов. Дайте марсианке малейшую надежду на спасение раненого, и смерти придется отступить перед ее искусством и опытностью. Женщины сразу же сумели так залечить мои раны, что кроме слабости, происходившей от потери крови, я не испытывал никакого беспокойства от удара мечом, который в условиях земного лечения наверняка заставил бы меня пролежать в постели много дней.

Как только они отпустили меня, я поспешил к повозке Деи Торис, где увидел мою бедную Солу с перевязанной грудью, но, видимо, не сильно пострадавшую в стычке с Саркойей: кинжал ударился в одно из металлических украшений, которые Сола носила на груди, скользнул в сторону и только слегка задел ее тело, неся ей пустяшную царапину.

Когда я приблизился, то нашел Дею Торис лежащей навзничь на шелках, все ее хрупкое тело содрогалось от рыданий. Она не обратила внимания на мое присутствие и не слышала моего разговора с Солой, стоявшей совсем близко от повозки.

— Ее обидел кто-нибудь? — спросил я Солу, указав кивком головы на Дею Торис.

— Нет, — ответила она, — Дея думает, что вы погибли.

— И что некому будет чистить зубы у кошки ее бабушки? — спросил я, улыбаясь.

— Я думаю, что вы несправедливы к ней, Джон Картер, — сказала Сола. — Я не понимаю ни вашего, ни ее поведения, но только

я думаю, что внучка десяти тысяч джедаков никогда не стала бы оплакивать таким образом гибель существа, которое она считает ниже себя, или кого-нибудь, к кому она не относилась бы с величайшим уважением. Она принадлежит к гордой породе, и вы, наверное, сильно оскорбили или обидели ее, раз она не хочет обращать на вас внимания, когда вы живы, и вместе с тем так оплакивает вашу мнимую гибель.

— Слезы не так часто приходится видеть у барсумцев, — продолжала она, — и поэтому мне так трудно объяснить, что они могут значить. За всю свою жизнь я видела только два плакавших существа, помимо Деи Торис: одно из них плакало от горя, другое — от не нашедшей выхода ярости. Первой была моя мать, много лет назад, перед тем, как они убили ее; второй была Саркоя, когда сегодня ее оттащили от меня.

— Ваша мать! — воскликнул я. — Но, Сола, вы ведь не могли знать ее, дитя!

— Я знала ее. И я знаю моего отца, — добавила она. — Если вы хотите услышать необычную и совсем не барсумскую историю, приходите сегодня вечером в нашу повозку, Джон Картер, и я расскажу вам то, о чем за всю мою жизнь никому еще не говорила. А теперь уже подаю знак выступать в поход. Вам надо идти.

— Я приду вечером, Сола, — пообещал я. — Передайте Дею Торис, что я здоров и невредим. Я не стану надоедать ей, и будь покойна, не подавай вида, что видел ее слезы. Если она захочет меня видеть — я явлюсь немедленно на ее зов.

Сола вошла в повозку, которая тут же заняла свое место в ряду других, а я поспешил к ожидавшему меня тоту и помчался вскачь на свое место подле Тарса Таркаса в арьергарде колонны.

Мы представляли собой чрезвычайно внушительное и способное нагнать страх зрелище, двигаясь таким образом по желтому пейзажу: двести пятьдесят разукрашенных и пестро размалеванных повозок, впереди которых ехало верхом двести воинов и вождей, по пять в ряд, на расстоянии ста футов, и сзади такое же количество воинов, в том же порядке. Фланги прикрывало с каждой стороны тоже не менее двадцати воинов; пятьдесят сверхмастодонтов, тяжелых упряжных животных, известных под именем зитидаров, и пять или шесть сотен тотов, свободно бежавших внутри четырехугольника, образуемого воинами. Сверкание металлических украшений и драгоценностей мужчин и женщин, пышная и блестящая сбруя животных, яркие краски великолепных мехов, шелков и перьев придавали нашему каравану такой варварский блеск, что любому индусскому магарадже впору было позеленеть от зависти.

Огромные широчайшие колеса повозок и тяжелые ступни животных не производили ни малейшего шума на покрытом мхом дне бывшего моря; и мы продвигались вперед в полной тишине, подобные некоему видению, кроме тех мгновений, когда молчание нарушалось горловым ворчанием подгоняемого зитидара или криками подравшихся тотов. Зеленые марсиане говорят очень мало и чаще всего односложно и не в полную силу, и речь их подобна грохоту отдаленного грома.

Мы шли поросшей мхом пустыней, не оставляя никаких следов потому, что едва колесо или ступившая нога перемещается дальше,

опустившийся было под их давлением мох снова занимает прежнее положение. Мы могли быть духами умерших в этом мертвом море умирающей планеты, так мало было слышно и заметно, что мы идем. Впервые в жизни я видел большой отряд, проходящий таким образом, не поднимая пыли и не оставляя за собой никаких следов. Кроме как на обитаемых и обработанных землях, на Марсе очень мало пыли и то только в зимние месяцы, но даже и эта пыль почти незаметна, благодаря отсутствию сильных ветров.

Вечером мы остановились у подножия холмов, к которым направлялись уже два дня, они служили южной границей этого необычного моря. Наши животные двое суток обходились без питья, а до этого они не имели воды около двух месяцев, почти с того самого дня, когда они оставили Тарк, но, как мне объяснил Тарс Таркас, они мало нуждаются в воде и могут питаться мхом, покрывающим Барсум и содержащим достаточно сока, чтобы удовлетворить жажду и аппетит нетребовательных животных.

Пужинав куском сыроподобной пицци и растительным молоком, я отправился к Соле и нашел ее работающей при свете факела над сбруей для Тарса Таркаса. Она взглянула на меня, когда я подошел к ней, и лицо ее озарилось радостью и приветом.

— Я рада, что вы пришли, — сказала она. — Дея Торис спит, и я одна. Мое племя мало беспокоится обо мне, Джон Картер: я слишком непохожа на них всех. У меня невеселая судьба — прожить с ними всю жизнь, мне часто хотелось быть обыкновенной зеленой марсианкой, не знающей ни любви, ни надежды, но я узнала любовь и должна погибнуть.

Я обещала вам рассказать мою историю, вернее, историю моих родителей. Я знаю вас и жизнь вашего народа и убеждена, что мой рассказ не покажется вам слишком диким, но сколько может помнить самый старый из тарков, ничего похожего не случалось среди зеленых марсиан, и даже в наших легендах нет ничего подобного.

Моя мать была невелика ростом. Она была так мала, что ей не сочли возможным поручить деторождение, ведь наши вожди выбирают матерей главным образом за рост. Она была также менее холодна и жестока, чем большинство марсианок, и находила мало удовольствия в их обществе. Часто бродила она одна по пустынным улицам Тарка или сидела среди цветов, покрывающих расположенные близ города холмы, и мечтала и думала о разных вещах, которые, как мне кажется, из всех таркских женщин могу понять только я одна, потому что я дочь своей матери!

И здесь, среди холмов, она повстречала молодого воина. На нем лежала обязанность стеречь пасущихся зитидаров и тотов и следить, чтобы те не убежали за линию холмов. Сначала они говорили только о таких вещах, которые занимают большинство тарков, но, мало-помалу, по мере того, как они встречались чаще, не случайно, как теперь уже стало ясно для обоих, они заговорили о самих себе, о своих желаниях, надеждах, мечтах. Она доверилась ему и рассказала о том ужасном отвращении, которое внушали ей жестокость ее народа и самая мысль об отвратительной жизни без любви, без привязанности. Сказав ему все это, она стала

ждать, что с его холодных жестоких губ сорвутся слова презрения и злобы, но вместо этого он обнял и поцеловал ее.

Целых шесть лет они скрывали ото всех свою любовь. Моя мать принадлежала к свите великого Тала Хаджуса, а ее возлюбленный был простым воином. Если бы стало известно, что они преступили законы и обычаи тарков, они оба погибли бы на большой арене перед лицом Тала Хаджуса и несметной толпы.

Яйцо, из которого я появилась на свет, было спрятано под большим стеклянным сосудом в самом высоком и недоступном из полуразрушенных замков древнего Тарка. Моя мать навещала его раз в год, в течение всех пяти лет, которые длится инкубационный процесс. Она не решалась приходить чаще, потому что боялась, что за каждым ее шагом следят. За это время мой отец успел сильно выдвинуться и получил оружие многих вождей. Его любовь к моей матери не стала меньше, и единственной целью его жизни было добыть оружие самого Тала Хаджуса и, таким образом став владыкой всех тарков, получить право назвать ее своей; он хотел также, благодаря своей власти, иметь возможность покровительствовать своему ребенку, который был бы убит, если бы соплеменники каким-нибудь образом узнали правду.

Добыть оружие Тала Хаджуса за пять коротких лет было безумной мечтой, но успехи моего отца были очень велики, и он вскоре занял видное место в совете тарков. Но однажды надежды его были разбиты навсегда, по крайней мере, в части, касавшейся спасения тех, кого он любил: его назначили в далекую экспедицию на покрытый льдами юг, чтобы вести войну против местных жителей и отобрать у них меха. Таков обычай зеленых барсумцев: они никогда не работают над тем, что они могут отобрать у других в бою.

Его отправили на пять лет, и когда он вернулся, уже три года, как все было кончено. Около года спустя после его отъезда и незадолго до возвращения экспедиции, отправившейся, чтобы привести детей из общественного инкубатора, яйцо вскрылось. Моя мать оставила меня в старом замке, еженощно навещала меня и расточала мне все те ласки, которых должна была лишиться моя жизнь в обществе. Она надеялась, что когда будет возвращаться экспедиция из инкубатора, ей удастся подбросить меня в толпу детей, предназначенных ко двору Тала Хаджуса, и таким образом избежать судьбы, которая, без сомнения, должна была последовать за открытием ее преступления против древних обычаев зеленых людей.

Она наскоро обучила меня языку и обычаям сословия и однажды ночью поведала мне ту самую историю, которую я сейчас рассказала вам. Мать старалась внушить мне необходимость полной тайны и величайшей осторожности, которую я должна буду соблюдать, когда окажусь вместе с другими юными тарками, чтобы никто не мог догадаться, что я знаю больше, нежели они, чтобы я ни словом, ни движением не обнаружила своего чувства к ней или того, что я знаю, кто мои родители; потом, крепко прижавшись ко мне, она прошептала мне имя моего отца.

Вдруг блеснул свет и в темноте комнаты перед нами предстала Саркойя, пристально глядевшая злобными блестящими глазами на мою мать. Злоба и ненависть, исходившие от нее, заставили сжать-

ся мое юное сердце. Очевидно, она слышала весь рассказ матери и наверняка уже давно подозревала ее, вследствие долгих отлучек.

Она не слышала только одного — имени моего отца. Это стало ясно из ее настойчивых требований, обращенных к моей матери, сказать, с кем она согрешила, но никакие угрозы не могли вырвать его у той, и чтобы спасти меня от неизбежности пыток, мама солгала, сказав Саркоие, что она одна знает это имя и никогда не назвала бы его ребенку.

Еще раз пригрозив ей, Саркоия поспешила к Талу Хаджусу, чтобы известить его о своем открытии. Едва она вышла, моя мать завернула меня в шелка и меха своей ночной одежды, так что меня с трудом можно было заметить, вышла из здания и побежала с безумной быстротой к южной окраине города, в ту сторону, где находился мужчина, к чьей помощи она не могла взывать, но чье лицо ей хотелось увидеть еще раз перед смертью.

Когда мы приблизились к южной окраине города, мы услышали шум со стороны единственного прохода, ведущего через дальние холмы. Им пользуются отряды, идущие с юга, с севера, с востока, с запада. Шум, долетевший до нас, составляли крики тотов и рев зитидаров, к ним примешивалось бряцание оружия. Первой мыслью моей матери было, что это отец возвращается из своей экспедиции, но она знала тарков, и это удержало ее от того, чтобы побегать очертя голову ему навстречу.

Спрятавшись в тени арки, она ждала, чтобы кавалькада поравнялась с ней. Когда передняя часть процессии проходила мимо нас, меньшая луна осветила своим волшебным светом всю картину. Моя мать еще дальше ушла в тень, и со своего наблюдательного поста увидела, что экспедиция эта была не той, с которой отправился мой отец, а что это везли из инкубатора юных тарков. В мгновение ока план ее был готов, а когда большая повозка поравнялась с нашим убежищем, она побежала рядом с нею, прячась в ее тени и страстно прижимая меня к своей груди.

Она знала то, чего не знала я: что никогда уже ей не суждено больше ни обнять, ни увидеть меня. Когда на большой площади началась сутолока, она толкнула меня в толпу других детей, чьи стражи были рады, что настало мгновение, когда они могут снять с себя ответственность, лежавшую на них во время пути. Нас ввели в большую комнату, где детей приняли женщины, никогда до сих пор их не видевшие и не сопровождавшие экспедицию, а на следующий день нас распределили по свитам отдельных вождей.

Я никогда уже больше не видела моей матери. Тал Хаджус заключил ее в темницу и самыми ужасными и позорными пытками пытался исторгнуть из ее уст имя моего отца, но она осталась тверда до самого конца и умерла под смех Тала Хаджуса и других вождей во время одной из пыток, которым ее подвергли.

Позднее я узнала, что она уверила их, будто убила меня, чтобы спасти от участи, подобной ее, а мое тело бросила белым обезьянам. Одна лишь Саркоия не поверила ей, и я до сих пор чувствую, что она подозревает истину моего происхождения и даже догадывается, кто мой отец.

Я присутствовала при том, как Тал Хаджус рассказывал отцу после его возвращения историю моей матери, ее судьбу. Ни один

мускул не дрогнул на его лице, и ничем не выдал он своего волнения, он только не смеялся, когда Тал Хаджус весело описывал ее смертные муки. С этого мгновения он сделался жесточайшим из жестоких, и я жду того дня, когда он достигнет предела своих желаний и пнет ногой тело поверженного Тала Хаджуса. Я убеждена в том, что мой отец только ждет случая ужасно отомстить ему и что в сердце его любовь так же сильна, как и сорок лет назад, когда она переродила его. Для меня это так же достоверно, как то, что мы сидим здесь, у края дровяного, как мир, моря, в то время как чувствительные люди давно уже спят, Джон Картер...

— А ваш отец, Сола, он с нами и теперь? — спросил я.

— Да, — отвечала она, — но он не знает, кто я, и не знает также, кто предал мою мать Талу Хаджусу. Я одна знаю имя моего отца. И только я, Тал Хаджус и Саркойя знаем, что это она пересказала ему историю, которая принесла муки и смерть моей маме...

Мы молча сидели несколько мгновений, Сола погрузилась в мысли о своем ужасном прошлом, а я с сожаленьем думал о бедных созданиях, которых бессердечные, бесчувственные обычаи их народа обрekli на жизнь без любви, жизнь, полную жестокости и ненависти. Наконец Сола заговорила:

— Джон Картер, если когда-либо настоящий мужчина ступал по холодной, мертвой почве Барсума, этот мужчина — вы. Я знаю, что я могу довериться вам, и так как это может когда-либо помочь вам, Дее Торис и мне в нужде, я назову вам имя моего отца и не стану ставить вам никаких условий, когда вы сможете им воспользоваться. В самый необходимый миг скажите ему правду, если вам покажется, что так будет лучше.

Это имя — Тарс Таркас!

16. МЫ НАДЕЕМСЯ БЕЖАТЬ

Оставшаяся часть нашего путешествия до Тарка протекала спокойно. Мы были в пути три недели, пересекли два морских дна и прошли поблизости развалин нескольких городов, в основном не таких крупных, как Корад. Дважды мы пересекали знаменитые водные пути, или каналы, как называют их наши земные астрономы. Приблизившись к ним, мы выслали вперед воина с подозрительной трубой, и если поблизости не было видно сильных отрядов красных марсиан, мы продвигались, насколько возможно было это сделать, не будучи замеченными, и делали привал до наступления темноты. Затем мы выходили на одну из многочисленных широких шоссе-ных дорог, пересекающих на равных расстояниях населенные места, и тихонько, таясь, перебирались на другую сторону обработанных земель. Один из этих переходов продолжался пять часов без остановок, а другой отнял целую ночь, так что мы лишь переступили границу обработанных полей, когда солнце взошло над нами.

Так как переходы эти совершались в темноте, я не имел возможности почти ничего видеть, кроме разве того, что меньшая луна в своем бешеном и неустанном беге по барсумским небесам освещала время от времени, вырывая какие-то клочья ландшафта,

озаряя огороженные поля и низкие, неясно различимые дома, очень похожие на наши земные фермы. Здесь росло много деревьев, посаженных с чрезвычайной планомерностью, и некоторые из них были невероятной вышины. Здесь были и животные за загородками, они давали знать о себе испуганными криками и фырканьем, учуяв наших странных и диких скакунов и не менее диких человекоподобных воинов.

Только однажды я увидел человека, и было это на перекрестке нашего шоссе с широкой белой дорогой, прорезающей полосу обработанных земель. Парень, должно быть, спал подле дороги, и когда я подошел к нему вплотную, он приподнялся на локте и, едва успев бросить взгляд на приближающийся караван, как безумный, сбежал с дороги и перескочил ближнюю ограду с быстротой испуганной кошки. Тарки не обратили на него ни малейшего внимания, они продолжали спокойно продвигаться вперед, и я узнал, что они заметили его только потому, что весь караван ускорил шаг, чтобы поскорее добраться до следующей пустыни, граничащей с владениями Тала Хаджуса.

За все это время я ни разу не говорил с Деей Торис, она ни разу не позвала меня к себе в повозку, а моя безумная гордыня не позволяла мне самому предпринять какие-либо шаги в этом направлении. Я готов поверить, что успехи мужчины среди женщин обратно пропорциональны его отваге с мужчинами. Слабые и трусы часто умеют ловко пленять нежный пол, а отважные воины, смело встречающие лицом к лицу тысячу настоящих опасностей, сидят боязливо в темноте, подобно испуганному ребенку.

Ровно через месяц после моего прибытия на Барсум, мы вступили в древний город Тарк, у чьего забытого народа орда зеленых людей заимствовала даже имя. Тарки насчитывают около тридцати тысяч душ и делятся на двадцать пять общин. Во главе каждой общины стоит джед и подчиненные ему вожди, но все они подчиняются Талу Хаджусу, джедаку Тарка. Пять общин располагаются в самом Тарке, а остальные занимают другие опустевшие города древнего Марса, расположенные в округе, подвластной Талу Хаджусу.

Мы вступили на большую городскую площадь около полудня. Возвратившуюся экспедицию никто не встретил восторженными приветствиями. Случайно попавшиеся навстречу окликали по именам воинов и женщин, с которыми они столкнулись, и лишь тогда, когда стало известно, что экспедиция привела с собой двоих пленных, к ней стали проявлять большой интерес. Дея Торис и я сделали предметом общего любопытства.

Нам вскоре отвели помещение, и остаток дня был предоставлен нам, чтобы мы могли устроиться на новом месте. Мой дом стоял на главной улице города, по которой мы проходили, когда вошли в Тарк от городских ворот. Меня поместили в дальнем краю здания, и мне предоставлено было целое крыло его. Архитектура здесь была столь же величественна, как в Кораде, даже, насколько это было возможно, еще величественнее. Мое помещение было достойно величайшего из земных государей, но для этих странных существ значение имели только величина и громадность комнат и зданий; поэтому Тал Хаджус занимал дом, который, по всей вероятности,

был некогда общественным зданием, самый большой дом во всем городе, вовсе не приспособленный быть резиденцией. Следующее по величине здание занимал Лоркас Птомель и так далее, согласно рангу каждого из пяти джедов. Воины помещались в том же здании, что и вождь, под чьим началом они находились. Впрочем, если они этого хотели, они могли занять любое из тысяч свободных зданий в той части города, которая была отведена их общине. Выбор зданий был связан с распределением общин по городу, и только для джедов делалось исключение из этого правила: они занимали здания, выходившие на большую городскую площадь.

Когда я, наконец, привел в порядок свое помещение, вернее сказать, когда его привели в порядок под моим наблюдением, было уже недалеко до заката, и я поспешил выйти, чтобы разыскать Солу и водворить ее и вещи на место, оттого что я решил переговорить с Деей Торис и убедить ее в необходимости перемирия со мной, пока я не найду возможности помочь ей бежать. Я напрасно искал Солу, пока верхний край солнца не скрылся за горизонтом, и лишь тогда заметил вдруг уродливую морду Вулы, выглядывающую из окна второго этажа дома, выходившего на другую сторону той же улицы, на которой помещался и мой дом, но только поближе к площади.

Я не стал ждать приглашения, взбежал по винтовой лестнице, ведущей на второй этаж. Здесь меня приветствовал дикий Вула, который бросился ко мне и своим громадным телом чуть не раздавил меня. Он так рад был видеть меня, что я подумал, что он не прочь меня съесть: вся его морда осклабилась в подобие широчайшей улыбки.

Я успокоил его словами и лаской и стал вглядываться в надвигающуюся темноту, чтобы открыть хоть какой-нибудь след Деи Торис. Не видя ее, я позвал ее по имени. Из дальнего угла комнаты я услышал ответный шепот и, сделав несколько быстрых шагов, я стоял уже подле нее, сидевшей среди мехов и шелков на старинном резном кресле. Я молчал; тогда она встала во весь рост и спросила:

— Что нужно Дотору Соджету, тарку, от Деи Торис, его пленницы?

— Дея Торис, я не знаю, чем я оскорбил вас. Меньше всего я хотел обидеть или огорчить вас, кого я надеялся охранять и защищать. Забудьте обо мне потом, если таково ваше желание, но теперь помогите устроить ваш побег, если только он возможен, и об этом я не прошу вас, я приказываю. Когда вы будете снова у вашего отца, можете поступить со мной, как вам будет угодно, но с этой минуты и до того самого часа, когда вы вернетесь к вашему отцу, я ваш господин, и вы должны слушаться меня и помогать мне.

Она внимательным и долгим взглядом посмотрела на меня, и мне показалось, что мои слова тронули ее.

— Я понимаю ваши слова, Дотор Соджет, — ответила она, — но вас я не понимаю. Вы — странная помесь ребенка и мужа, зверя и благородного существа. Я очень хотела бы читать в вашем сердце.

— Опустите глаза вниз, к вашим ногам, Дея Торис, сердце это лежит у ваших ног, там же, где оно лежало все время с той самой

ночи в Корате и где оно вечно хотело бы лежать и биться только для вас, пока смерть навсегда не остановит его.

Дея слегка подвинулась по направлению ко мне и протянула свои руки каким-то странным движением, как будто хотела что-то нащупать.

— Что вы хотите сказать этим, Джон Картер? — пролепетала она. — Что вы мне сказали?

— Я сказал то, что поклялся себе самому никогда не говорить вам, по меньшей мере, до тех пор, пока вы не перестанете быть пленницей зеленых людей; то, что я не надеялся никогда сказать вам, судя по вашему обращению со мной в течение последних трех недель; я говорил, Дея Торис, что я ваш душой и телом, что я готов служить вам, сражаться за вас и умереть за вас. За это я прошу вас только об одном: пока вы снова не будете среди вашего народа, не надо ни согласия, ни отказа на то, что я вам сказал. И пускай на ваши чувства по отношению ко мне, каковы бы они ни были, никакого влияния не будет иметь благодарность; то, что я хочу сделать для вас, я делаю из соображений чисто эгоистических, потому что мне приятнее делать это для вас, чем не делать.

— Я исполню ваше желание, Джон Картер, я понимаю, что побудило вас высказать его, и я столь же охотно принимаю вашу службу, как и признаю ваш авторитет; ваше слово будет законом для меня. Дважды мысленно я была несправедлива к вам, и я прошу у вас за это прощения.

Дальнейшая беседа чисто личного свойства была прервана приходом Сола, которая была чрезвычайно взволнована и совсем не походила на обычно спокойную и владеющую собой Солу.

— Эта отвратительная Саркойя была у Тала Хаджуса, — воскликнула она, — и судя по тому, что я слышала на площади, у вас мало шансов остаться в живых.

— Что они говорят? — спросила Дея Торис.

— Что вас отдадут на растерзание диким псам калотам на большой арене, как только отдельные общины соберутся для ежегодных игр.

— Сола, — сказал я, — вы принадлежите к племени тарков, но вы так же сильно ненавидите нравы и обычаи вашего народа, как и мы. Не хотите ли вы примкнуть к нам и помочь нам в нашей попытке бежать. А я вполне убежден в том, что Дея Торис сможет обеспечить вам кров и гостеприимство у своего народа, и ваша судьба там будет не хуже той, какой она должна быть здесь.

— Да! — воскликнула Дея Торис. — Да, бежим с нами, Сола! Вам будет много лучше у красных людей Гелиума, чем здесь, и я могу обещать вам не только кров и пищу, но и любовь и уважение, по которым вы так тоскуете и которых навеки лишили вас законы и обычаи вашей расы. Едемте с нами, Сола! Мы могли бы бежать и без вас, но ваша судьба будет ужасна, если они заподозрят, что вы помогли нам. Я знаю, что страх не заставил бы вас бежать с нами, но мы хотим, чтобы вы были с нами, чтобы вы попали в страну, где светит солнце и где можно быть счастливым, к народу, которому ведомы любовь, привязанность и благодарность. Бегите с нами, Сола, скажите, что вы согласны!

— Великий водный путь, который ведет в Гелиум, лежит всего в пятидесяти милях к югу, — прошептала Сола почти про себя, — быстрый тот может пробежать это расстояние в течение трех часов, а до Гелиума останется пятьсот миль, главным образом через малонаселенные места. Как только мои сородичи узнают о нашем бегстве, они пустятся в погоню. Мы могли бы спрятаться среди больших деревьев, но все же шансов на успех очень мало. Они будут преследовать нас до самых границ Гелиума и на каждом шагу угрожать вашей жизни; вы не знаете их.

— А разве нет другого пути в Гелиум? — спросил я. — Быть может, вы, Дея Торис, в состоянии набросать нам приблизительный план тех мест, по которым мы должны проехать?

— Хорошо, — ответила она, вынула из своих волос громадный бриллиант и начертила на мраморном полу первую карту Барсума, которую мне вообще довелось видеть. Ее во всех направлениях пересекали длинные прямые линии, иногда параллельные, иногда собирающиеся в какой-либо точке, отмеченной кружком. Дея сказала, что эти линии — водные пути, круги — это города, а один из них, далеко на северо-запад от нас, был Гелиум. Были и другие города, ближе к нам, но она сказала, что побоялась бы входить во многие из них, оттого что не все они были в дружественных отношениях с Гелиумом.

Наконец, внимательно изучив карту при свете луны, заливавшей теперь всю комнату, я указал на один водный путь, расположенный далеко к северу от нас и который, по-видимому, тоже вел в Гелиум.

— А этот канал тоже пересекает земли вашего отца? — спросил я.

— Да, — ответила Дея, — но он лежит в двухстах милях к северу от нас; это один из тех каналов, которые мы повстречали на пути в Тарк.

— Зеленые ни за что не догадаются, что мы решили бежать этим путем, — ответил я, — и вот почему я думаю, что именно он является лучшей дорогой для бегства.

Сола согласилась со мной, и мы решили покинуть Тарк этой же ночью, едва я сумею найти и оседлать моих тотов. Сола должна будет сесть на одного из них, а я и Дея Торис — на другого: каждый из нас должен был захватить пищи и питья на два дня, оттого что животные не смогут быстрее пройти такое большое расстояние.

Я предложил Дее Торис как можно скорее отправиться вместе с Солой по одной из наиболее пустынных улиц к южной окраине города, где я должен был разыскать их, приведя с собой тоттов. Потом я оставил их собирающими пищу, шелка и меха, необходимые в пути, спокойно выскользнул наружу и вышел во двор, где неустанно топтались и двигались наши животные, по свойственной им привычке, прежде чем лечь спать.

В тени зданий, почти скрытые от сияния марсианских лун, двигалось множество зитидаров и тоттов; первые испускали глухое горловое ворчание, а вторые время от времени пронзительно визжали, выражая этим состояние бешеного раздражения, в котором эти животные постоянно пребывают. Теперь, благодаря тому, что они были одни, они стали спокойнее, но когда почуяли меня, стали волно-

ваться, и их отвратительный гам усилился. Решиться войти ночью одному в загон тотов было нешуточным делом: во-первых, усилившийся шум мог привлечь внимание находившихся неподалеку воинов, а кроме того, в любое мгновение какой-нибудь огромный тот мог по всякому поводу или даже без повода броситься на меня.

Я не имел никакого желания испытывать дурные свойства их характера, особенно в эту ночь, когда все зависело от того, удастся ли соблюсти тишину и тайну, и я прятался в тени зданий, готовый в любое мгновение шмыгнуть в ближайшее окно или дверь. Так я добрался потихоньку до ворот, которые находились в глубине двора, и, приблизившись к ним, негромко позвал двух моих животных. Как я был благодарен провидению, надоумившему меня заранее добиться любви и доверия этих диких безгласных зверей! Я увидел, как из дальнего угла двора две громадные туши направились ко мне, пробираясь через горы мяса.

Они подошли вплотную ко мне и стали тереться мордами о мое плечо, обнюхивая меня и ожидая кусков пищи, которые я обычно приносил с собой. Распахнув ворота, я приказал обоим громадным животным пройти в них, а потом прикрыл за собой обе створки дверей.

Я не стал седлать тотов и не сел на них верхом, а пошел, прячась в тени зданий, направляясь к безлюдной улице, ведущей к тому месту, где я условился встретиться с Деей Торис и Солой. Подобно бесплотным духам, мы бесшумно крались вдоль пустынных улиц, но я вздохнул свободно только тогда, когда увидел равнину, расстилающуюся за городом. Я был уверен, что Дее Торис и Соле нетрудно будет добраться до условленного места встречи, но с моими огромными тотами я не был столь спокоен за себя. Дело в том, что воины никогда не покидают город после наступления темноты, и в самом деле, им некуда ездить, кроме как в дальнейшее путешествие.

Я благополучно добрался до условленного места, но так как Соля и Дее Торис там не было, поместил животных в передней комнате одного из больших зданий. Я подумал, что, вероятно, к Соле пришла одна из женщин, живших в том же доме, и задержала их, и несколько не беспокоился, пока не прошел целый час, а когда прошло еще полчаса, меня охватил ужас. Потом я услышал в ночной тишине шум проходившего неподалеку отряда, который не мог быть тайком пробирающимися беглецами, стремящимися вернуть себе свободу. Из своего убежища я услышал несколько слов, пронзивших мое сердце и наполнивших меня ужасом:

— Он, по-видимому, условился встретиться с ними за пределами города.

Это было все, что я услышал; отряд прошел мимо. Но этого было достаточно. Наш план раскрыт, и надежды избежать ужасного конца не было почти никакой. Моим единственным желанием было теперь вернуться незамеченным в дом Дее Торис и узнать, какая участь постигла ее, но как сделать это с огромными тотами, в особенности теперь, когда слух о моем бегстве уже наполнил город? Это было заданием сверхчеловеческой трудности.

Внезапно меня осенила мысль: я знал устройство этих старинных зданий и городов на Марсе — середину каждого здания занимал большой крытый двор, — туда я направился по темным комнатам, зовя за собой моих тотов. Им было нелегко пролезать через некоторые из дверей, но здания, находившиеся на краю города, были огромны, и поэтому мои тоты нигде не застряли, и мы благополучно добрались в конце концов до внутреннего двора, где я нашел, как того и ожидал, достаточное количество мха, которое могло бы служить для тотов пищей и питьем, пока я не найду случая вернуть их на обычное место. Я был убежден, что они будут здесь столь же спокойны и довольны, как в любом другом месте, и точно так же я знал, что никто не увидит их здесь, потому что зеленые люди не любят посещать эти полуразрушенные отдаленные здания, часто служащие приютом единственных существ, которые, как мне кажется, способны внушить им страх — больших белых обезьян Барсума.

Расседлав тотов, я спрятал седла в дверной нише здания и, оставив животных на свободе, быстро прошел сквозь здание и вышел на пролежавшую сзади него улицу. Я подождал у дверей, пока не удостоверился, что никого нет поблизости, быстро перебежал через улицу до дверей следующего здания и вошел во двор; потом, от двора до двора, переходя улицы только там, где это было неизбежно, я благополучно добрался до дома Деи Торис.

Здесь я нашел тотов, принадлежащих воинам, которые занимали соседние дома, а внутри я мог встретить и самих воинов, но, к счастью, я поступил иначе. Чтобы попасть на верхний этаж, отведенный Дее Торис, я внимательно осмотрелся, так как никогда не видел этого здания со стороны двора. Потом я воспользовался своей относительно большой силой и подвижностью и прыжком добрался до окна второго этажа, через которое, как мне казалось, можно было проникнуть в ее комнату. Когда я добрался до окна ее комнаты, то услышал голос и понял, что в ней кто-то есть.

Я не стал врывать в комнату очертя голову, а сначала прислушался, чтобы убедиться, что это Дея Торис и что войти туда не представляет опасности. Я правильно поступил, приняв эту меру предосторожности: разговор, который я услышал, вели низкие гор-таные голоса мужчин, и слова, которые я разобрал, вовремя предупредили меня. Говоривший был вождем, и он давал указания четверым воинам.

— А когда он вернется в эту комнату, — сказал вождь, — после того как не найдет ее на окраине города, вы четверо наброситесь и обезоружите его. От вас потребуется напряжение всех сил, чтобы сделать это, если то, что говорят вернувшиеся из Корада, верно. Когда вы свяжете его накрепко,несите его в темницу во дворе джедаков и наденьте на него оковы, чтобы его можно было привести, как только Тал Хаджус этого захочет. Не позволяйте ему ни с кем говорить и не позволяйте никому входить в эту комнату. Что девушка придет сюда, опасаться нечего, она сейчас в объятиях Тала Хаджуса, и пусть все ее предки, сколько бы их ни было, пожалеют ее, ибо у Тала Хаджуса жалости к ней не найдет-

ся. Саркоией сделала славное дело. Я ухажу, и если вам не удастся поймать его, когда он придет сюда, я брошу ваши тела в холодные воды Иссы.

17. СЧАСТЛИВОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Когда говоривший вождь замолчал, он повернулся, чтобы выйти из помещения через дверь, у которой я стоял, но мне нечего было больше ждать. Я услышал достаточно для того, чтобы прийти в ужас, и, потихоньку выскользнув, вернулся во двор тем же путем, которым пришел. В одно мгновение у меня сложился план действий. Я пересек сквер и прилегавшую к нему с противоположной стороны аллею и вскоре уже стоял во дворе Тала Хаджуса.

Яркий свет на первом этаже указал мне, куда прежде всего следует обратиться; я подошел к окнам и заглянул вовнутрь. Вскоре я сообразил, что попасть туда для меня не так легко, как я надеялся, потому что задние комнаты, примыкавшие ко двору, были полны солдатами и женщинами. Я мгновенно окинул взглядом верхние этажи и, заметив, что третий этаж не был освещен, решил проникнуть внутрь здания именно этим путем. Добраться до верхних окон было для меня делом минуты, и вскоре я уже был в тени третьего этажа.

Комната, которую я выбрал, к счастью, была нежилой, и, бесшумно прокравшись в задний коридор, я заметил свет впереди меня. Добравшись ощупью до двери, я увидел, что там было помещение, служившее входом для множества внутренних комнат, и простиравшееся от первого этажа до куполообразного крова здания, возвышавшегося над моей головой. Нижний ярус этого обширного зала был наполнен вождями, воинами и женщинами; с одной стороны возвышалась большая платформа: на ней сидело на корточках самое отвратительное существо, которое я когда-либо видел, это был Тал Хаджус.

У него были холодные, грубые, жестокие черты зеленого воина, но к ним присоединялся отпечаток низменных животных страстей, которым он много лет предавался. В его скотской внешности не было и следа достоинства и чести: его чудовищное тело распласталось на платформе, он скорчился на ней, подобно какой-то громадной безобразной рыбе, в то время как шесть его конечностей дрожали и мерно ударяли по платформе с ужасным ошеломляющим однообразием.

Но совсем другое зрелище оледенило меня ужасом: перед ним стояли Дея Торис и Сола. Что-то дьявольское сверкало в его больших выпуклых глазах, когда он жадно устремил их на линии прекрасной фигуры Деи Торис. Дея что-то говорила, но я не мог слышать ее слов, так же, как не мог понять и его ответа, который он пробормотал грубым голосом. Она стояла выпрямившись перед ним, ее голова была гордо поднята и, даже на том расстоянии, на каком я находился, можно было прочесть на ее лице презрение и отвращение, с которыми она устремила на него свой надменный взгляд, оставаясь все время спокойной, не обнаруживая и признака

страха. Дея действительно была достойной дочерью тысячи джедаков, каждым дюймо́м своего изящного, небольшого тела. Она была такой тонкой, такой хрупкой среди толпы воинов, окружавших ее, но ее миниатюрность скрадывалась величи́ем, заложенным в ней. Она казалась в зале самым высоким, самым сильным существом, и я уверен, что они это чувствовали.

В это время Тал Хаджус сделал знак, чтобы комнату очистили. Вожди, воины, женщины медленно исчезли в тени окружающих комнат, и Дея Торис и Сола остались одни перед джедаком тарков.

Только один из вождей колебался перед тем, как выйти; я видел, как он стоял один, в тени большой колонны, его пальцы нервно играли рукояткой меча, а жестокие глаза с неукротимой ненавистью устремлялись на Тала Хаджуса. Это был Тарс Таркас, и я мог прочесть его мысли, как в открытой книге — по непритворному отвращению, видневшемуся на его лице. Он думал о другой женщине, которая сорок лет тому назад стояла перед этими же дверями. Сумей я сказать одно слово ему на ухо в этот момент — и с царствованием Тала Хаджуса было бы покончено; но, в конце концов, Тарс Таркас удалился из комнаты, не зная, что оставляет свою собственную дочь на милость самого ненавистного для него существа. Тал Хаджус встал, и я, встревоженный, предвидя его намерения, поспешил к спиральному проходу, ведущему с нижних этажей. Никто не помешал мне, я добрался незамеченным до большой двери и остановился у той самой колонны, в тени которой только что скрывался Тарс Таркас. Я услышал голос Тала Хаджуса:

— Принцесса Гелиума, я мог бы потребовать огромный выкуп у вашего народа и вернуть вас целой и невредимой, но я тысячу раз предпочту удовольствие наблюдать, как ваше прекрасное лицо исказится в агонии пытки; и обещаю вам, что это будет длиться долго. Десять дней этого удовольствия было бы слишком мало, чтобы выказать любовь, которую я питаю к вашей расе. Ужасы вашей смерти будут тревожить сны красных людей всех будущих поколений, они будут бояться ночных теней после отцовских рассказов о страшной мести зеленых людей, о силе, мощи, ненависти и жестокости Тала Хаджуса. Но перед пыткой вы станете моею, и весть об этом дойдет далеко, до Тардоса Морса, джедака Гелиума, вашего деда — пусть он пресмыкается по земле в отчаянии. Пытка начнется завтра, а всю эту ночь ты будешь принадлежать Талу Хаджусу. Идем!

Он спрыгнул с платформы и грубо схватил Дею за руку. Но едва он дотронулся до нее, я оказался между ними. Мой кинжал, острый и сверкающий, был в моей правой руке; я мог бы погрузить его в это гнилое сердце, прежде чем он понял бы, кто перед ним. Но, когда я уже поднял руку, чтобы нанести удар, я подумал о Тарсе Таркасе, и при всем моем гневе, при всей моей ненависти, я не смог украсть у него этот сладостный миг, надеждой на который он жил все эти долгие, тягостные годы. И вот, я лишь ударил Тала Хаджуса кулаком в челюсть. Он опустил на пол без крика, как мертвый.

В таком же мертвом молчании я схватил Дею Торис за руку и, жестом указав Соле следовать за нами, бесшумно прокрался из этой огромной комнаты в верхний этаж. Незамеченные, мы достигли заднего окна, и я при помощи пояса и ремней от сбруи спустил на землю сначала Солу, а потом Дею Торис. Легко соскользнув вслед за ними, я быстро протащил их вдоль двора, все время оставаясь в тени зданий, и таким образом мы вернулись на тот самый путь, которым я так недавно попал сюда из дальнего предела города.

Наконец мы добрались до моих тотов; они стояли на том дворе, где я их оставил. Взнуздав их, мы торопливо вышли через здание на улицу. Я усадил Солу на одного тоту, сам вскочил на другого, а Дею Торис поместил позади себя, и мы выехали из города тарков, направляясь по холмам на юг.

Вместо кружной дороги вокруг города, ведущей на северо-запад к ближайшему водному пути, мы повернули на северо-восток и пустились пересекать мшистую пустыню, где на расстоянии долгих опасных и утомительных миль протекала другая большая артерия, ведущая в Гелиум.

Мы не обменялись друг с другом ни словом, пока город не остался далеко позади, но я слышал тихие рыдания Деи Торис, прислонившейся к моему плечу своей милой головкой.

— Если вам это удастся, мой вождь, то долг Гелиума перед вами будет огромен, больше, чем он сможет когда-либо вам заплатить; ну, а если это вам не удастся, — произнесла она, — долг будет не меньше, хотя Гелиум никогда не узнает, что вы спасли последнюю из его рода от участи, худшей, чем смерть.

Я не ответил, но тоже склонился и сжал маленькие пальцы той, которую любил; они тотчас же ответили на пожатие, как бы ища поддержки. И так, в ненарушаемом более молчании, мы ехали по желтому, освещенному луной мху. Каждый из нас был занят своими мыслями. Что касается меня, я не мог не испытывать радости, ощущая, как теплое тело Деи Торис касается моего, и, несмотря на все предстоящие нам опасности, мое сердце пело так весело, как будто мы уже вошли в пределы Гелиума.

Наши первоначальные планы так безнадежно не удались, что мы оказались теперь без пищи и воды, и один только я был вооружен. Поэтому мы изо всех сил понукали наших животных, а это должно было изнурить их прежде, чем мы могли добраться до конца первого этапа нашего путешествия.

Мы ехали всю ночь и весь день, останавливаясь только на самое короткое время. На вторую ночь и мы, и наши животные были совершенно измучены; мы опустились на мох и заснули на какие-то пять-шесть часов с тем, чтобы продолжить путешествие задолго до дневного света. Весь следующий день мы провели в движении, и когда поздно вечером мы не увидели впереди больших деревьев — признак большого водного потока — ужасная истина блеснула перед нами: мы заблудились! Очевидно, мы кружили, по какой дороге, трудно сказать; ориентироваться по солнцу днем и луне вечером оказалось невозможно. Во всяком случае, мы не видели никакой реки, и все участники путешествия были готовы упасть от голода, жажды и усталости.

Далеко впереди и чуть правее мы могли различить очертания невысоких гор; мы решили попытаться достичь их в надежде, что с какой-нибудь вершины увидим реку, которую потеряли из виду. Ночь покрыла нас прежде, чем мы достигли цели, и почти в обмороке от усталости и истощения мы легли на землю и заснули.

Я проснулся рано утром оттого, что какое-то большое тело прижалось ко мне, и, открыв в испуге глаза, увидел моего старого милого Вулу, плотно прислонившегося ко мне. Верное животное следовало за нами сквозь всю бездорожную пустыню, чтобы разделить нашу участь, какой бы она ни была. Положив руки ему на затылок, я прижался к нему щекой и не стыдился ни того, что делаю это, ни слез, которые выступили из моих глаз, когда я подумал о его любви ко мне. Немного спустя, проснулись Дея Торис и Сола, и было решено, что мы еще раз попытаемся достигнуть холмов.

Мы едва прошли одну милю, когда я заметил, что мой тот начинает спотыкаться и останавливаться, хотя мы и не понукали его, как накануне. Вдруг он как-то странно наклонился на одну сторону и тяжело рухнул на землю. Дея Торис и я упали на мягкий мох. Бедное животное было в плачевном состоянии, оно даже не могло встать, хотя и освободилось от нашей тяжести. Сола сказала мне, что ночная свежесть ночи вместе с отдыхом должны без сомнения оживить его, и я решил не убивать тот, как уже было собрался, потому что находил жестоким бросить его одного умирать от голода и жажды.

Сола и я пошли пешком, предоставив Дее Торис ехать на оставшемся у нас тоте, против чего она сильно протестовала. Этим путем мы приблизились к холмам на расстояние почти мили и прилагали все усилия, чтобы добраться до них, когда Дея Торис крикнула, что видит большую толпу всадников, дефилирующих по проходу между холмами, несколькими милями дальше. Сола и я посмотрели туда и ясно различили несколько сот конных воинов, двигавшихся в юго-западном направлении, отдаляясь от нас.

Мы видели их в течение еще долгого времени, но они нас не замечали.

Последний воин на наших глазах приблизился к проходу, остановился и, к нашему ужасу, поднес к глазам небольшой полевой бинокль и принялся осматривать долину, открывавшуюся во всех направлениях. Очевидно, это был предводитель, так как в некоторых отрядах зеленых людей предводитель всегда находится в последнем ряду колонны. Когда его бинокль заколебался перед нами, наши сердца остановились в груди, и я почувствовал, что холодный пот выступает из каждой поры на моем теле.

Вот он направил бинокль на нас — и остановился. Напряжение наших нервов дошло до крайних пределов; я сомневаюсь, дышал ли кто-нибудь из нас в те долгие минуты, когда он наводил на нас свой бинокль. Затем он опустил его. Мы видели, как он скомандовал воинам, которые прошли на наших глазах на другую сторону горной цепи. Однако он не подождал, пока те догонят его. Он повернул своего тот, как безумный, во весь опор понесся нам навстречу.

Оставался один слабый шанс на спасение, и надо было скорее его использовать. Подняв мою странную марсианскую винтовку на плечо, я приложился и тронул кнопку, которая контролирует собачку; раздался оглушительный взрыв — металлический снаряд достиг своей цели, и нападающий упал навзничь со своего тотта.

Вскочив на ноги, я заставил тотта встать и приказал Соле сесть на него вместе с Деей Торис и употребить все усилия, чтобы достичь холмов прежде, чем зеленые воины приблизятся. Я знал, что в оврагах и рытвинах Дея Торис и Сола смогут найти временное убежище, и даже думал, что, если они умрут там от голода и жажды, это будет для них предпочтительнее, чем попасть в руки тарков. Передав им два моих пистолета, не столько для защиты, сколько для того, чтобы избавиться от ужасной смерти, которой грозил вторичный плен, я поднял Дею Торис на руки и посадил на тотта позади Солы.

— До свидания, принцесса! — прошептал я. — Мы еще встретимся в Гелиуме. Я выпутывался из худших положений, чем это.

И я попробовал улыбнуться, как будто был совершенно спокоен.

— Как! — вскричала она. — Вы не пойдете с нами?

— Как я могу сделать это, Дея Торис? Кто-нибудь должен задержать этих молодцов на минутку, а потом я легче ускользну от них один, чем мы могли бы сделать это все вместе.

Дея прыгнула с тотта и, обвинив руки вокруг моей шеи, повернулась к Соле и сказала со спокойным достоинством:

— Беги, Сола! Дея Торис останется умереть с тем, кого она любит.

Эти слова запечатлелись в моем сердце. Ах! Охотно отдал бы я тысячу раз жизнь, чтобы только услышать их опять; но у меня не было даже и секунды, чтобы почувствовать радость ее объятий; прижав в первый раз свои губы к ее губам, я поднял ее и опять вскинул на сиденье, позади Солы, непреклонным тоном приказав последней удерживать Дею силой. Затем я ударил тотта в бок, и он понесся. Я видел, как Дея Торис силилась освободиться из объятий Солы.

Обернувшись, я увидел зеленых воинов, скачущих по горному хребту к своему предводителю. В одно мгновение они заметили и его и меня, и я тут же открыл стрельбу, лежа на животе во мху. Я имел в запасе целую сотню патронов в сумке у ружья и другую сотню в поясе за спиной и поддерживал непрерывный огонь, пока не увидел, что все воины, которые первыми вернулись из-за другой стороны хребта, были мертвы или позорно спрятались.

Мой отдых был, однако, недолог, так как вскоре показался целый отряд, численностью в несколько сот человек; он направлялся ко мне бешеной рысью. Я стрелял, пока патроны мои не истощились, и враги почти достигли меня; быстрый взгляд показал мне, что Дея Торис и Сола уже исчезли среди холмов; я вскочил, таща за собой бесполезное ружье и отправился в направлении, противоположном тому, где скрылись Сола со своей спутницей.

Если марсиане имеют какое-нибудь представление о скачках, то оно было получено этими изумленными воинами именно в тот день, много лет тому назад. Хотя я вел их по направлению, прямо

противоположному тому, где была Дея Торис, это не отвлекло их от страстного желания поймать меня.

Они яростно гнались за мной, пока, наконец, моя нога не коснулась спасительного куска кварца, и я медленно пошел по мху. Когда я увидел их совсем близко, я вытащил саблю, желая продать жизнь как можно дороже, но это было уже слишком. Я пошатнулся под их ударами, которые посыпались на меня настоящим потоком; голова моя закружилась, все потемнело, и я упал в беспамятстве.

18. В ПЛЕНУ У УОРХУНЦЕВ

Должно быть, прошло несколько часов, прежде чем я пришел в себя, и хорошо помню ощущение удивления, когда я почувствовал, что еще жив. Я лежал среди груды шелков и мехов в углу маленькой комнаты, в которой находилось несколько зеленых воинов; надо мной склонялась старая и безобразная женщина.

Когда я открыл глаза, она обернулась к одному из них и сказала:

— Он ожил, о джед!

— Ладно, — ответил человек, к которому она обращалась. Он встал и подошел к моему ложу.

— Этот молодец доставит редкое развлечение любителям большой игры!

Теперь, когда мой взгляд упал на него, я увидел, что это был не тарк, так как своими украшениями и оружием он отличался от этой орды. Это был безобразный малый, с покрытыми шрамами лицом и грудью, со сломанным клыком и обрубленным ухом. На его груди висели нанизанные на ремень человеческие черепа и соответствующее число высохших человеческих рук.

Его отзыв о большой игре, о которой я так много слышал среди тарков, убедил меня, что я попал из чистилища в геену огненную.

После нескольких слов, которыми он перекинулся с женщиной, причем она уверяла его, что я вполне способен к путешествию, джед приказал мне сесть верхом и ехать позади большой колонны.

Я был надежно привязан к самому дикому и необъезженному животному, какое когда-либо видел, и вооруженные всадники с обеих сторон следили, чтобы оно не ускакало; мы понеслись бешеным аллюром вслед за колонной.

Раны не причиняли мне особенных мучений, так чудесно и быстро действовали прижигания и впрыскивания опытной в лечебных средствах старушки, и так ловко она наложила мне перевязки и пластыри.

Еще до наступления темноты мы достигли большого военного отряда, который только что расположился лагерем на ночь. Меня немедленно привели к главному начальнику, который оказался джеддаком уорхунских орд.

Подобно джеду, который доставил меня, он был весь в шрамах и так же украшен нагрудной перевязью из человеческих черепов и сухих мертвых рук, что было, по-видимому, отличием всех знатных воинов среди уорхунцев; это указывало на их свирепость, в

которой они превосходили даже тарков. Джедак Бар Комас, сравнительно молодой, был предметом лютой ненависти и зависти со стороны своего старшего помощника Дака Ковы, того самого джеда, который взял меня в плен. Я не могу изобразить все те предумышленные усилия, с которыми последний оскорблял своего начальника.

Так, он совершенно пренебрег обычной формой приветствия, когда мы очутились перед лицом джедака, и, грубо толкнув меня к правителю, закричал громким и угрожающим голосом:

— Я привел странное создание, носящее оружие тарков; мне доставит удовольствие заставить его сражаться с дикой лошадью во время больших игр.

— Он умрет так, как твой джедак, Бар Комас, найдет уместным, если умрет вообще, — ответил молодой правитель с достоинством.

— Если умрет вообще? — закричал Дак Кова. — Клянусь мертвыми руками, он будет убит моей лошадью, Бар Комас. Никакая глупая слабость с вашей стороны не спасет его. О, если бы в Уорхуне царствовал настоящий джедак, вместо слабого человека, с водянистым сердцем, у которого даже старый Дак Кова мог бы вырвать оружие голыми руками!

Бар Комас на мгновение взглянул на своего непокорного воина с выражением бесстрашного презрения и ненависти, а затем, не взяв никакого оружия, бросился к лошади своего оскорбителя.

Я никогда не видел двух зеленых марсиан, дерущихся без оружия, и зрелище зверской жестокости, ими проявленной, превосходило все, что может нарисовать самое расстроенное воображение. Они царапали друг другу глаза, рвали уши и беспрерывно кусали своими сверкающими клыками, пока одежда обоих не превратилась в лохмотья.

Бар Комас был лучшим бойцом, так как был крепче, проворнее и умнее. Скоро противник уже только защищался, уклоняясь от решительного удара, но вдруг Бар Комас, замахнувшись на него кулаком, поскользнулся. Наступил момент, который только и был нужен Даку Кове. Бросившись на тело своего противника, он вонзил свой единственный клык в пах Бара Комаса, последним усилием разорвал тело молодого джедака по всей его длине и вонзил, наконец, свой клык в челюсти Бара Комаса. Победитель и побежденный безжизненно покатались на траву, сплошным клубком изодранного и окровавленного мяса.

Бар Комас погиб, и только невероятные усилия женщин спасли Дака Кову от заслуженной участи. Спустя три дня он пришел без посторонней помощи к телу Бара Комаса, которое по обычаю оставалось нетронутым там, где он пал, и, поставив ногу на шею предвудущего правителя, принял титул джедака Уорхуна.

Руки и голова убитого джедака были присоединены к украшениям его победителя, а то, что осталось, сожгли с диким смехом женщины.

Раны Дака Ковы задержали поход настолько, что было решено предпринять набег на маленькую таркскую общину, чтобы ото-

мстить за разрушение инкубатора, не дожидаясь больших игр. Крупный отряд воинов, числом в десять тысяч, выступил из Уорхуна.

Пребывание среди этого жестокого народа сделало меня свидетелем диких сцен, при которых я присутствовал почти ежедневно. Это была орда меньше таркской, но гораздо более свирепая. Ни один день не проходил без того, чтобы члены различных уорхунских общин не вступали между собой в смертный бой. Я видел до восьми дуэлей со смертельным исходом в течение одного дня.

После трехдневного перехода мы достигли столицы Уорхуна и меня тотчас же заключили в подземную темницу и крепко приковали к полу и стенам. Пища мне приносилась с правильными промежутками времени, но благодаря полной темноте я не знал, сколько я провел там дней, недель или месяцев. Это было самое жестокое испытание за всю мою жизнь. Как мой рассудок уцелел от ужасов этой черной тьмы, для меня навсегда осталось непонятным.

Помещение кишело пресмыкающимися, ползучими существами; холодные, скользкие животные передвигались по мне, когда я лежал, в темноте вспыхивали искорки блестящих глаз, которые устремлялись на меня со зловещим вниманием. Ни один звук не доходил до меня из внешнего мира, и ни словом не удостаивал меня мой тюремщик, хотя я сначала бомбардировал его вопросами.

В конце концов вся ярость, все безумное отвращение к ужасным тварям, бросившим меня в это страшное место, сконцентрировались в моем пошатнувшемся сознании в ненависти к этому единственному существу, воплощавшему для меня все орды Уорхуна.

Я заметил, что он всегда приносил с собой тусклый факел, чтобы поставить пищу, не касаясь меня, а когда наклонялся, чтобы опустить ее на пол, его голова приходилась на уровне моей груди. С хитростью сумасшедшего я пятился в дальний угол моей камеры, когда слышал его приближение и натягивал длинную цепь, понемногу ее ослабляя. Я ждал его прихода, припав к земле, как животное, которое просит пищи. Однажды, когда он наклонился, чтобы поставить на землю мою пищу, я взмахнул цепью над его головой и обрушил изо всех сил звенья на его череп. Без звука, без дыхания, он упал на пол.

Смеясь и скрежеща зубами, я набросился на его простертое тело, ощупывая мертвую глотку. Внезапно мои пальцы коснулись маленькой цепочки, на конце которой висело несколько ключей. Прикосновение к этим ключам неожиданно вернуло моему сознанию ясность. Я больше не топтался на месте, как сумасшедший: я стал снова здоровым, рассудительным человеком. Средство к бегству в моих руках.

Когда я ощупью снимал цепочку с шеи моей жертвы, я увидел в темноте шесть пар блестящих глаз, которые, не мигая, устремлялись ко мне. Они приближались медленно, и медленно, в неопишемом ужасе, я отступал перед ними. Пятясь в мой угол, я присел, вытянув руки ладонями вперед, а блестящие глаза все продвигались и продвигались ко мне. Они остановились возле мертвого тела у моих ног. Потом они медленно отступили со странным скрипящим звуком и, наконец, исчезли в каком-то черном, отдаленном убежище моей темницы.

19. СРАЖЕНИЕ НА АРЕНЕ

Медленно возвращался я к спокойствию и, наконец, опять попробовал снять цепочку с мертвого тела моего бывшего тюремщика. Но когда я добрался в темноте до того места, где он лежал, я обнаружил, к моему ужасу, что он исчез. Тогда истина озарила меня: обладатели блестящих глаз утащили свою добычу, чтобы сожрать ее где-то там, в своем логове. Там они ждали целые дни, недели, месяцы, всю ужасную вечность моего заключения, — ждали возможности утащить и мой мертвый остов на свой пир.

Два дня мне не приносили пищи, но вот появился новый посланец, и мое заточение пошло по-прежнему, но теперь я уже никогда не позволял разуму останавливаться на ужасе моего положения.

Вскоре после этого эпизода в темницу привели другого пленника и заковали около меня. При тусклом свете факела я увидел, что это красный марсианин, и едва дождался ухода конвоиров, чтобы заговорить с ним; когда шаги уходящих отзвучали в отдалении, я мягко произнес марсианское приветственное слово “каор”.

— Кто вы, говорящий в темнице? — ответил он.

— Джон Картер, друг красных людей Гелиума.

— Я из Гелиума, — сказал он, — но я не слышал вашего имени.

Тогда я рассказал ему мою историю, как она здесь описана, пропустив только указание на мою любовь к Дее Торис. Сообщение о принцессе Гелиума очень его взволновало, но он был, казалось, совершенно убежден, что она и Сола легко достигли безопасного места оттуда, где они меня оставили. Он сказал, что знает это место хорошо, потому что проход, которым пробирались уорхунские воины, когда они заметили нас, был единственный пригодный для продвижения на юг.

— Дея Торис и Сола скрылись в холмах не дальше как в трех милях от большой реки, а теперь они, вероятно, в совершенной безопасности, — уверял он меня.

Пленник был Кантос Кан, лейтенант гелиумского флота. Он был членом злополучной экспедиции, попавшей в руки тарков во время заключения Деи Торис, и вкратце описал мне происшествия, которые последовали за поражением военных кораблей. Сильно поврежденные и только отчасти обслуживаемые командами, они медленно продвигались к Гелиуму. Когда они проходили мимо города Зоданга, столицы наследственных врагов Гелиума, красных народов Барсума, их атаковало множество военных судов, и все парусники, которыми Кантос Кан командовал, были истреблены или взяты в плен. Его корабль преследовали четыре дня зодангские военные суда, но, в конце концов, он ускользнул от них в темную безлунную ночь.

Тридцать дней спустя после пленения Деи Торис или после нашего прихода к таркам, его корабль достиг Гелиума с десятком людей, оставшихся в живых от семисот человек команды. Немедленно семь больших флотилий, каждая из сотни мощных военных судов, поспешили на поиски Деи Торис, и кроме этих кораблей, две тыся-

чи мелких парусников были посланы в длительные, но напрасные поиски исчезнувшей принцессы.

Две общины зеленых марсиан были стерты с лица планеты мстительными флотилиями, но никакого следа Деи Торис не нашлось. Они искали ее среди северных племен, и только в последние несколько дней поиски распространились на юг.

Кантос Кан подробно рассказал, как он имел несчастье быть застигнутым уорхунцами, когда исследовал город. Отважный и смелый, этот человек вызвал во мне восхищение. Он один высадился на рубеже города и проник пешком в группу строевых, окружающих площадь. Два дня и две ночи он исследовал их кварталы и темницы, ища свою принцессу, и попал в руки отряда уорхунцев, когда уже удалялся, убедившись, что Деи Торис там не было.

В продолжение нашего заточения Кантос Кан и я хорошо познакомились, и у нас завязалась горячая дружба. А между тем, мы провели вместе только несколько дней до того, как нас вывели из темницы для больших игр. Однажды ранним утром нас привели в огромный амфитеатр, который был выстроен прямо на поверхности почвы и покрыт рытвинами. Частью он был загроможден развалинами, так что трудно было судить, насколько он был в действительности велик. В настоящих условиях он вмещал двадцать тысяч уорхунцев из соединенных орд.

Арена была огромная, но крайне неровная и нерасчищенная. Вокруг нее уорхунцы нагромодили строительные камни из некоторых разрушенных зданий старого города, чтобы помешать зверям и пленникам убежать. На каждом конце арены были сооружены клетки, чтобы держать их там, пока не придет для каждого очередь погибнуть.

Кантоса Кана и меня посадили вместе в одну клетку. В других были дикие лошади, зеленые воины, женщины из других племен и множество странных и свирепых барсумских зверей, которых я раньше никогда не видел. Шум их рычания то рос, то замолкал, и чудовищного вида многих из них было достаточно, чтобы самое бесстрашное сердце забилося в тяжелом предчувствии.

Кантос Жан объяснил мне, что в конце дня один из пленников получит свободу, а другие должны пасть мертвыми на арене. Победители в разнообразных состязаниях целого дня должны будут бороться друг с другом, пока в живых не останутся только двое; победитель в последней схватке, будь то человек или животное, освобождается. На следующее утро клетки наполняются новым запасом жертв, и так все десять дней игрищ.

Некоторое время спустя амфитеатр начал наполняться, и в течение одного часа каждое свободное место в пространстве, отведенном для зрителей, было занято. Дак Кова с его джедами и офицерами сел в центральном пункте одной из сторон арены, на широкой приподнятой платформе.

По сигналу, данному Даком Ковой, двери двух клеток распахнулись, и дюжина зеленых марсианок была выгнана на арену. Каждой был дан кинжал, а там, с другого конца, свора из двенадцати диких собак была выпущена против них.

Когда свирепые звери, рычащие и покрытые пеной, ринулись на почти беззащитных женщин, я отвернулся, чтобы не видеть ужасного зрелища. Вой и смех зеленой толпы свидетельствовал о превосходном качестве спорта, и когда я опять повернулся к арене, после того как Кантос Кан сказал мне, что зрелище уже кончилось, я увидел трех торжествующих собак, которые кусались и дрались над телами остальных. Женщины уже покончили счеты с жизнью.

Сейчас же бешеный зитидар был выпущен против оставшихся собак — и так это шло весь длинный, жаркий, ужасный день.

В продолжение дня я сражался сначала против людей, а затем зверей, но я был вооружен саблей и всегда превосходил своих противников ловкостью и боевой опытностью, так что это составляло для меня детскую игру. Время от времени я устаивался аплодисментов кровожадной толпы, а к концу послышались крики, что я должен быть взят с арены и сделан членом племени Уорху.

Наконец, остались трое из нас: большой зеленый воин из какой-то дальней северной орды, Кантос Кан и я. Те двое должны были сражаться, и затем мне предстояло драться с одолевшим, ради свободы, которая принадлежала последнему победителю.

Кантос Кан в течение дня боролся много раз и всегда, подобно мне, торжествовал, но случайно ему попадались некрупные противники, особенно когда он выступал против зеленых воинов. У меня была очень слабая надежда, что он окажется сильнее своего исполинского противника, побеждавшего всех, выступавших против него в течение дня. Это был малый приблизительно шестнадцати футов ростом, тогда как Кантосу Кану не хватало нескольких дюймов до шести футов. Но, приблизившись на расстояние около двенадцати футов к великану, Кантос Кан взмахнул вооруженной рукой и сильнейшим взмахом бросил свое оружие вперед к зеленому воину. Оно полетело прямо, как стрела, и, пронзив грудь бедняги, уложило его мертвым на арену.

Теперь Кантос Кан и я должны были сражаться друг с другом, но когда мы сближались для состязания, я шепотом подал ему совет затянуть сражение до темноты, в надежде, что мы найдем способ бежать. Толпа, очевидно, догадалась, что у нас нет желания сражаться друг с другом, и они выли от ярости, что ни один из нас не переходил в роковое наступление. Когда стало темнеть, я шепнул Кантосу Кану, чтобы он всунул свою саблю между моей левой рукой и телом. Когда он так сделал, я качнулся назад, плотно прижав саблю рукой, и так упал на землю, как будто его оружие пробило мне грудь. Кантос Кан понял мой фокус и, быстро шагнув ко мне, поставил ногу мне на шею и, вытащив свое оружие из моего тела, нанес мне окончательный удар. Предполагалось, что он пронзил мне шею, перерезав шейную вену; на самом же деле холодное лезвие мягко скользнуло в песок арены. В темноте, которая уже наступила, никто не мог сказать, покончил ли он действительно со мной. Я шепнул, чтобы он шел требовать себе свободу, а затем искал меня в холмах, на восток от города, — и он оставил меня.

Когда амфитеатр опустел, я тихонько взобрался наверх и, так как большой враг уходил далеко от площадки по необитаемой части вымершего города, без особых затруднений добрался до отдаленных холмов.

20. НА АТМОСФЕРНОЙ ФАБРИКЕ

Два дня я ждал Кантоса Кана, но так как он не являлся, я направил шаги в северо-восточном направлении, к тому пункту, где, по его словам, пролегал ближайший водный путь. Мою единственную пищу составлял сок растений, которые щедро дарили мне эту жидкость.

В течение двух долгих недель я ковылял по ночам, руководимый единственно звездами, скрываясь днем за каким-нибудь выступом скалы. Иногда в темноте на меня нападали дикие звери — страшные неуклюжие чудовища, но мне стоило только взять саблю в руки, чтобы освободиться от них. Обычно моя странная, приобретенная на Марсе телепатическая сила предупреждала меня в должное время, но однажды я был опрокинут, схвачен когтями за спину, и косматая голова прижалась к моей, прежде чем я понял, что мне угрожает.

Что за существо схватило меня, я не знал, но, что оно велико и многотонно, — я мог почувствовать. Мои руки очутились на его горле прежде, чем его клыки успели пронзить мою шею, и медленно я оторвал поросшую шерстью морду от себя и сдавил пальцами, как тисками, его дыхательное горло.

Мы сражались без звука; зверь употреблял все усилия, чтобы достать меня своими ужасными клыками, а я изо всех сил сжимал его горло и старался задушить. Медленно уступали мои руки в неравной борьбе, и дюйм за дюймом горящие глаза и сверкающие клыки надвигались на меня, пока косматая морда не коснулась моего лица, и я понял, что для меня все кончено. Но в это время что-то живое, выскочив из окружающей темноты, упало на того, кто держал меня пригвожденным к почве. Оба хищника схватились и покатались на траву, терзая и раздирая друг друга. Вскоре мой спаситель стоял, опустив голову и держа за горло тварь, которая хотела меня убить.

Луна, внезапно показавшаяся над горизонтом и осветившая барсумианскую почву, открыла мне, что защитником моим был Вула; но откуда он явился и как нашел меня — я совершенно не знал. Не нужно говорить, как я был рад его присутствию, но удивольствию видеть его мешало беспокойство — почему он покинул Дею Торис? Я знал, наверное, что только смерть последней могла быть причиной этого ухода — настолько точно он повиновался моим приказаниям.

При свете молодого яркого месяца я увидел, что мой спаситель был тенью прежнего Вулы, и, когда он отвернулся от моих ласк и начал жадно пожирать тело побежденного им хищника, я понял, что бедное животное было полумертвым от голода.

Я и сам был в немного лучшем положении, но не мог заставить себя есть сырое мясо и не имел никаких средств добыть огонь. Когда Вула кончил свою трапезу, я опять пустился в свой утомительный и, казалось, бесконечный путь в поисках скрывающейся реки.

На заре пятнадцатого дня поисков я обрадовался, увидев высокие деревья, означавшие близость предмета моих исканий. Около полудня я дотащился, измученный, до входа в огромную постройку. В мощных стенах не было никаких отверстий, кроме маленькой двери, у которой я опустился, задыхаясь; вокруг не было видно каких-либо признаков жизни. Я не нашел ни звонка, ни другого способа оповестить о своем присутствии жителей этого места, кроме маленького круглого отверстия в стене, около двери, сделанного, очевидно, для этой цели. Оно было размером не больше, чем графит карандаша; думая, что это могло быть нечто вроде переговорной трубы, я приложился к нему ртом и был готов крикнуть туда, как вдруг голос, исходящий оттуда, спросил меня, кто я, откуда и по какому делу.

Я объяснил, что бежал из Уорхуна и умираю от голода и усталости.

— Вы носите вооружение зеленых и вас сопровождает собака, чертами же вы походите на красного. Но ваш цвет ни красный, ни зеленый. Именем девятого дня, что вы за существо?

— Я друг красных людей Барсума, и я умираю от голода. Именем человечности, откройте мне, — отвечал я.

Тогда дверь начала отодвигаться передо мной, пока не отклонилась от стены на пятьдесят футов, затем она остановилась и легко скользнула налево, открывая короткий коридор из бетона, в конце которого была другая дверь, подобная во всех отношениях той, через которую я прошел. Никого не было видно; как только мы прошли первую дверь, она позади нас тихо скользнула на свое место и заняла прежнее положение в фасадной стене здания. Когда дверь повернулась боком, я заметил ее большую толщину, добрых двадцать футов, а когда она встала на свое место, закрывшись позади нас, большие стальные цилиндры опустились с потолка и подогнали ее нижнюю часть в отверстие, высверленное в полу.

Вторая и третья дверь отодвинулись передо мной и отклонились в сторону, как первая, прежде чем я достиг широкой внутренней комнаты, где я нашел еду и питье, поставленные на большой каменный стол. Голос предложил мне утолить голод и накормить собаку, и, когда я сделал это, мой невидимый хозяин подверг меня строгому и внимательному перекрестному допросу.

— Ваш рассказ весьма замечателен, — сказал голос, приступая к своему экзамену, — и вы, очевидно, рассказали правду, а также очевидно, что вы не с Барсума. Я заключаю это по строению вашего мозга, по странному расположению ваших внутренних органов и по форме и объему вашего сердца.

— Разве вы можете видеть меня насквозь? — воскликнул я.

— Да, я также хочу видеть ваши мысли, и если бы вы были барсумцем, я смог бы прочесть их.

Тут в дальнем конце комнаты открылась дверь и странный, иссохший, как мумия, человек приблизился ко мне. Он носил узкий золотой ошейник, с которого спускалось на его грудь большое украшение, величиной с блюдце, сплошь усаженное огромными бриллиантами, исключая центр, занятый странным камнем: величиной с дюйм в диаметре, камень этот испускал девять отдельных и

ясно различимых лучей: семь из них были цвета нашей земной дуги, а два прекрасных луча для меня были новы и безымянны. Я могу описать их вам не более, чем вы могли бы описать красный цвет слепому. Я только знаю, что они были изумительно прекрасны.

Старик уселся, и мы проговорили в течение четырех часов; самое странное в нашем разговоре было то, что я мог читать каждую его мысль, тогда как он не мог проникнуть в мои ни на йоту, если я не выражал эти мысли голосом. Я не сказал ему о моей способности воспринимать его умственную деятельность, что имело огромное значение для меня впоследствии, так как я узнал многое, чего никогда бы не постиг, если бы он заподозрил мою странную силу; ибо марсиане до такой степени совершенства контролируют свой умственный механизм, что способны управлять своими мыслями с абсолютной точностью.

Здание, в котором я находился, содержало машины, производившие ту искусственную атмосферу, которая поддерживала жизнь на Марсе. Секрет этого усовершенствованного процесса зависел от употребления девятого луча, одного из тех великолепных лучей, которые, как я заметил, исходили из большого камня в украшении моего хозяина.

Этот луч отделяется от других лучей 'солнца посредством тонко приспособленных аппаратов, помещенных на крыше здания, три четверти которой занято резервуарами. В них и накапливается девятый луч. На это вещество действуют электричеством, вернее, некоторые частицы тончайших электрических вибраций соединяются с ним, затем его накачивают в пять главных воздушных центров планеты, где по мере освобождения, соприкасаясь с мировым эфиром, оно преобразуется в атмосферу.

В огромном здании всегда имеется запас девятого луча, достаточный, чтобы удержать существующую на Марсе атмосферу в течение тысячи лет и есть, как сказал мой новый приятель, только одно опасение — что какое-нибудь несчастье случится с накачивающими аппаратами.

Он повел меня во внутреннюю комнату, где я увидел батарею из двадцати насосов, каждый из которых мог выполнить задание по снабжению всего Марса атмосферным составом. Уже восемьсот лет, — сказал мне старец, — он охраняет эти помпы, которые употреблялись поочередно, причем действие каждой из них продолжалось один день или немного более двадцати четырех с половиной земных часов. Он имел помощника, который разделял с ним дежурство. Половину Марсианского года, около трехсот сорока четырех наших дней, каждый из этих людей проводил один в этом огромном изолированном сооружении.

Каждый марсианин с малого возраста изучает принципы производства атмосферы, но только двое одновременно знают тайну проникновения в это огромное здание, которое совершенно неприступно, так как стены его имеют сто пятьдесят футов толщины, а крыша охраняется от действия воздушных сил покрывающим ее стеклом в пять футов толщины.

Следует бояться только нападения зеленых марсиан или какого-нибудь обезумевшего красного: все барсумцы знают, что существо-

вание жизни на Марсе зависит от непрерывной работы этого сооружения.

Следя за его мыслями, я открыл любопытный факт: наружные двери передвигались телепатическим способом. Дверные замки были так приспособлены, что двери открывались при некоторой комбинации мыслительных волн. Экспериментируя своей новой способностью, я пожелал захватить моего собеседника врасплох и как будто между прочим спросил его, как он мог открыть мне массивные двери, находясь во внутренних помещениях здания. С быстротой молнии в его уме возникло девять марсианских звуков, но сейчас же исчезли, и он ответил, что этой тайны нельзя разглашать.

С тех пор его обращение ко мне изменилось: он как будто боялся быть уличенным в разоблачении великой тайны, и я читал подозрение и страх в его взгляде и мыслях, хотя слова его все еще были приветливы.

Прежде чем я удалился на ночь, он обещал дать мне письмо к живущему вблизи начальнику земледелия, который мог бы помочь мне в моем пути к Зодангу — самому близкому, по его словам, марсианскому городу.

— Но будьте осторожны, чтобы там не узнали, что вы союзник Гелиума: они воюют с этой страной. Мой помощник и я не здешние — мы принадлежим к древнейшему племени Барсум, и этот талисман, который мы носим, защищает нас во всех государствах — даже среди зеленых марсиан — хотя мы не могли бы ввериться им, если бы утратили его, — прибавил он.

— Итак, доброй ночи, мой друг, — продолжил старец, — желаю вам долгого и спокойного сна, да, долгого и спокойного.

И хотя он ласково улыбался, я прочитал в его мыслях намерение, которое он скрывал от меня: передо мной уже рисовался образ этого человека, стоящего ночью у моего ложа, и затем быстрый удар длинного кинжала, и полупроизнесенные слова: “Мне жаль, но это для блага Барсума“. И даже после того, как он закрыл за мной дверь моей комнаты, его мысли проникали ко мне; это было ощущение как бы исходившего от него света. Я совершенный невежа в вопросах передачи мыслей, и это казалось мне весьма странным.

Что мне было делать? Как мог я бежать отсюда? Я мог бы легко убить его, так как был предупрежден об опасности, но, если бы старец умер, я не смог бы выйти, а с остановкой машин этого огромного сооружения должен был бы умереть, как и все остальные обитатели планеты — все, даже Дея Торис, если она еще жива. Для других я бы и пальцем не шевельнул, но одна мысль о Дее Торис изгнала из моих мыслей всякое желание убить моего недоброго хозяина.

Я осторожно открыл дверь моего помещения и, сопровождаемый Вулой, нашел внутреннюю из больших дверей. Мне пришла в голову безумная мысль — попробовать подействовать на огромные дверные замки девятью мысленными волнами, которые я прочитал недавно в уме моего хозяина.

Тихонько миновав коридор за коридором, покружив по переходам, которые вели то туда, то сюда, я наконец достиг большой за-

лы, в которой был сегодня утром. Нигде не видел я своего хозяина и не знал, где он находится ночью.

Я готов был смело вступить в зал, когда слабый шум позади меня заставил меня отступить в тень, за выступ коридора. Потянув за собой Вулу, я скорчился в темноте.

Едва я успел спрятаться, как старик прошел туда мимо меня, держа в руке тонкий длинный кинжал, который стал точить о камень. Он собирался, по-видимому, осмотреть радиолампы, что должно было занять около тридцати минут, а затем вернуться в мою спальню и прикончить меня.

Когда он прошел по залу и исчез на лестнице, ведущей к радиолампам, я бесшумно выскользнул из моего укрытия и наткнулся на большую внутреннюю дверь, одну из трех, отделявших меня от свободы.

Сосредоточив все мысли на массивном замке, я бросил против него девять мысленных волн. Затаив дыхание, я ждал — и вот огромная дверь мягко сдвинулась передо мной и бесшумно повернулась в сторону. Одна за другой и остальные двери открылись по моему приказанию. Мы с Вулой вступили в наружный мрак — свободные, но в немного лучшем состоянии, чем были раньше, исключая то, что на этот раз наши желудки были полны.

Торопясь выйти из тени огромного строения, я пошел по первой из дорог, намереваясь дойти до заставы города как можно скорее. Я достиг ее перед рассветом и, войдя в ограду, принялся искать какие-либо признаки обитаемости.

Кругом были низкие, неопределенной формы строения из бетона, запертые неподвижными дверями. Мои стуки и крик не вызвали никакого ответа. Усталый и изможденный бессоницей, я растянулся на почве и, приказав Вуле сторожить, уснул.

Немного спустя я проснулся от его страшного рычания. Открыв глаза, я увидел трех красных марсиан; они стояли на близком расстоянии от нас и целились в меня из своих ружей.

— Я безоружен и не враг, — поспешил я им объяснить, — я был в плену у зеленых и теперь иду в Зоданг. Все, что я прошу — это пищи и отдыха для меня и собаки и точные указания, как мне достигнуть места моего назначения.

Они опустили ружья и дружелюбно приблизились ко мне, касаясь правой рукой моего левого плеча, согласно обычной у них формы приветствия, и задавая мне множество вопросов относительно меня самого и моих странствий. Затем они отвели меня в дом одного из них, находившийся поблизости.

Постройки, в которые я стучался рано утром, были заняты складами; собственно дома стояли в роще огромных деревьев и, как многие марсианские дома, поднимались на ночь на сорок или пятьдесят футов от почвы на широкой металлической колонне, которая двигалась туда и обратно по каналу, уходящему в почву, и управлялась сложной радиомашинной, помещенной в доме. Вместо того, чтобы возиться с засовами и решетками для своего жилья, красные марсиане просто поднимали его от греха подальше на всю ночь. Они имели также особые способы подниматься и опускаться, если хотели туда войти.

Встретившие меня три брата с их женами и детьми владели тремя одинаковыми домами в этом сельском поселке. Они сами не занимались земледелием, так как состояли офицерами на службе правительства. Домашние работы выполнялись военнопленными и отбывающими таким образом свой срок преступниками. Хозяева были олицетворением сердечности и гостеприимства; я провел у них несколько дней, отдыхая и приходя в себя после моего долгого и трудного путешествия.

Когда они выслушали мою историю — я пропустил только всякое воспоминание о Дее Торис и старике в атмосферном сооружении — они посоветовали мне окрасить мое тело, чтобы как можно больше походить на человека их расы, и затем попробовать поискать себе службу в Зоданге в армии или во флоте.

— Слишком мало шансов, чтобы вашему рассказу поверили, пока вы не докажете вашу правдивость и не подружитесь с высшей придворной знатью. Это вам легче всего сделать посредством военной службы, потому что мы — самый воинственный народ Барсума, — объяснил один из них, — и мы относимся с наибольшим расположением к человеку, который умеет отлично сражаться.

Когда я был готов к отъезду, они снабдили меня маленьким домашним бычком, который ходит под седлом у всех красных марсиан. Животное это размером с лошадь и очень кроткое, но цветом и формами в точности соответствует своему большому и свирепому дикому родственнику — тоту.

Братья достали мне красного масла, которым я вымазал все свое тело; один из них постриг мне волосы, по моде того времени — квадратом сзади и кольцами спереди — так что я мог пройти по всему Барсуму как полноправный красный марсианин. Мое оружие и украшения также были обновлены в стиле зодангского джентльмена, происходящего из рода Пторов — такова была фамилия моих благодетелей.

Они наполнили маленький мешок, висевший у меня на боку, зодангской монетой. Средства обмена на Марсе не отличаются от наших, только у них монеты овальные. Бумажные деньги изготавливаются отдельными лицами, по мере надобности, и выкупаются в течение двух лет. Если кто-нибудь выпустил больше денег, чем может выкупить, то правительство удовлетворяет его кредиторов, и затем несостоятельный должник работает на ферме или в копиях, составляющих собственность правительства. Туда попадают не только должники, было бы слишком трудно найти достаточно добровольцев, чтобы возделывать обширные изолированные сельскохозяйственные местности Марса, которые тянутся от полюса до полюса узкими лентами, через пространства, населенные дикими животными и не менее дикими людьми.

Когда я заговорил о невозможности отплатить им за всю их доброту ко мне, они стали уверять меня, что я найду для этого удобный случай, если поживу подольше на Барсуме. Пожелав мне счастливого пути, они следили за мной, пока я не скрылся из вида по широкой белой дороге.

21. ВОЗДУШНЫЙ РАЗВЕДЧИК В ЗОДАНГЕ

Странные и любопытные зрелища приковывали мое внимание во время путешествия к Зодангу и на фермах, где я останавливался. В пути я научился массе новых и полезных вещей, касающихся обычаев и нравов Барсума.

Вода, которой снабжаются фермы на Марсе, собрана в громадные резервуары на обоих полюсах и оттуда по длинным трубам накачивается в населенные центры. По обеим сторонам этих труб вдоль всей их длины лежат обработанные поля. Они разделены на участки примерно одинаковых размеров, и каждый участок находится под наблюдением одного или нескольких правительственных чиновников.

Вместо того, чтобы вода текла по поверхности полей, откуда она испаряется в больших количествах, эта драгоценная жидкость при помощи целой системы мелких труб подводится под землей прямо к корням растений. Урожай на Марсе всегда одинаков, так как там нет ни засух, ни дождей, ни сильных ветров, ни насекомых, ни птиц, портящих растения.

Во время этой поездки я поел впервые после того, как покинул Землю, большие котлеты и сочные ломти мяса хорошо откормленных домашних животных с ферм. Я попробовал и приторно-сладкие фрукты, и овощи, но ни один кусочек здешней пищи не был похож на то, что я ел на Земле. Каждое растение и цветок, каждый овощ, каждое животное были так культивированы годами заботливого ухода, что при сравнении с их сородичами на Земле последние превращались в бледное подобие.

На второй остановке я встретил высококультурных людей из класса знати, и в разговоре мы коснулись Гелиума. Один пожилой господин много лет служил в дипломатической миссии. Он с сожалением говорил об обстоятельствах, которые заставляют эти две страны постоянно быть во враждебных отношениях.

— Гелиум, — сказал он, — справедливо гордится самыми красивыми женщинами на Барсуме, из всех его сокровищ прекрасная дочь Морса Каяка, Дея Торис — самый изысканный цветок.

Народ, — прибавил он, — поистине боготворит почву, по которой она ходит, и с момента ее исчезновения во время неудачной экспедиции весь Гелиум в трауре.

Нападение на их обесилевший флот, когда тот возвращался в Гелиум, было одной из ужасных ошибок нашего правителя, тех ошибок, которые рано или поздно заставят Зодангу выбрать более мудрого человека на его место.

Даже теперь, когда наши победоносные войска окружают Гелиум, население Зоданга выражает свое неудовлетворение, так как война эта, не основанная ни на справедливости, ни на праве, непопулярна среди народа. Наши силы использовали выгоду отсутствия главного флота Гелиума, который ушел на поиски принцессы, и поэтому нам легко довести их город до очень печального состояния. Говорят, что он падет в самом непродолжительном времени.

— А какова судьба принцессы Деи Торис, как вы думаете? — спросил я как бы совершенно случайно.

— Она умерла, — ответил мой собеседник. — Это сказал зеленый воин, которого наши войска взяли в плен на юге. Ей удалось ускользнуть от толпы тарков вместе со странным существом из другого мира, но лишь для того, чтобы попасть в руки варунгов. Их тотот видели блуждающими по дну бывшего моря, а поблизости были найдены следы кровавого столкновения.

Хотя это сообщение ни в коей мере не было утешительным, но в нем не было точных доказательств смерти Деи Торис, и я решил приложить все усилия, чтобы как можно скорее достичь Гелиума и принести Тардосу Морсу сведения о месте пребывания его внуки, поскольку это было в моих силах.

Я прибыл в Зодангу через десять дней после того, как покинул трех братьев Птор. С того момента, как я столкнулся с красными обитателями Марса, я заметил, что Вула вызывает крайне неприязненное отношение к себе и ко мне, так как это огромное животное принадлежит к видам, которые никогда не приручал красный человек. Если бы кто-нибудь прошел по Бродвею со следующим за ним по пятам нумидийским львом, он произвел бы эффект, подобный тому, который произвел я, войдя в Зодангу с Вулой. Мысль о необходимости расстаться с верным товарищем причиняла мне такое большое сожаление и неподдельное горе, что я отогнал ее, пока мы не дошли до ворот города. Но там, наконец, нам надо было расстаться. Если бы дело было только в моей безопасности или удовольствии, то никакие доводы не заставили бы меня прогнать единственное существо на Марсе, которое постоянно выражало мне свою привязанность и верность. Но так как я добровольно предложил свою жизнь в услужение той, в поисках которой я бросил вызов неизвестным опасностям в этом таинственном городе, я не мог позволить, чтобы присутствие Вулы угрожало успеху моего плана. Тем более, что я не сомневался, что он скоро забудет меня.

Итак, я тепло попрощался с бедным животным, обещав ему, что если я благополучно вернусь из моего путешествия, я всячески постараюсь отыскать его. Он как будто понял меня, и, когда я показал ему обратное направление к Тарку, он печально пошел назад. Мне было тяжело следить за ним; я решительно повернулся к Зодангу и с ощущением боли в сердце приблизился к его угрюмым стенам.

Письмо, которое я имел, немедленно открыло мне доступ в окруженный стенами город. Было раннее утро, и улицы пока еще не наполнились прохожими. Жилища, высоко поднятые на металлических колоннах, казались стальными стволами деревьев. Магазины, как обычно, не были подняты над уровнем почвы и двери их не были заперты, так как воровство совершенно неизвестно на Барсуме. Барсумцы боялись только убийства, и потому-то их жилища и были высоко подняты ночью и во время войны.

Братья Птор дали мне точные указания, как разыскать то место в городе, где я смогу найти удобное жилье и буду близко от места службы государственных чиновников, к которым мне дали письма. Моя дорога вела к центральному скверу, который имеется во всех городах на Марсе. Сквер в Зоданге занимает квадратную милю и окружен дворцами джедака, джеда и других членов царского рода и знати Зоданги и, кроме того, гостиницами, кафе и магазинами.

Когда я пересекал сквер, любуясь великолепной архитектурой построек и роскошными красными растениями, устилавшими ковром широкую лужайку, я увидел марсианина, быстро идущего мне навстречу. Он не обратил на меня ни малейшего внимания, но когда он приблизился, я узнал его, и, положив руку на его плечо, позвал:

— Каор, Кантос Кан!

С быстротой молнии он обернулся ко мне, и не успел я опустить свою руку, как острие его длинной шпаги коснулось моей груди:

— Кто ты? — зарычал он, и в то время, как обратный прыжок отнес меня футов на пятьдесят от его шпаги, он опустил острие вниз и воскликнул, смеясь:

— Я не нуждаюсь в лучшем ответе: ведь есть только один человек на Барсуме, который умеет прыгать, как резиновый мяч! Во имя матери самого дальнего месяца, Джон Картер, как вы попали сюда, и разве вы стали Дарсином, что научились менять цвет по своему желанию?

— Вы заставили меня пережить неприятные полминуты, друг, — продолжал он после того, как я коротко обрисовал ему свои приключения с того момента, как мы расстались на арене Варуна, — если бы мое имя и место, где находится мой родной дом, стали известны в Зоданге, я бы уже сидел на берегу далекого моря Корос с моими умершими предками. Я здесь по поручению Тардоса Морса, джеддака Гелиума, чтобы открыть местопребывание Деи Торис, нашей принцессы. Саб Тзэн, принц Зоданги, спрятал ее в городе. Он безумно влюбился в нее. Его отец, Тзэн Козис, джеддак Зоданги, поставил условием мира между нашими странами ее добровольное согласие на замужество с его сыном. Однако Тардос Морс не соглашается на эти просьбы. Он ответил, что он и его народ скорее согласятся увидеть мертвое лицо своей принцессы, чем видеть ее замужем против ее воли, и что лично он предпочитает быть брошенным в пучину или стать свидетелем пожара Гелиума, чем соединить знак своего дома со знаком Тзэна Козиса. Такой ответ был тяжелым оскорблением зодангцам, но любовь народа к Тардосу Морсу еще более окрепла и власть его в Гелиуме больше, чем когда-либо.

Я здесь три дня, — продолжал Кантос Кан, — но еще не узнал, где заключена Дея Торис. Сегодня я вступаю в зодангский флот в качестве воздушного разведчика. Я надеюсь таким путем добиться доверия Саба Тзэна, принца, который командует флотским дивизионом, и от него выведать, где находится Дея Торис. Я счастлив, что вы здесь, Джон Картер, так как знаю вашу верность нашей принцессе. Я уверен, что, работая вместе, мы достигнем многого!

Сквер начал постепенно наполняться народом, занятым своими повседневными обязанностями. Магазины открылись, в кафе появились утренние посетители. Кантос Кан повел меня в один из роскошных ресторанов, где нам была подана еда, приготовленная исключительно при помощи механических аппаратов. Ни одна рука не прикасалась к пище с того момента, как она сырая попала в это помещение, и до тех пор, когда она появлялась, горячая и вкусная,

на столах перед посетителями, нажимающими маленькие кнопки, чтобы заказать то или иное блюдо.

Когда мы поели, Кантос Кан повел меня в квартал, где была расположена эскадра воздушной разведки. Там он представил меня начальнику и попросил принять меня в войско. Согласно обычаю, для поступления требовался экзамен, но Кантос Кан сказал, чтобы я не боялся, так как об этой стороне дела он позаботится. Он выполнил это, взяв мой билет для экзамена и представившись экзаменатору как Джон Картер.

— Эта хитрость откроется позже, — объяснил он мне весело, — когда они начнут проверять мой рост, вес и другие приметы, но пока это будет сделано, пройдет несколько месяцев, и либо наша миссия будет выполнена, либо мы потерпим неудачу задолго до этого срока.

Ближайшие несколько дней Кантос Кан учил меня искусству вождения и ремонта тех маленьких аппаратов, которые употребляются марсианами для полетов и воздушных сражений. Тело летающей лодки для одного человека имеет около 16 футов в длину и 2 фута в ширину. Оно заострено с обоих концов. Летчик сидит на верхушке этой плоскости на особом сиденье, построенном над маленькой бесшумной машиной из радия, которая направляет аппарат. Весь секрет легкости и упругости заключен между тонкими металлическими стенками тела лодки и состоит из восьмого луча, или лучей движения, как можно назвать их по их свойству.

Этот луч, подобно девятому лучу, неизвестен на Земле, но марсиане открыли, что он является неотъемлемым свойством всякого света, независимо от какого источника он получается.

Марсиане узнали, что восьмой солнечный луч продвигает свет солнца к разным планетам и что у каждой планеты свой индивидуальный восьмой луч, который отражает полученный солнечный луч и продвигает его дальше. Солнечный восьмой луч поглощается поверхностью Барсума, но есть восьмой барсумианский луч, который посылает свет с Марса в пространство. Он постоянно струится с планеты, составляя силу, обратную силе тяжести. Если его удерживать, он в состоянии поднимать тяжести с поверхности планеты.

Эти-то лучи и делают марсиан способными к тем изумительным полетам, когда военные корабли, по размерам далеко превосходящие земные, летают в легком воздухе Марса так же грациозно, как грушечные шары в тяжелой атмосфере Земли.

В течение первых лет после открытия этих лучей было немало странных происшествий, пока не научились измерять и контролировать эту чудесную силу. Лет девятьсот тому назад первый большой военный корабль, который был выстроен с резервуарами для восьмого луча, был снабжен слишком большим количеством лучей, и в мгновение улетел от Гелиума с пятью сотнями солдат и офицеров, чтобы уже больше никогда не вернуться.

Сила отталкивания этих лучей от планеты была так велика, что они увлекли корабль в пространство, где теперь с помощью сильных телескопов можно видеть его, блуждающим по небесам в десяти тысячах миль от Марса — маленький спутник, который обречен бесконечно вращаться вокруг Барсума.

На четвертый день после прибытия в Зодангу я совершил первый полет, и в результате этого достиг места, где помещается дворец Тэна Козиса.

Когда я летел на городом, я описывал много кругов, как это делал Кантос Кан, а затем, взяв большую скорость, с устрашающей быстротой помчался к югу, следуя направлению одного из больших водных путей, идущих в Зодангу.

Меньше чем за час, пролетев, вероятно, две тысячи миль, далеко внизу я разглядел группу из трех зеленых воинов, которые быстро мчались к маленькой фигурке, старавшейся, по-видимому, добежать до одного из обнесенных стеной полей.

Направив свою машину к ним и описывая круги в тылу зеленых воинов, я вскоре заметил, что предметом преследования был красный марсианин, носящий знак моей эскадры. Недалеко лежал его аппарат, вокруг которого были разбросаны инструменты. Очевидно, авиатор исправлял какое-то повреждение, когда был застигнут зелеными воинами. Они были уже почти около него; их летящие тоты настигали сравнительно маленькую фигуру, бегущую со страшной быстротой, а воины наклонились вправо, держа в руках длинные металлические копья.

Они настигали его! Каждый, казалось, хотел первым поразить бедного зодангца. Еще момент, и его судьба была бы решена, если бы не мое своевременное появление.

Держа свой проворный аппарат как раз позади зеленых, я быстро догнал их и, не замедляя полета, вонзил клюв маленького летуна как раз между плечами ближайшего воина. Толчок, достаточно сильный, чтобы пробить сталь, толщиной в несколько вершков, подбросил обезглавленное тело в воздух через голову его тоты; оно упало рядом на мох. Тоты двух других воинов обернулись и с ревом помчались в противоположную сторону.

Уменьшив скорость, я спустился на почву к ногам изумленного зодангца. Он горячо благодарил меня за своевременную помощь и обещал, что этот мой поступок вознаградится, так как он был не кто иной, как двоюродный брат джеддака Зоданги. Мы не стали тратить много времени, так как знали, что зеленые воины, безусловно, вернуться, как только сумеют совладать со своими тотами. Поспешив к поврежденной машине, мы приложили все усилия, чтобы закончить починку и почти преуспели в этом, когда увидели, что два зеленых чудовища возвращаются с огромной быстротой. Когда они приблизились на сто ярдов, их тоты решительно отказались идти дальше к испугавшей их машине.

Воины спешили и, отпустив своих животных, направились к нам пешком с обнаженными длинными мечами. Я вышел навстречу более сильному, сказав зодангцу, чтобы он сделал все, что может, с другим. Покончив со своим противником без особых усилий, что стало для меня привычным, благодаря большой практике, я поспешил к моему новому знакомцу, которого нашел в отчаянном положении.

Он был ранен и уже лежал на земле. Противник поставил свою огромную ногу ему на грудь и поднял меч, чтобы нанести последний удар. Я перепрыгнул разделяющее нас расстояние в пятьдесят футов и, вытянув острие шпаги, проткнул тело зеленого воина. Его

меч упал, не нанеся удара, и сам он тяжело рухнул на распростертое тело зодангца.

При беглом осмотре я убедился, что смертельных ран у моего коллеги нет, и после короткого отдыха он заявил, что чувствует себя в силах отправиться в обратный путь. Он должен был полететь отдельно, так как эти хрупкие лодочки могут перевозить лишь одного человека.

Закончив поспешно нужные исправления, мы поднялись к спокойному безоблачному небу и вскоре, без дальнейших приключений, вернулись в Зодангу.

Приблизившись к городу, мы увидели большую толпу мирных граждан и солдат, собравшихся на лугу перед Зодангой. Небо было черно от военных кораблей и частных лодочек, на которых развевались флаги из пестрого шелка, хоругви, знамена со странными и живописными рисунками.

Мой спутник подал мне знак опуститься и, подлетев поближе к моему аппарату, уговорил меня посмотреть церемонию, устроенную для оказания почестей офицерам и солдатам за храбрость и другие выдающиеся подвиги. Он развернул маленькое знамя, указывающее, что его корабль несет члена царской семьи, и мы начали пробивать себе дорогу среди массы низколетающих воздушных кораблей, пока не повисли как раз над джеддаком Зоданги и его свитой. Все они были верхом на маленьких домашних марсианских тотах. На сбруе и украшениях тотот было такое количество пестро раскрашенных перьев, что я был поражен удивительным сходством между этой свитой и бандой красных индейцев с моей Земли.

Кто-то из свиты обратил внимание Тзэна Козиса на присутствие моего спутника над их головами, и правитель сделал ему знак спуститься. Пока войска выстраивались прямо перед джеддаком, он разговаривал со своим кузеном, причем время от времени поглядывал на меня. Слов их я не мог слышать. Когда разговор кончился, все спустились с тотот. В это время последние отряды уже встали в позицию перед своим императором. Офицер из свиты приблизился к войскам и, назвав имя солдата, приказал ему выйти вперед. Затем офицер рассказал о героическом поступке солдата, который вызвал одобрение джеддака. Тогда последний подошел и прикрепил металлическое украшение к левому рукаву счастливого человека.

Десять человек было награждено таким образом, когда адъютант произнес:

— Джон Картер, воздушный разведчик!

Никогда в жизни я не был так сильно изумлен, но привычка к военной дисциплине была столь сильна во мне, что я легко спустил машину на почву и пешком, как это делали другие, приблизился к офицеру. Когда я остановился перед ним, он обратился ко мне громким голосом, слышным всем собравшимся:

— Джон Картер! В благодарность за вашу замечательную храбрость и ловкость, проявленные при защите двоюродного брата джеддака, и победе над тремя зелеными воинами, джеддак доставляет себе удовольствие возложить на вас знак его одобрения.

Тзэн Козис подошел ко мне и, прикрепив украшение, сказал:

— Кузен поведал мне подробности вашего удивительного подвиги-

га, который кажется почти чудом. Если вы так хорошо защищали кузена джедака, то насколько лучше вы сумеете защитить особу самого джедака! Вы назначаетесь в гвардию и отныне будете находиться в моем дворце.

Я поблагодарил его и по его приказанию присоединился к членам свиты. После окончания церемонии, я поставил аппарат на место под крышей барakov воздушной эскадры и доложил офицеру о том, что по приказу джедака отправляюсь во дворец.

22. Я НАХОЖУ ДЕЮ

Мажордом, к которому я направился, имел распоряжение поместить меня близ особы джедака, подвергавшегося во время войны особенно сильной опасности.

Он немедленно проводил меня в апартаменты Тзэна Козиса. Правитель был занят беседой со своим сыном Саб Тзэном, несколькими родственниками и придворными, и не заметил моего прихода.

Стены комнаты были затянуты роскошными драпировками, закрывавшими все окна и двери. Комната освещалась солнечными лучами, которые были заключены между верхним потолком и вторым, находившимся чуть ниже и сделанным из толстого стекла.

Мой проводник откинул один из ковров, открывая проход, который шел вдоль комнаты между ее стенами и висящими драпировками. Я должен был, по его словам, оставаться в проходе до тех пор, пока Тзэн Козис находится в комнате. Когда он выйдет, я должен последовать за ним. Единственной моей обязанностью было охранять особу правителя и возможно меньше попадаться ему на глаза. Через четыре часа я буду сменен. Сказав это, мажордом покинул меня.

Драпировки были из странной ткани, которая казалась тяжелой и плотной с одной стороны, но со своего места я мог видеть все, что делалось в комнате, будто не существовало отделяющих меня занавесок.

Едва я занял свой пост, как драпировки на противоположном от меня краю комнаты зашевелились, и в комнату вошли четыре гвардейца, окружающих женскую фигуру. Приблизившись к Тзэну Козису, солдаты расступились, и перед джедаком, не далее чем в десяти футах от меня, показалась Дея Торис с ее прекрасным, улыбающимся лицом.

Тзэн Козис, привстав в удивлении, приветствовал Дею Торис.

— Какому странному капризу обязан я визитом принцессы Гелиума, которая лишь два дня тому назад, с редким вниманием к моей гордости, уверяла меня, что предпочитает Тала Хаджуса, зеленого тарка, моему сыну?

Дея Торис только улыбнулась в ответ джедаку, и с плутовскими ямочками, играющими у ее губ, ответила:

— С самого начала существования Барсума привилегией женщины было менять свои взгляды, когда она этого желает, и притворяться в вопросах сердца. Поэтому вы должны простить меня, Тзэн Козис, как простил ваш сын. Два дня тому назад я не была увере-

на в его любви ко мне, теперь уверена. Я пришла просить вас забыть мои опрометчивые слова и принять уверения принцессы Гелиума в том, что, когда придет время, она согласится выйти замуж за Саб Тзэна, принца Зоданги.

— Я счастлив, что вы так решили, — ответил Тзэн Козис. — Я совершенно не хотел продолжать дальше войну с народом Гелиума. Ваше обещание будет записано и провозглашено народу.

— Лучше было бы, — прервала его Дея Торис, — объявление народу отложить до конца войны. И моему, и вашему народу покажется странным, что принцесса Гелиума отдает себя врагу в разгар военных действий.

— Разве война не может быть закончена сразу? — воскликнул Саб Тзэн. — Достаточно лишь слова Тзэна Козиса, чтобы водворить мир. Скажи его, отец мой, скажи это слово, которое приблизит мое счастье и положит конец этой ненужной ссоре.

— Мы посмотрим, — ответил Тзэн Козис, — как народ Гелиума примет мир. Я, во всяком случае, предложу его им.

После еще нескольких слов Дея Торис повернулась и покинула комнату, сопровождаемая четырьмя стражами.

И вот воздушный замок моей мечты о счастье разбит о суровую действительность! Женщина, которой я предложил свою жизнь, из уст которой я так недавно слышал слова любви, так легко забыла о моем существовании и, смеясь, отдала себя сыну злейшего врага своего народа.

Хотя я слышал это собственными ушами, я не мог этому поверить. Я решил узнать, где она помещается, и заставить ее повторить мне жестокую правду. Поэтому я оставил свой пост и поспешил по проходу позади драпировки по направлению к двери, через которую Дея покинула комнату. Тихонько проскользнув через дверь, я увидел массу извилистых коридоров, ветвящихся и перекрещивающихся во всех направлениях.

Я быстро побежал по одному из них, потом по другому, третьему и вскоре совершенно заблудился. Я стоял, задыхаясь, опершись о стену, как вдруг вблизи от себя услышал голоса. По-видимому, они исходили из помещения, находящегося по ту сторону стены, о которую я облокотился. Я сейчас же узнал голос Деи Торис. Слов я не мог разобрать, но был уверен, что не ошибся.

Сделав несколько шагов, я нашел проход, в конце которого находилась дверь. Быстро пройдя вперед, я вошел в маленькую переднюю, в ней были четыре гвардейца, сопровождавших только что принцессу. Один из них вскочил и спросил, по какому я делу.

— Я от Тзэна Козиса, — ответил я, — и хочу поговорить наедине с Деей Торис, принцессой Гелиума.

— Ваш ордер? — спросил он.

Я не знал, о чем он говорит, но ответил, что я член охраны джедака, и направился к противоположной двери, за которой слышался голос Деи Торис.

Но войти было не так-то легко! Телохранитель встал передо мной со словами:

— Никто не приходит от Тзэна Козиса без ордера или пароля. Покажите мне то или другое и вы сможете пройти.

— Единственный ордер, который я имею, чтобы пройти, куда

хочу, мой друг, висит у меня на боку, — ответил я, похлопывая свой меч. — Дадите вы мне пройти мирно или нет?

Вместо ответа он вытащил свой меч и приказал другим сделать то же самое. С обнаженными мечами они встали в ряд, не давая мне пройти дальше.

— Вы здесь не по приказу Тзэна Козиса, — воскликнул тот из них, который первым заговорил со мной, — и вы не только не войдете в помещение принцессы Гелиума, но под охраной будете отведены к Тзэну Козису, где и дадите объяснение своей непозволительной дерзости. Спрячьте свой меч, вы один не справитесь с нами, — приказал он с угрюмой усмешкой.

Моим ответом был быстрый удар, оставивший мне только трех соперников, и смею уверить, они были достойны моего оружия. Они быстро оттеснили меня к стене. Борясь за свою жизнь, я медленно пробил себе дорогу в угол комнаты, так что они могли подходить ко мне только поодиночке. Так мы сражались минут двадцать. Звон стали, ударяющейся о сталь, производил в комнате страшный шум, который заставил Дею Торис подойти к дверям своей комнаты. Здесь она стояла все время борьбы, а Сола выглядывала из-за ее плеча. Ее лицо было неподвижно и спокойно, и я понял, что ни она, ни Сола не узнали меня.

Наконец, удачный удар сбил еще одного противника, и тогда, имея против себя двоих, я переменял тактику и обрушился на них тем приемом, который помог мне одержать много побед. Третий упал через десять секунд после второго, а через несколько минут и последний лежал мертвым на полу. Они были храбрые люди и хорошие бойцы, и я был огорчен тем, что должен был убить их, но чтобы достигнуть своей цели я охотно уничтожил бы население всего Барсума, если бы иного выхода не было.

Вложив в ножны окровавленный клинок, я подошел к своей марсианской принцессе, которая стояла, безмолвно глядя и не узнавая меня.

— Кто вы? — спросила она. — Еще один враг, чтобы мучить меня в моем горе?

— Я друг... — отвечал я, — когда-то любимый друг...

— Ни один из друзей принцессы Гелиума не носит знаков Зоданга... Но этот голос! Я слышала его раньше... Это... Это не может быть... нет, ведь он мертв!

— Это не кто иной, моя принцесса, как Джон Картер! Неужели вы, несмотря на краску и знаки, не узнаете сердце вашего вождя!

Когда я подошел к ней вплотную, Дея покачнулась с простертыми ко мне руками, но, прежде чем я успел схватить ее в свои объятия, она откинулась назад с дрожью и тихим стоном горя.

— Слишком поздно, слишком поздно! — плакала она. — О мой вождь, которого я считала мертвым, если бы вы вернулись часом раньше. Но теперь уже поздно, слишком поздно!

— Что это значит, Дея Торис? — воскликнул я. — Что вы не дали бы обещания принцу Зоданга, если бы знали, что я жив?

— Думаете ли вы, Джон Картер, что, отдав вчера свое сердце вам, я могу сегодня отдать его другому? Я думала, что оно погребено вместе с вашим прахом в могиле Варгуна, и поэтому обещала

сегодня свое тело другому, чтобы спасти свой народ от нападения победоносной армии Зоданга.

— Но я не умер, моя принцесса! Я пришел за вами, и вся Зоданга не сможет помешать мне!

— Слишком поздно, Джон Картер! Мое обещание дано, а в Барсуме это все. Церемония, которая последует после, является лишь незначительной формальностью. Она ничего не прибавит к самому факту женитьбы, как похоронное шествие джедака не наложит еще одну печать смерти на его лицо. Я уже замужем, Джон Картер. И вы больше не должны называть меня своей принцессой, а вы больше не мой вождь.

— Я плохо знаю ваши обычаи, Дея Торис, но я знаю, что люблю вас, и если вы помните последние слова, которые вы сказали мне, когда орды варгунов напали на нас, то ни один мужчина не посмеет думать о вас, как о своей невесте. Тогда вы думали так, моя принцесса, вы и теперь так думаете! Скажите мне, что это правда!

— Я думаю так, Джон Картер, — прошептала она. — Но не могу повторить это теперь, потому что отдала себя другому. Ах, если бы вы только знали наши обычаи, друг мой, — продолжала она, обращаясь наполовину к себе самой, — вы получили бы мое обещание уже много месяцев тому назад и могли бы требовать меня раньше всех остальных. Пусть погиб бы Гелиум, но я отдала бы все царство за своего таркианского вождя.

Затем она сказала громко:

— Вы помните ту ночь, когда вы меня обидели? Вы назвали меня своей принцессой, не попросив моей руки, и потом вы хвалились, что боролись за меня. Вы не знали скрытого значения этих слов, и я не должна была обижаться, теперь я это понимаю. Но не было никого на Барсуме, кто разъяснил бы вам, а я не могла этого сделать, что у нас есть два рода женщин в городах красных людей: за одних мужчины борются и потом просят их руки, за других мужчины тоже борются, но в жены их никогда не просят.

Когда мужчина выигрывает женщину в бою, он может назвать ее своей принцессой или другим именем, означающим, что она ему принадлежит. Вы боролись за меня, но никогда не просили моей руки, и когда вы назвали меня своей принцессой, вы понимаете, — Дея секунду колебалась, — я была оскорблена. Но даже тогда, Джон Картер, я не оттолкнула вас, как должна была сделать, потому что вы поступили еще хуже, когда насмехались надо мной, говоря, что выиграли меня в сражении.

— Я не буду теперь просить у вас прощения, Дея Торис! Вы должны знать, что вина моя лишь в незнании обычаев Барсума. То, что я должен был сделать раньше, хотя я полагал, что моя просьба будет самонадеянной и нежеланной, я делаю теперь. Я прошу вас быть моей женой, и клянусь боевой виргинской кровью, струящейся в моих жилах, вы будете ею!

— Нет, Джон Картер, это бесполезно! — безнадежно воскликнула Дея. — Я никогда не буду вашей женой, пока жив Саб Тзэн!

— Только не это, — поспешила она объяснить, — я не смогу выйти замуж и за человека, который убил бы моего мужа, даже защищаясь. Таков обычай! Обычаи правят нами здесь, на Барсуме,

мой друг! Вы должны переносить горе вместе со мной: это единственное, что может быть у нас общего. Это — и еще воспоминание о коротких днях среди тарков. Теперь вы должны уйти и больше вы никогда меня не увидите. Прощайте, мой вождь!

Отвергнутый, с разбитым сердцем, я вышел из комнаты. Но я не терял надежды и не допускал, что Дея Торис навсегда потеряна для меня, пока церемония брака не свершилась.

Я блуждал вдоль коридоров и совершенно заблудился в массе скрещивающихся переходов, как это было, когда я пошел на поиски Деи Торис.

Я знал, что единственная надежда на спасение была в бегстве из города Зоданги, так как факт убийства четырех стражей потребует объяснения, а благодаря тому, что я без проводника не найду своего поста, подозрения падут на меня, как только меня увидят бесцельно слоняющимся по дворцу.

Наконец я подошел к спиральной лестнице, ведущей в нижний этаж, и спускался по ней пока не дошел до двери в большую комнату, где было много стражников. Стены комнаты были увешаны прозрачными драпировками, за которыми я и спрятался.

Общий разговор телохранителей не вызывал во мне никакого интереса, пока в комнату не вошел офицер и не приказал четверым из них сменить тех, кто охраняет принцессу Гелиума. Тогда я понял, что мне грозит серьезная опасность и, действительно, едва взвод оставил комнату, как один из солдат ворвался назад, задыхаясь и крича, что они нашли четырех товарищей убитыми на полу в передней.

В одну секунду весь дворец наполнился народом. Стража, офицеры, придворные, слуги и рабы бегали взад и вперед по коридорам и комнатам, передавая приказания и поручения и отыскивая следы убийцы.

Это было для меня чрезвычайно удобным случаем, и я воспользовался им; когда группа солдат прошла мимо моего укромного местечка, я пошел с ними через лабиринт дворца, пока не увидел благословенный свет дня, проникающий через целый ряд больших окон.

Здесь я оставил проводников и скользнул к ближайшему окну, ища места, удобного для побега. Окна открывались на большой балкон, выходящий на одну из широких улиц Зоданги. Почва была далеко внизу, около 30 футов, и на таком же расстоянии от дворца была стена футов двадцати вышиной, выстроенная из полированного стекла, толщиной около фута. Для красного марсианина побег этой дорогой казался бы невозможным, но для меня, с моей земной силой и ловкостью, это казалось исполнимым. Я боялся только того, что меня поймут во дворце до наступления темноты, так как я не мог при ярком свете прыгнуть на стену, тем более что двор внизу и улица были запружены зодангцами.

Я начал искать, где бы спрятаться, и наконец случайно увидел большое украшение, свисающее с потолка и не достигающее пола футов на десять, внутри которого было укромное место. Я с легкостью забрался в огромную вазу и только успел устроиться там, как услышал, что группа людей вошла в комнату и остановилась как раз под моей вазой, так что я ясно слышал каждое слово:

— Это работа гелиумцев, — сказал один из вошедших.

— Да, о джеддак, но как они проникли во дворец? Я не могу допустить, что даже один враг при особой внимательности стражи мог достигнуть внутренних покоев дворца, но каким образом пять или шесть вооруженных людей могли пройти незамеченными, это для меня непонятно. Мы скоро узнаем правду, вот идет царский психолог!

Еще один человек присоединился к группе и, приветствуя правителя, произнес:

— О могущественный джеддак, я прочел странную историю в мертвых душах твоих воинов. Они были убиты не несколькими людьми, а одним противником...

Он помолчал, чтобы слушатели оценили как следует его сообщение, и что его словам мало поверили, было ясно видно по нетерпеливому возгласу недоверия, сорвавшемуся с уст Тзэна Козиса:

— Что за чудесные сказки рассказываешь мне ты, Нотан? — крикнул он.

— Это правда, мой джеддак! — ответил психолог. — В мозгу каждого из четырех убитых отпечатки были очень сильны. Их враг был высокого роста, носящий знак вашего собственного телохранителя, и его умение бороться почти чудесно, так как боролся он один против четверых и победил их своей огромной хитростью и сверхчеловеческой силой и выносливостью. Хотя он и носит знак Зоданги, мой джеддак, такого человека еще не было в этом или другом городе Барсума. Душа принцессы Гелиума, которую я спрашивал и экзаменовал, для меня непонятна, она прекрасно владеет собой. Принцесса признала, что присутствовала лишь при части сражения и видела только одного человека, который боролся со стражей и которого прежде никогда не знала.

— Где мой спаситель? — произнес один из присутствующих, и я узнал голос двоюродного брата Тзэна Козиса, которого так недавно выручил в бою. — Клянусь знаком моих предков, — продолжал он, — описание подходит к нему чрезвычайно, особенно к его умению сражаться.

— Где этот человек? — закричал Тзэн Козис. — Привести его ко мне сейчас же! Что вы знаете о нем, брат мой? Теперь, когда я думаю об этом, мне кажется странным, что в Зоданге был такой боец, а имени его мы не знали до сегодняшнего дня. Да и имя его, Джон Картер! Кто слышал когда-нибудь такое имя на Барсуме!

Вскоре принесли известие, что меня нигде не могут найти, ни во дворце, ни в ангарах эскадры воздушных разведчиков. Нашли лишь Кантоса Кана и расспрашивали его, но он ничего не знал о моем местопребывании. Что касается моего прошлого, то он знает очень мало, так как встретился со мной лишь недавно, во время нашего плена у варгунов.

— Следите и за этим, — приказал Тзэн Козис. — Он тоже иностранец, и похоже, что они оба из Гелиума. Там, где один из них, мы скоро найдем и второго. Учтите воздушные патрули и подвергайте каждого человека, покидающего город по почве или по воздуху, самому строгому допросу!

Вошел еще один курьер с известием о том, что я, несомненно, нахожусь во дворце.

— Портреты всех людей, которые вошли во дворец или вышли из него сегодня днем, были тщательно изучены, — закончил он, — ни один из них не похож на этого человека, кроме того портрета, который снят с него самого, когда он утром вошел во дворец.

— Тогда мы его быстро поймаем, — сказал Тзэн Козис довольным голосом, — а пока мы отправимся в комнаты принцессы Гелиума и расспросим ее об этом деле. Она, быть может, знает больше, чем сказала тебе, Нотан! Идемте!

Джеддак и его воины покинули зал и, когда наступила темнота, я незаметно выбрался из моего тайника и поспешил на балкон. Внизу народа было уже мало и, выбрав момент, когда поблизости не было никого, я быстро прыгнул на вершину стеклянной стены, а с нее на улицу, находящуюся по ту сторону дворца.

23. ЗАБЛУДИВШИЙСЯ В ПРОСТРАНСТВЕ

Не пытаясь напускать на себя равнодушный вид, я поспешил к месту нашей стоянки, где надеялся найти Кантоса Кана. Я осторожно приблизился к зданию, так как предполагал не напрасно, что оно охраняется. Несколько человек со знаками гражданского управления бродили у входа, а позади виднелись другие. Единственным средством попасть незамеченным на верхний этаж, где помещались наши комнаты, было проникнуть туда через смежное здание, и после сложных маневров мне удалось взобраться на крышу находившегося наподолеку строения.

Перепрыгивая с крыши на крышу, я вскоре добрался до открытого окна здания, где рассчитывал найти гелиумца, и через минуту уже стоял в комнате перед ним. Кантос Кан был один и не проявил удивления по поводу моего прихода, сказав, что ожидал меня раньше, так как моя служебная поездка должна уже была окончиться.

Я увидел, что он ничего не знает о событиях, произошедших в этот день во дворце. Когда я рассказал ему о них, он пришел в большое волнение. Известие, что Дея Торис обещала свою руку Саб Тзэну, наполнило его негодованием.

— Этого не может быть, — воскликнул он, — это невозможно! Во всем Гелиуме нет человека, который не предпочел бы смерть выдаче нашей любимой принцессы царствующему дому Зоданги. Она, видимо, совсем потеряла голову, что дала согласие на эту отвратительную сделку. Вы не знаете, как мы, граждане Гелиума, любим членов нашего царствующего дома и не можете понять, с каким ужасом я думаю о таком недостойном союзе.

— Что делать, Джон Картер? — продолжал он. — Вы человек находчивый. Не можете ли вы придумать способ спасти Гелиум от этого унижения?

— Если бы мне удалось добраться до Саб Тзэна, — ответил я, — мой меч разом разрешил бы затруднения Гелиума, но по личным причинам я предпочел бы, чтобы удар, который должен освобить Дею Торис, нанес другой.

Прежде чем ответить, Кантос Кан пристально поглядел на меня.

— Вы ее любите! — сказал он. — Знает ли она об этом?

— Она знает об этом, Кантос Кан, и отказывает мне только потому, что пообещала себя в жены Саб Тзэну.

Кантос вскочил и, схватив меня за плечо, поднял свой меч, восклицая:

— Если бы выбор зависел от меня, я бы не нашел для принцессы Барсума никого, достойнее вас. Вот я кладу руку на ваше плечо, Джон Картер, и даю слово, что острие моего меча поразит Саб Тзэна во имя моей любви к Гелиуму, во имя Деи Торис и вас. Сегодня же ночью я попытаюсь проникнуть к нему во дворец.

— Каким образом? — спросил я. — Вас строго охраняют, и учетверенные патрули сторожат небо.

На миг он задумчиво понурил голову, затем снова уверенно поднял ее.

— Мне нужно лишь миновать стражу, а это мне удастся, — сказал он наконец. — Мне известен тайный вход во дворец через башню. Я открыл его случайно, когда однажды нес патрульную службу над дворцом. При этой службе мы должны обращать внимание на всякое необычное явление, и мне показалось странным, когда я заметил чье-то лицо, выглядывающее с парапета самой высокой башни. Поэтому я приблизился, и оказалось, что выглядывал с башни не кто иной, как сам Саб Тзэн. Он был немного смущен, что я заметил его, и велел мне держать это в тайне, объяснив мне, что проход с башни ведет прямо в его апартаменты и известен только ему одному. Если бы мне удалось пробраться на крышу казарм и достать мою машину, я через пять минут был бы у Саба Тзэна. Но как мне выбраться из этого здания, которое, по вашим словам, окружено усиленной стражей?

— Как охраняются машины в казармах? — спросил я его.

— Там обычно дежурит на крыше один часовой.

— Поднимайтесь на крышу этого здания, Кантос Кан, и ждите меня там.

Не теряя времени на объяснения своего плана, я выбрался на улицу и поспешил к казармам. Я не решился войти, так как там было полно воздушных скаутов, которые, как и все зодангцы, разыскивали меня.

Казармы представляли собой огромное здание, возвышавшееся на целую тысячу футов. Во всей Зоданге было мало зданий, превышавших его. Ангары больших военных кораблей находились на высоте пятисот футов от земли, и почти так же высоко были расположены ангары грузового и пассажирского сообщения.

Трудно и опасно было взбираться туда по фасаду здания, но другого пути не было, и я рискнул. Благодаря обилию архитектурных украшений мне удалось гораздо легче, чем я предполагал, добраться до самого карниза. Тут я встретился с первым серьезным препятствием. Карнизы выдавались футов на двадцать, и, хотя я прополз вокруг всего здания, мне не удалось найти в них ни одного промежутка.

Верхний этаж был освещен и битком набит свободными от занятий солдатами. Итак, сквозь него я тоже не мог проникнуть на крышу.

У меня был еще один слабый и отчаянный шанс, и я решил воспользоваться им — ведь я делал это ради Деи Торис — и не было такого человека, который не рискнул бы ради нее тысячью жизней.

Держась за стену ногами и одной рукой, я свободной рукой отцепил длинный ремень своей амуниции. На конце его болтался большой крюк, при помощи которого летчики подвешивают себя к бокам и дну своих летательных аппаратов во время различного ремонта. Эти же крючки применяются и при abordаже с военных кораблей.

Я несколько раз пытался закинуть крюк на крышу, и он наконец прочно зацепился. Я осторожно потянул за ремень, чтобы укрепить положение крюка, но не знал, выдержит ли он вес моего тела. Возможно, он держался только за край кровли и мог соскользнуть от раскачивания моего тела на конце ремня. В таком случае я рухнул бы вниз на мостовую с высоты тысячи футов.

Секунду я помедлил, а потом, отделившись от поддерживавшего меня орнамента, бросился в пустоту и повис на конце ремня. Глубоко подо мной были ослепительно освещенные улицы, мостовые и... смерть! Вверху на карнизе послышался короткий скрип и неприятный скользкий царапающий звук, обдавший меня холодным предчувствием. Потом крюк зацепился, и я был в безопасности.

Быстро вскарабкавшись наверх, я ухватился за край карниза и взобрался на крышу. Встав на ноги, я оказался лицом к лицу с часовым, направившим на меня ствол своего пистолета.

— Кто вы? И откуда взялись? — крикнул он.

— Я воздушный скаут и только что был на волосок от смерти, так как лишь случайно не свалился на улицу, — ответил я.

— Но как вы попали на крышу? За последний час никто не прилетал и не поднимался изнутри. Немедленно объясните это, или я тотчас же позову стражу!

— Послушай-ка, друг, я только что был на волосок от смерти, и сейчас все тебе объясню, — ответил я и повернулся к краю крыши, где двадцатью футами ниже висело на ремне все мое оружие.

Подталкиваемый любопытством, бедняга встал рядом со мной и нагнулся через карниз, а я в тот же миг схватил его за горло и повалил на крышу. Пистолет выпал из его рук, а моя ладонь заглушила его крик. Я связал часового и привесил к карнизу точно так же, как всего минуту назад висел сам. Я понимал, что его заметят там не раньше утра, и хотел выиграть как можно больше времени.

Надев свое вооружение, я поспешил к ангарам и вскоре вывел оттуда мою машину и машину Кантоса Кана. Прикрепив его машину позади моей, я пустил в ход двигатель и, соскользнув с края крыши, нырнул в пространство, причем пролетел над улицами города значительно ниже того уровня, которого обычно придерживаются воздушные патрули. Менее, чем через минуту я благополучно опустился на крышу перед изумленным Кантосом Каном.

Я не стал терять времени на объяснения и принялся немедленно обсуждать с ним наши дальнейшие планы. Было решено, что я попытаюсь достигнуть Гелиума, а Кантос Кан отправится во дворец и покончит с Саб Тээном. В случае удачи он должен был последовать за мной. Он установил в моей машине свой компас, остроумный маленький прибор, который всегда указывает на какую-нибудь определенную точку поверхности Барсума. Потом мы распрощались и, одновременно взвившись в воздух, помчались по направлению ко дворцу, лежащему на пути моего перелета. Когда мы приблизи-

лись к высокой башне, на нас ринулся с высоты патруль и осветил своим прожектором мой аппарат. Раздался голос, приказывающий мне остановиться. Я не обратил внимания на это предупреждение и тотчас же услышал выстрел. Кантос Кан проворно скрылся во мраке, я же круто поднялся и с безумной быстротой пронесся по марсианскому небу, преследуемый десятком машин воздушных скаутов, присоединившихся к погоне. Вскоре позади меня появился также быстроходный крейсер с экипажем в сто человек и батареей скорострельных орудий. Дергая во все стороны свою маленькую машину и камнем падая вниз, я удачно избегал света их прожекторов, но этим маневром только терял время, и поэтому я решил рискнуть и лететь прямым путем, положившись на милость судьбы и на скорость моей машины.

Кантос Кан показал мне один секрет в механизме, известный только флоту Гелиума и значительно увеличивающий скорость наших машин. Поэтому я надеялся обогнать своих преследователей, лишь бы мне удалось в первое время избегнуть их снарядов.

Я мчался вперед, и свист пуль вокруг убеждал меня, что спасти меня может только чудо. Но кости были брошены, и, дав двигателю полный ход, я взял прямой курс на Гелиум. Мало-помалу мои преследователи отстали, и я уже поздравлял себя с удачей, как вдруг точно направленный с крейсера снаряд взорвался у самого носа моего утлого суденышка. Сотрясение чуть не опрокинуло его, и оно сделало ужасающий прыжок вниз, в ночной мрак. Не знаю, насколько глубоко я упал, прежде чем мне снова удалось овладеть машиной, но, во всяком случае, я был сейчас над самой почвой, так как до меня доносились голоса животных. Поднявшись вновь, я отыскал взором своих преследователей и, окончательно оставляя за собой их огни, увидел, что они опускаются, очевидно, рассчитывая найти меня внизу. Когда их огни уже скрылись из виду, я зажег лампочку над моим компасом и, увидел, что осколок снаряда совершенно испортил мой единственный указатель пути, а также прибор, указывающий скорость полета. Конечно, я мог приблизительно направить свой путь по звездам, но, не зная точного расположения города, я бы вскоре заблудился. Шансы найти при таких условиях Гелиум были весьма невелики.

Гелиум лежит на тысячу миль южнее Зоданги и, с исправным компасом, я мог бы проделать этот путь за четыре или пять часов. Однако утро застало меня летящим с полной скоростью над бесконечной поверхностью высушенного морского дна. Я был в пути уже около шести часов подряд. Вдруг внизу показался город, но это был не Гелиум, так как последний, в отличие от других барсумских городов, состоит из двух больших частей, окруженных огромными круглыми стенами, и удаленных друг от друга миль на 75. Поэтому его легко было бы узнать с той высоты, на которой я летел.

Предполагая, что я взял слишком далеко к северу или западу, я повернул на юго-восток и в течение первой половины дня оставил за собой целый ряд крупных городов, но ни один из них не соответствовал описанию Кантоса Кана. Помимо того, что Гелиум состоит из двух городов-близнецов, другим характерным признаком его являлись две гигантские красные башни, возвышавшиеся чуть

не на целую милю в центре одного из городов и другая такая же, но светло-желтого цвета в другом городе.

24. ТАРС ТАРКАС НАХОДИТ ДРУГА

Около полудня я пролетел низко над большим мертвым городом древнего Марса и, скользя над расстилавшейся за ним долиной, наткнулся на несколько тысяч зеленых воинов, увлеченных жестоким сражением. Не успел я заметить их, как меня осыпал град выстрелов. Они стреляли почти без промаха и вмиг изрешетили мою машину, стремительно рухнувшую на землю.

Я упал в самую гущу битвы среди воинов, даже не заметивших моего приближения, так поглощены они были этой отчаянной схваткой. Они сражались в общем строю длинными мечами, и воин, который вздумал бы отделиться от общей массы, попал бы под огонь своих же скорострельных орудий, стрелявших с фланга.

Когда моя машина опустилась в их толпу, я понял, что надо сражаться или умереть, с большими шансами на последнее, и коснувшись почвы с уже обнаженным мечом, готов был защищаться до последней капли крови.

Я оказался рядом с гигантом, отбивавшимся от трех противников сразу и, заглянув в его мрачное, искаженное яростью битвы лицо, узнал в нем Тарса Таркаса. Он не видел меня, так как я стоял немного сзади, и в этот миг трое его противников, в которых я признал варгунов, одновременно напали на него. Тарс быстро справился с одним из них, но, отступая для нового удара, споткнулся о чей-то труп, упал и таким образом очутился во власти своих врагов. С быстротой молнии набросились они на него. И Тарс Таркас быстрым путем отправился бы к праотцам, если бы я не успел подскочить и отвлечь его противников. Я одолел одного из них, а в это время могучий тарк уже вскочил на ноги и вмиг покончил с другим.

Он взглянул на меня, и быстрая улыбка мелькнула на его суровых устах. Коснувшись моего плеча, Тарс Таркас произнес:

— Я с трудом узнаю вас, Джон Картер, но ни один смертный на всем Барсуме не сделал бы для меня того, что сделали вы. Мне кажется, что на свете действительно существует дружба, мой друг.

Он больше ничего не сказал, да и не было случая для этого, так как варгуны наступали на нас со всех сторон, и мы с ним сражались вместе плечом к плечу все эти долгие жаркие часы до самого вечера, когда напряжение битвы, наконец, ослабло, и остаток свирепой варгунской орды вскочил на своих тотов и умчался в сгустившуюся темноту.

Десять тысяч человек участвовало в этом титаническом сражении, и на поле осталось три тысячи убитых. Ни та, ни другая сторона не просила и не давала пощады и не брала пленных.

Вернувшись после битвы в город, мы отправились прямо к Тарсу Таркасу, где я остался один, а он пошел на обычное заседание совета, всегда собиравшегося после выдающихся военных событий.

В то время, как я сидел, ожидая возвращения зеленого воина, я услышал шум в смежной комнате и, когда заглянул туда, огромное и страшное животное бросилось на меня и опрокинуло на кучу шелковых и меховых покрывал. Это был Вула — верный, любящий Вула! Он нашел обратную дорогу в Тарк, и как Тарс Таркас впоследствии рассказал мне, отправился прямо в мое прежнее жилище и там упорно и безнадежно ждал моего возвращения.

— Тал Хаджус знает, что вы здесь, Джон Картер, — сказал Тарс Таркас, вернувшись из жилища джеддака. — Саркойя видела и узнала вас при вашем возвращении, и Тал Хаджус приказал мне доставить вас вечером к нему. У меня десять тоттов, Джон Картер. Выберите из них любого, и я провожу вас до ближайшего канала, ведущего к Гелиуму. Тарс Таркас суровый зеленый воин, но он также может быть другом. Идем, пора в путь.

— А что будет с вами, когда вы вернетесь, Тарс Таркас? — спросил я.

— Ничего хорошего, — ответил он. — Разве только мне представится так долго желанный случай сразиться с Талом Хаджусом.

— Мы останемся, Тарс Таркас, и мы оба пойдем вечером к Талу Хаджусу! Вы не должны жертвовать собой: кто знает, может быть, вечером вам представится тот случай, которого вы ждете.

Он упорно стоял на своем, говоря, что Тал Хаджус часто приходит в дикую ярость при одной мысли о нанесенном ему мной ударе, и что если он только доберется до меня, я буду подвергнут самым ужасным мукам.

За едой я повторил Тарсу Таркасу драматическую историю, которую Сола рассказала мне ночью во время похода в Тарк.

Тарс мало говорил, но мускулы его резкого лица двигались от волнения и боли при мысли об ужасах, выпавших на долю матери Сола, единственного существа, которое он когда-либо любил за всю свою холодную, жестокую, ужасную жизнь.

Он больше не спорил, когда я предложил отправиться к Талу Хаджусу, и лишь сказал, что хотел бы сначала поговорить с Саркойей. По его просьбе я проводил его к жилищу Саркойи, и брошенный ею на меня исполненный ненависти взгляд был для меня почти наградой за все несчастья, грозившие мне при этом неожиданном возвращении в Тарк.

— Саркойя, — сказал Тарс Таркас, — сорок лет тому назад при вашем содействии была замучена до смерти женщина по имени Гозава. Только что выяснилось, что воин, любивший эту женщину, жив и узнал о вашем участии в этом деле. Он не убьет вас, Саркойя, это не в наших обычаях, но никто не может помешать ему привязать один конец ремня к вашей шее, а другой — к дикому тотту, только лишь чтобы испытать вашу живучесть и пригодность к продолжению нашей расы. Завтра он это сделает, но я считал правильным предупредить вас, так как я человек справедливый. Путь к реке Исс недалог, Саркойя. Пойдем, Джон Картер!

На следующее утро Саркойя исчезла, и с тех пор ее больше не видели.

Молча направились мы ко дворцу джеддака и были немедленно пропущены к его особе. Он с трудом дождался моего прихода, и мы застали его стоящим на возвышении и не сводящим глаз с двери.

— Привяжите его к столбу, — завопил он, — посмотрим, кто он такой, что посмел ударить могущественного Тала Хаджуса! Нагрейте железо! Я собственными руками выжгу ему глаза, чтобы они не оскверняли меня своими гнусными взглядами!

— Вожди Тарка, — закричал я, обращаясь ко всему совету и перебивая Тала Хаджуса. — Я был среди вас вождем и сегодня сражался за Тарк плечом к плечу с его знаменитейшими воинами. Вы должны, по крайней мере, выслушать меня. Эту награду я заслужил. Вы считаете себя справедливым народом...

— Молчать! — заревел Тал Хаджус. — Заткните ему рот и свяжите его, как я приказываю.

— Справедливость, Тал Хаджус, — воскликнул Лоркас Птомель. — Кто ты такой, чтобы пренебрегать обычаями тарков?

— Да, справедливость! — повторили десятки голосов, и как Тал Хаджус ни злился, ни бушевал, я продолжал свою речь:

— Вы храбрый народ и любите храбрость, но где же был ваш могущественный джедак во время сегодняшней битвы. Я не видел его в гуще сражения: там его не было. Он садистски терзает в своем логове незащитных женщин и детей, но часто ли вы видели его сражающимся с мужчинами? Даже я, карлик по сравнению с ним, сшиб его одним ударом кулака. Таков ли должен быть джедак тарков? Здесь, рядом со мной, стоит великий тарк, славный воин и благородный человек. Вожди! плохо ли звучит: Тарс Таркас — джедак тарков?!

Смутный одобрительный гул покрыл мои слова.

— Совету стоит лишь повелеть, и Тал Хаджус должен будет доказать свое право на власть. Будь он храбр, он вызвал бы на поединок Тарса Таркаса, так как он не любит его. Но Тал Хаджус боится. Тал Хаджус, ваш джедак, трус. Я мог бы убить его голыми руками, и он это знает.

Когда я умолк, настало долгое молчание, и глаза всех были устремлены на Тала Хаджуса. Он не произнес ни звука, не шелохнулся, но пятнистый, зеленый цвет его лица стал ярче, и пена застыла у него на губах.

— Тал Хаджус, — холодным, жестким голосом сказал Лоркас Птомель, — за всю мою долгую жизнь я никогда еще не видел джедака тарков в таком унижении. На подобный вызов может быть лишь один ответ. Мы ждем его.

Но Тал Хаджус по-прежнему стоял, словно окаменевший.

— Вожди, — продолжал Лоркас Птомель, — должен ли джедак Тал Хаджус доказать свое право на власть в поединке с Тарсом Таркасом?

Около двадцати вождей мрачно стояли вокруг возвышения, и сразу двадцать мечей взлетело вверх в знак утвердительного ответа.

Теперь не могло быть колебаний. Это решение было окончательным, и Тал Хаджус, вытащив свой длинный меч, двинулся навстречу Тарсу Таркасу.

Поединок продолжался недолго, и, наступив ногой на шею мертвого чудовища, Тарс Таркас стал вождем тарков.

Видя благоприятное отношение воинов к Тарсу Таркасу и ко мне, я воспользовался этим случаем, чтобы привлечь их на мою

сторону в борьбе с Зодангой. Я рассказал Тарсу Таркасу историю моих приключений и в нескольких словах объяснил ему мой план.

— Джон Картер внес предложение, — сказал он, обращаясь к совету, — которое я нахожу достойным внимания. Я кратко изложу его вам. Дея Торис, принцесса Гелиума, бывшая наша пленница, в настоящее время во власти джедака Зоданги и должна выйти замуж за его сына, чтобы спасти свою страну от разрушения зодангскими войсками.

Джон Картер предлагает нам освободить ее и вернуть в Гелиум. Добыча в Зоданге будет великолепная, и я часто думал, что в союзе с народом Гелиума мы могли бы настолько обеспечить себе средства к существованию, что это позволило бы нам увеличить деторождение и, таким образом, достигнуть бесспорного превосходства среди зеленых людей на всем Барсуме. Что вы на это скажете?

Представлялся случай повоевать, случай пограбить, и вожди бросились на приманку, как форель на муху.

В тарках быстро загорелся энтузиазм, и не прошло получаса, как двадцать верховых мчались по ломам высохших морей созывать отдельные орды для экспедиции.

Через три дня мы выступили в поход к Зоданге, в составе не менее ста тысяч зеленых воинов, так как Тарсу Таркасу удалось обещаниями богатой добычи привлечь к участию в походе три более мелкие орды.

Я ехал во главе колонны рядом с великим тарком, а у ног моего тотта трусил Вула, мой дорогой любимый Вула.

Мы двигались только ночью, размеря наши переходы так, чтобы днем останавливаться в покинутых городах, где все мы, и даже животные, прятались в домах, пока светило солнце. Благодаря своим выдающимся способностям Тарсу Таркасу удалось во время похода привлечь в наши ряды еще пятьдесят тысяч воинов других орд, и через десять дней после выступления наша полуторасоттысячная армия прибыла среди ночи к стенам огромного города Зоданги.

Боевая сила орды свирепых зеленых чудовищ соответствовала десятикратному количеству красных людей. Тарс Таркас говорил мне, что никогда еще за всю историю Барсума не было такого числа зеленых воинов, объединенных общей целью. Поддерживать между ними хотя бы видимое согласие составляло огромную трудность и мне казалось чудом, что ему удалось довести их до города без междуусобного кровопролития.

Но, когда мы приблизились к Зоданге, все личные дразги были поглощены общей ненавистью к красным. Зеленые особенно ненавидели жителей Зоданги, которые уже много лет вели беспощадную борьбу с ними, обращая особое внимание на разрушение их инкубаторов.

Теперь, когда мы были перед Зодангой, на меня пала задача открыть доступ в город. Я предложил Тарсу Таркасу разделить войско на два отряда и расположить их против соответствующих городских ворот на таком расстоянии, чтобы их не услышали из города. Затем я взял с собой двадцать пеших воинов и приблизился к одним из меньших ворот, каких много было в стене. Стража у этих

ворот состоит из одного человека, который ходит внутри стены по примыкающей к ней городской улице.

Стены Зоданги имеют 75 футов вышины и 50 толщины. Они выстроены из гигантских глыб карборунда, и задача пробраться в город казалась моему эскорту неразрешимой. Эти люди принадлежали к одной из меньших орд и поэтому не знали меня.

Поставив трех из них лицом к стене, я приказал двум другим влезть им на плечи, а шестому взобраться на плечи к этим двум. Голова верхнего воина возвышалась над землей футов на сорок.

Я продолжил эту пирамиду другими воинами и таким образом получились ступеньки от земли до плеч верхнего воина. Разбежавшись, я вскокил одному из них на плечи и, быстро карабкаясь, добрался до вершины. Ухватившись за край стены, я взобрался наверх и спокойно расположился на ее ровной поверхности. За собой я втянул шесть связанных вместе ремней, принадлежавших стольким же воинам. Дав конец ремней верхнему воину, я спустил другой конец с противоположной стороны стены на проходившую внизу улицу. Никого не было видно и, спустившись по ремню, я благополучно спрыгнул с высоты оставшихся тридцати футов на мостовую.

От Кантоса Кана я знал, как открываются эти ворота, и через минуту мои двадцать бойцов-гигантов вступили в обреченный город Зодангу.

К моей радости, я убедился, что мы находимся в конце огромных дворцовых садов. Само здание дворца, залитое ярким светом, виднелось невдалеке, и я тут же решил повести отряд воинов прямо ко дворцу, в то время как остальная масса нападающих будет штурмовать казармы.

Отправив одного из воинов к Тарсу Таркасу с сообщением о моих намерениях и с просьбой о подкреплении в пятьдесят тарков, я приказал десяти воинам захватить и открыть одни из больших ворот, а сам с оставшимися девятью взял другие. Нам нужно было действовать быстро, без единого выстрела, и общее наступление должно было начаться не раньше, чем я с моими тарками достигну дворца. Наш план удался вполне. Встреченные нами двое стражей были отправлены к своим праотцам на отмели потерянного моря Корус, стража у обоих ворот бесшумно отправилась за ними след.

25. ЗОДАНГСКАЯ ДОБЫЧА

Когда распахнулись захваченные мною ворота, в город на своих могучих тогах въехали пятьдесят тарков с самим Тарсом Таркасом во главе. Я повел их к дворцовым стенам, с которыми легко справился без посторонней помощи. Но, когда я очутился внутри, мне пришлось долго возиться с воротами, пока наконец они не повернулись на своих тяжелых петлях, и мой славный эскорт поскакал по садам джедака Зоданги.

Когда мы приблизились ко дворцу, я заглянул через большие окна первого этажа в ослепительно освещенный призмный зал Тээна Козиса. Огромное помещение было полно придворными и их же-

нами, как будто там происходило что-то особенно торжественное. Снаружи дворца не было видно ни одного стража. Это объяснялось, по-видимому, тем, что городские и дворцовые стены считались неприступными, и дало мне смелость приблизиться к самому окну.

На одном конце зала, на массивных, усыпанных бриллиантами золотых тронах, восседали Тзэн Козис и его супруга, окруженные офицерами и высшими сановниками. Перед ними находилось широкое свободное пространство, охраняемое двумя шпалерами солдат, и как раз в эту минуту в это пространство с дальнего конца зала вступила процессия, приближившаяся затем к подножию трона.

Впереди шли четыре офицера гвардии джедака и несли на пурпурной подушке большую золотую цепь с браслетами и замками по концам. Вслед за этими офицерами четыре других несли роскошные регалии принца и принцессы царствующего дома Зоданги.

У подножия трона эти две группы разделились и остановились лицом друг к другу с двух сторон свободного пространства. Затем прошли другие сановники, гвардейские и армейские офицеры, и, наконец, две фигуры, настолько закутанные в пурпурные шелка, что их лиц нельзя было различить. Обе остановились перед троном, лицом к Тзэну Козису. Когда в зал вступил хвост процессии и все расположились по своим местам, Тзэн Козис обратился к стоящей перед ним паре. Я не слышал его слов, но вот два офицера выступили вперед, откинув пурпурное покрывало с одна из фигур, и я увидел, что миссия Кантоса Кана не удалась — передо мной стоял Саб Тзэн, принц Зоданги.

Тзэн взял с подушки одну из золотых цепей и, надев ее золотой браслет на шею своему сыну, защелкнул замок. Произнеся еще несколько слов, обращенных к Саб Тзэну, он повернулся ко второй фигуре, с которой офицеры снимали окутывающие ее шелка. И я, догадываясь уже о том, что здесь происходит, увидел перед своими глазами Дею Торис, принцессу Гелиума. Цель церемонии была для меня ясна. Еще минута, и Дея Торис была бы навеки соединена с принцем Зоданги. Несомненно, это была великолепная и внушительная церемония, но мне она казалась самым отвратительным зрелищем, при котором я когда-либо присутствовал. И, когда регалии были прикреплены к ее стройной фигуре, и предназначенный для нее золотой ошейник был уже в руках Тзэна Козиса, я занес над его головой свой длинный меч, тяжелым ударом разбил стекло огромного окна и спрыгнул в самую гущу пораженной толпы. Одним прыжком я очутился на ступеньках возвышения рядом с Тзэном Козисом, и пока он стоял, окаменев от изумления, мой меч опустился на золотую цепь, которая готова была сковать Дею Торис с другим.

В один миг все смешалось. Тысячи обнаженных мечей угрожали мне со всех сторон, а Саб Тзэн бросился на меня с украшенным камнями кинжалом, который он выхватил из-за пояса своих свадебных облачений. Я мог бы убить его, как муху, но вековой обычай Барсума остановил меня и, схватив его руку выше кисти в тот миг, когда он замахнулся кинжалом, я сжал ее, как в тисках, и острием своего меча показал на дальний конец зала.

— Зоданга пала! — закричал я. — Смотрите!

Все повернулись в указанном мною направлении, а там ворвал-

шиеся через порталы входа въезжали в зал на своих гигантских тогах Тарс Таркас и его пятьдесят воинов. Крик недоумения и тревоги вырвался из груди собравшихся, но это не был крик страха, и вмиг солдаты и сановники Зоданги бросились навстречу наступавшим таркам.

Столкнув Саб Тзэна с возвышения, я привлек Дею Торис к себе. За тронем открывался узкий проход, но на дороге стоял с обнаженным мечом Тзэн Козис. Мы схватились с ним, и я нашел в нем недюжинного противника.

Пока мы бились с ним на широком возвышении, я увидел поднимающегося по ступенькам Саб Тзэна, спешившего на помощь отцу. Когда он уже занес руку для удара, Дея Торис бросилась между нами, а мой меч как раз нашел на теле Тзэна Козиса ту точку, поражение которой сделало Саб Тзэна джеддаком Зоданги. Видя отца мертвым, новый джеддак оттолкнул от себя Дею Торис, и снова мы с ним оказались лицом к лицу. К Саб Тзэну вскоре присоединились четыре офицера и, прислонившись спиной к одному из золотых тронов, я продолжал сражаться за Дею Торис. Мне было очень трудно защищаться так, чтобы не задеть Саб Тзэна, так как, убив его, я лишился бы последнего шанса стать мужем любимой женщины. Мой клинок мелькал, как молния, отражая удары противников. Двух я обезоружил, но уже другие спешили выручить своего нового правителя и отомстить за смерть прежнего.

Когда они приблизились, послышались вопли: “Убейте женщину! Убейте женщину! Это дело ее рук! Убейте ее!”

Крикнув Дее Торис, чтобы она держалась за мной, я прокладывал дорогу к узкому проходу за тронем, но офицеры разгадали мое намерение, и трое из них прыгнули мне в тыл и лишили меня возможности добраться до такого места, где я мог бы с успехом защищать Дею Торис от их мечей.

Тарки были слишком заняты в середине зала, и я уже чувствовал, что только чудо может спасти Дею Торис и меня, как вдруг увидел Тарса Таркаса, пробивающегося сквозь толпу облепивших его пигмеев. Каждым взмахом своего огромного меча он укладывал десятки врагов и косил их перед собой, пока не добрался до возвышения и не очутился возле меня, сея направо и налево смерть и гибель.

Храбрость воинов Зоданги была достойна уважения. Никто из них не пытался спастись бегством, и битва кончилась лишь тогда, когда кроме Деи Торис и меня во всем зале остались в живых только тарки.

Саб Тзэн лежал мертвый рядом со своим отцом, и цвет зодангской знати покрывал своими телами место кровавой бойни.

Когда битва окончилась, моя первая мысль была о Кантосе Кане, и, оставив Дею Торис на попечение Тарса Таркаса, я взял двенадцать воинов и поспешил с ними в подземелье дворца. Тюремщиков не было на месте, так как они все присоединились к борющимся в тронном зале, и, блуждая по лабиринтам тюрьмы, мы не встречали сопротивления.

В каждом новом коридоре я выкрикивал имя Кантоса Кана, и, наконец, был вознагражден слабым откликом. Идя на звук, мы вскоре нашли Кантоса Кана, беспомощно сидевшего в темной норе.

Его радости не было границ, когда он увидел меня и узнал, что означала битва, смутные отголоски которой долетали до его камеры. Он рассказал мне, что воздушный патруль захватил его, прежде чем он успел достичь высокой башни дворца, и он даже не видел Саб Тзэна.

Мы убедились, что нам никак не удастся перерезать сковывающие его прутья и цепи, и по его совету я вернулся наверх, чтобы снять с убитых тюремщиков ключи от замков его камеры и цепей.

К счастью, один из первых осмотренных трупов оказался останками тюремщика, и вскоре Кантос Кан был с нами в тронном зале.

Грохот артиллерии, смешанный с криками и воплями, долетал до нас с городских улиц, и Тарс Таркас поспешил из зала руководить боем. Кантос Кан сопровождал его в качестве проводника, зеленые воины начали тщательный обыск дворца в поисках оставшихся воинов и добычи, и я остался наедине с Деей Торис.

Она опустилась на один из золотых тронов и, когда я повернулся к ней, приветствовала меня слабой улыбкой.

— Существовал ли когда-либо подобный человек! — воскликнула она. — Я знаю, что Барсум никогда не видел равного вам! Неужели таковы все люди на Земле? Одиноким, чужой, гонимый, осыпаемый угрозами, преследуемый, вы за несколько месяцев достигли того, что мы не могли сделать на Барсуме за все минувшие века, вы соединили воедино дикие орды высохших морей и повели их в бой, как союзников красного марсианского народа.

— Ответ на это прост, Дея Торис, — ответил я, улыбаясь. — Это сделал не я, а любовь — любовь к Дее Торис, сила, способная совершить еще большие чудеса.

Румянец окрасил ее лицо, и она ответила:

— Теперь вы можете говорить это, Джон Картер, и я могу слушать, ибо я свободна.

— И я скажу еще больше, прежде чем это опять станет невозможным, — отозвался я. — В моей жизни было много странных поступков, на которые не осмелились бы более осторожные люди, но я никогда и во сне не мечтал завоевать себе такое создание, как вы, Дея Торис, так как никогда не подозревал о существовании где-то во вселенной принцессы Гелиума. Но вы, это вы, и это заставляет меня усомниться в моем здравом рассудке, когда я прошу вас, моя принцесса, быть моею!

— Не надо смущаться тому, кто прекрасно знает ответ, прежде чем он будет произнесен, — сказала Дея Торис, вставая, и положила свои милые руки мне на плечи.

Я обнял и поцеловал ее. И среди города, полного борьбы и звона оружия, где смерть и разрушения пожидали обильную жатву, Дея Торис, принцесса Гелиума, верная дочь Марса, бога войны, дала свое согласие Джону Картеру, джентльмену из Виргинии.

26. ОТ СРАЖЕНИЙ К РАДОСТИ

Немного позднее Тарс Таркас и Кантос Кан вернулись и сообщили, что Зоданга окончательно покорена. Ее силы совершенно

разбиты, часть их взята в плен, и дальнейшего сопротивления внутри города ожидать не приходится. Правда, несколько боевых кораблей ускользнуло, зато тысячи других, как военных, так и торговых, находились под охраной таркских воинов.

Меньшие орды предались грабежу и дракам между собой, и поэтому было решено собрать сколько возможно воинов, снабдить как можно большее количество судов экипажами из зодангских пленников, и не теряя времени двинуться в Гелиум.

Через пять часов из ангаров двинулся флот из двухсот пятидесяти боевых судов, увозивших около ста тысяч зеленых воинов, а за ними — транспорты с нашими тотами.

За собой мы оставили побежденный город, ставший добычей сорока тысяч свирепых зеленых воинов меньших орд. Они во многих местах подожгли Зодангу. Повсюду поднимались столбы густого дыма, как бы для того, чтобы скрыть от глаз неба это ужасное зрелище.

Вскоре после полудня мы увидели пурпурную и желтую башни Гелиума, и немного спустя сильный флот зодангских боевых кораблей поднялся из лагеря осаждавших город и полетел нам навстречу.

Флаги Гелиума были протянуты от носа до кормы на всех наших могучих кораблях, но зодангцам и не нужно было этого знака, чтобы понять, что мы враги, так как наши зеленые марсианские воины открыли по ним огонь, как только их корабли отделились от почвы. Со свойственной им безошибочностью прицела зеленые поражали своими снарядами приближавшийся флот.

Обе части Гелиума, заметив, что мы союзники, прислали нам на помощь сотни своих кораблей, и тогда началась первая настоящая воздушная битва, в которой мне пришлось участвовать.

Корабли с зелеными воинами кружили над сражавшимися флотами Гелиума и Зоданги, но их батареи были бесполезны в руках тарков, которые, не имея флота, не имели и навыка обращения с корабельной артиллерией. Однако револьверный огонь зеленых воинов был весьма действенен и имел большое, если не решающее влияние на исход боя.

Вначале обе воздушные армии кружили примерно на одной высоте, пуская друг в друга залпы с полного борта. Огромная дыра образовалась в оболочке одного из гигантских кораблей зодангского флота. Качнувшись, он перевернулся вверх дном, и крошечные фигурки его экипажа, вертясь, корчась, извиваясь, полетели вниз с высоты тысячи футов. Сам же корабль со все возрастающей скоростью ринулся вслед за ними и почти совершенно погрузился в мягкую глину древнего морского дна.

Дикий крик восторга донесся с эскадры гелиумцев, и с удвоенной яростью бросились они на зодангский флот. Ловким маневром два гелиумских корабля взвились над противником и стали осыпать его настоящим градом бомб из своих килевых батарей.

Затем остальные корабли Гелиума поднялись один за другим над зодангским флотом, и вскоре многие корабли осаждавших превратились в беспомощные обломки, которые летели вниз к высокой пурпурной башне главной части Гелиума. Другие зодангцы обратились в бегство, но их быстро окружили тысячи крошечных одиноч-

ных летчиков, и над каждым повис гигантский корабль гелиумцев, готовый взять их на абордаж.

Не прошло и часа с того мгновения, как зодангский флот поднялся нам навстречу из осаждавшего город лагеря, как битва была окончена, и оставшиеся суда побежденных зодангцев были направлены к Гелиуму под управлением экипажей победителя.

Необычное трагическое зрелище представляло собой пленение этих могучих судов, так как старинный обычай требовал, чтобы сигналом о сдаче в плен служил добровольный прыжок за борт командира побежденного судна. Один за другим эти храбрецы, держа свой вымпел высоко над головой, бросались с командных мостиков навстречу ужасной смерти.

И только, когда командир всего флота сам совершил роковой прыжок, обозначив этим сдачу остальных судов, окончилось сражение и прекратилась бесполезная трата жизней этих отважных людей.

Мы дали флагманскому кораблю Гелиума сигнал приблизиться, и когда нас могли услышать, я крикнул, что у нас на борту принцесса Дея Торис, и что мы хотим пересадить ее на флагманский корабль, чтобы она могла быть немедленно доставлена в город.

Когда экипаж флагманского корабля вполне уяснил себе смысл сообщения, оттуда донесся долгий восторженный крик, и через минуту цвета принцессы Гелиума взвились повсюду на мачтах гелиумских кораблей. После того, как другие экипажи эскадрильи поняли значение этого сигнала, они подхватили торжествующий крик и развернули в ярких лучах солнца свои цвета.

Флагманский корабль опустился над нами, плавно пошел бок о бок с нашим, и десяток офицеров перескочили на нашу палубу. Когда их изумленный взгляд упал на сотни зеленых воинов, вышедших из-за боевых прикритий, они остолбенели, но при виде направлявшегося им навстречу Кантоса Кана смело пошли вперед и обступили его.

Дея Торис и я подошли тоже, и офицеры не сводили с нее глаз. Она любезно приняла их и назвала по имени каждого, так как все они были люди, занимавшие высокое положение на службе у ее деда, и она хорошо знала их.

— Положите ваши руки на плечо Джону Картеру, — сказал она им, обращаясь в мою сторону, — человеку, которому Гелиум обязан спасением своей принцессы и сегодняшней победой.

Все они отнеслись ко мне очень предупредительно и наговорили массу любезностей, но особенное впечатление произвело на них, по-видимому, то, что я сумел привлечь мрачных тарков для спасения Деи Торис и освобождения Гелиума.

— Вы больше обязаны не мне, а другому, — сказал я, — вот он, один из величайших солдат и государственных людей Барсума — Тарс Таркас, джедак тарков.

С той же безукоризненной вежливостью, которую они выказали по отношению ко мне, приветствовали они великого тарка, и к моему удивлению, он не намного уступал им в непринужденности манер и светском разговоре. Тарки не болтливая раса, но придаёт большое значение форме и часто поражают достоинством и изысканностью манер.

Дея Торис перешла на борт флагманского корабля и была очень огорчена, что я не последовал за ней.

Но я ей объяснил, что пока битва выиграна лишь частично: нам оставалось еще справиться с сухопутными силами зодангцев, и я не хотел покидать Тарса Таркаса, пока и эта задача не будет выполнена.

Командир воздушных сил Гелиума обещал предпринять вылазку из города одновременно с сухопутной атакой тарков, и наши суда расстались. Дея Торис была с триумфом возвращена ко двору своего деда Тардоса Морса, джеджада Гелиума.

На некотором расстоянии позади атакующей флотилии парил в продолжение всей битвы транспортный флот с тотами зеленых воинов. Нам предстояла трудная задача опустить животных без причальных станций, но нам ничего не оставалось делать, кроме как приняться за ее разрешение, и для этой цели мы отлетели миль на десять от города.

Необходимо было опустить животных на петлях, и эта работа заняла остаток дня и половину ночи. Мы были дважды атакованы отрядами зодангской кавалерии, но не понесли больших потерь, а когда стемнело, отряды противника скрылись.

Как только был выгружен последний тот, Тарс Таркас подал сигнал к наступлению, и мы тремя отрядами начали подкрадываться с севера, востока и запада к зодангскому лагерю. С дикими свирепыми криками, сопровождаемыми злобным ревом разъяренных тотом, бросились мы на зодангцев.

Мы не застали их врасплох и встретили линию хорошо укрепленных окопов. Раз за разом отбрасывали они нас, и к полудню я начал уже сомневаться в исходе сражения.

Численность зодангцев доходила до миллиона воинов, собранных от полюса до полюса, куда только достигали ленты их каналов. А против них сгрудились не более ста тысяч зеленых воинов. Войска Гелиума еще не прибыли, и мы не имели никаких сообщений от них.

Ровно в полдень мы услышали орудийный огонь на линии между зодангцами и городами, и поняли, что идет, наконец, так необходимое нам подкрепление.

Тарс Таркас снова отдал приказ наступать, и могучие тоты еще раз понесли своих страшных всадников на редуты врага.

В тот же миг гелиумцы атаковали противоположные брустверы зодангцев; еще немного и зодангцы были раздавлены, как между двумя жерновами. Они сражались храбро, но безрезультатно.

Битва превратилась в настоящую бойню, пока не сдался последний зодангский воин. Но в конце концов резня прекратилась; пленных отвели в Гелиум, а мы вошли через ворота в главный город огромным триумфальным шествием героев-победителей.

Широкие улицы были запружены женщинами, детьми и теми немногочисленными мужчинами, обязанности которых заставляли их оставаться в городе во время сражения. Нас встречали неумолчным ликованием и засыпали золотыми украшениями, платиной, серебром и драгоценными камнями. Город обезумел от радости.

Мои мрачные тарки вызвали необычайное восхищение и энтузиазм. Никогда еще вооруженный отряд зеленых воинов не проходил

через ворота Гелиума, и то, что они входили сюда как друзья и союзники, наполняло красных людей ликованием.

Мои скромные услуги, оказанные Дее Торис, стали уже известны гелиумцам, как это доказывали крики в мою честь и горы украшений, которые нацепляли на меня и на моего тота по пути ко дворцу. Несмотря на грозный вид Вулы, население толпилось вплотную вокруг меня. Когда мы приблизились к величественной башне, нас встретила группа офицеров, тепло приветствовавшая нас и просившая, чтобы Тарс Таркас и его джеды с джедаками и джедами его диких союзников спешили и вошли во дворец принять от Тардоса Морса выражение благодарности за военную помощь.

Наверху больших ступеней, ведущих к главному portalу дворца, стояла группа высокопоставленных особ, и когда мы достигли нижних ступеней, кто-то отделился от нее и пошел нам навстречу. Это был прекрасный образец человеческой породы: высокий, прямой, как стрела, с прекрасно развитыми мускулами и повелительной осанкой. Я сразу догадался, что это был сам Тардос Морс, джедак Гелиума.

Первый, кого он встретил с нашей стороны, был Тарс Таркас, и слова джедака Гелиума, обращенные к моему другу, навек запечатлели нарождающуюся дружбу обеих рас:

— Тардос Морс, — сказал он, — считает неоценимой для себя честью встречу с величайшим из живущих воинов Барсума, но гораздо большим благодеянием является то, что он может положить руку ему на плечо, как другу и союзнику.

— Джедак Гелиума, — ответил Тарс Таркас, — человеку иного мира было дано научить зеленых воинов Барсума чувству дружбы. Ему мы обязаны тем, что орды тарков могут понять вас, что они могут оценить столь великодушно выраженные чувства и ответить тем же.

Затем Тардос Морс поздоровался с каждым из зеленых джедаков и джедов и дружески сказал каждому несколько признательных слов.

Приблизившись ко мне, он положил обе руки мне на плечи.

— Добро пожаловать, мой сын, — сказал он, — вам принадлежит по праву и без спора самая дорогая жемчужина в Гелиуме и на всем Барсуме.

После этого мы были представлены Морсу Каяку, джеду меньшего Гелиума и отцу Деи Торис. Он шел вслед за Тардосом Морсом и казался еще более взволнованным, чем его отец.

Он несколько раз пытался выразить мне свою благодарность, но голос отказывался ему служить, и он не мог ничего произнести, а между тем, как я впоследствии узнал, Морс Каяк пользовался репутацией жестокого и бесстрашного бойца, выделявшегося даже среди воинственных народов Барсума. Наравне с остальными гелиумцами он обожал свою дочь и не мог без глубокого волнения думать об избегнутых ею опасностях.

27. ОТ РАДОСТИ К СМЕРТИ

Десять дней орды Тарса Таркаса и его диких союзников отдыхали и пировали, а затем, нагруженные дорогами подарками и сопровождаемые десятками тысячами гелиумских воинов во главе с Морсом Каяком, двинулись в обратный путь к своим странам. Морс Каяк, джед меньшего Гелиума, с несколькими представителями высшей знати сопровождал их до самого Тарка, чтобы прочнее скрепить новые узы мира и дружбы.

Сола тоже сопровождала Тарса Таркаса, который в присутствии всех вождей признал ее своей дочерью.

Через три недели Морс Каяк и его офицеры, а также Тарс Таркас и Сола возвратились на посланном за ними военном корабле, чтобы присутствовать при церемонии бракосочетания Деи Торис и Джона Картера.

Десять лет прослужил я в советах и бился в армии Гелиума как принц дома Тардоса Морса. Народ не уставал осыпать меня почестями, и не проходило дня без нового доказательства его любви к моей принцессе, несравненной Дее Торис.

В золотом инкубаторе на крыше нашего дворца лежало белоснежное яйцо. Почти пять лет десять солдат гвардии джедака непрерывно дежурили возле него, и когда я бывал в городе, не было дня, чтобы мы с Деей Торис не стояли рука об руку перед этим маленьким алтарем, мечтая о том времени, когда разобьется тонкая скорлупа.

В моей памяти жива картина последней ночи, когда мы сидели там, тихо беседуя о том странном романтическом сплетении обстоятельств, которое связало наши жизни, и о таинстве, сулившем еще увеличить наше счастье и завершить наши надежды.

Вдали мы увидели ярко-белый свет приближавшегося воздушно-го корабля, но не придали особого значения такому обычному зрелищу. Молнией несясь он к Гелиуму, и самая скорость его, в конце концов, показалась нам странной.

Вспыхнули сигналы, означавшие, что на борту есть депеши для джедака, и корабль начал нетерпеливо кружить в ожидании запоздавшей патрульной машины, которая должна была конвоировать его ко дворцу.

Через десять минут после его посадки я был вызван в зал совета, куда уже спускались остальные члены собрания.

По тронному залу ходил взад и вперед с озабоченным видом Тардос Морс. Когда все заняли свои места, он заговорил:

— Сегодня утром, — начал он, — некоторым правительствам Барсума стало известно, что от начальника главной атмосферной станции уже два дня не поступало донесений по беспроводному телеграфу. На почти непрерывные вызовы из нескольких столиц не было дано никакого ответа.

Послы других держав просили нас расследовать это дело и спешно командировать на станцию помощника начальника. Весь день тысяча крейсеров разыскивала его, лишь теперь один вернулся с его мертвым телом, найденным в подвале его дома и ужасно изуродованным неведомым убийцей.

— Мне не приходится говорить вам, какое значение имеет это

для Барсума. Нужны месяцы, чтобы проникнуть через мощные стены станции — эта работа уже на ходу, и не приходилось бы особенно тревожиться, если бы машины насосной установки работали исправно, как это было в течение столетий. Но случилось худшее, чего мы опасались. На всем Барсуме приборы показывают быстрое понижение атмосферного давления — машины остановились.

— Господа, — закончил он, — всем нам осталось жить не более трех дней.

На несколько минут воцарилась глубокая тишина, затем поднялся молодой воин и, подняв над головой обнаженный меч, обратился к Тардосу Морсу:

— Жители Гелиума всегда показывали Барсуму, как народ красных должен жить. Теперь перед нами случай показать, как следует умирать. Вернемся к нашим обязанностям, словно нам предстоит еще тысяча плодотворных лет жизни.

Зал огласился рукоплесканиями, и так как не оставалось ничего лучшего, как попытаться собственным примером успокоить тревогу населения, мы разошлись с улыбкой на губах и гложущей тоской в груди.

Когда я вернулся в свой дворец, слух успел уже достигнуть ушей Деи Торис, и мне пришлось сообщить ей все, что я узнал.

— Мы были очень счастливы, Джон Картер, — сказала она, — и я надеюсь, какая бы судьба ни постигла нас, она позволит нам умереть вместе.

Ближайшие два дня не внесли в воздушное снабжение заметной перемены, но на утро третьего дня на крышах высоких зданий стало труднее дышать. Население высыпало на улицы и площади Гелиума. Остановились все дела. Но большинство народа храбро смотрело в лицо неизбежной судьбе. Тут и там, однако, мужчины и женщины предавались тихому горю.

К середине дня многие начали сдавать, и в течение часа народ Барсума начал тысячами впадать в бессознательное состояние, предшествующее смерти от удушья.

Дея Торис и я вместе с другими членами королевской семьи собрались в низко расположенном саду во внутреннем дворе дворца. Мы почти не разговаривали и только следили, как величественная тень смерти приближается к нам. Даже Вула предчувствовал приближение беды и, жалобно визжа, прижимался к Дее Торис и ко мне.

По просьбе Деи Торис маленький инкубатор был принесен с крыши дворца, и она сидела, с мучительной тоской глядя на неведомую зарождающуюся жизнь, которую ей не суждено было увидеть.

Когда стало заметно труднее дышать, Тардос Морс поднялся и сказал:

— Простимся друг с другом. Дни величия Барсума миновали. Завтрашнее солнце осветит мертвый мир, обреченный вечно блуждать по небесам, не населенный даже воспоминаниями. Это конец.

Он нагнулся, поцеловал женщин и положил свою сильную руку поочередно на плечи мужчин.

Когда я со скорбью отвернулся, мой взгляд упал на Дею Торис.

Ее голова склонилась на грудь. Она уже не казалась живой. С криком подскочил я к ней и поднял ее на руки.

Она открыла глаза и заглянула в мои.

— Поцелуй меня, Джон Картер! — прошептала она. — Я очень, очень люблю тебя! Как жестоко расставаться, когда жизнь только начала приносить нам любовь и счастье.

Когда я прижал ее нежные губы к своим, старое чувство с неудержимой силой овладело мной. Воинственная кровь Виргинии проснулась в моих жилах.

— Это не должно произойти, моя принцесса, — воскликнул я. — Существует, должен существовать какой-нибудь выход, и Джон Картер, из любви к тебе проложивший себе путь из иного мира, найдет его!

И с этими словами на пороге моего сознания возникли один за другим девять забытых звуков. Как луч молнии во мраке, сверкнуло передо мной их подлинное значение. Это был ключ к трем мощным дверям атмосферной станции!

Быстро повернувшись к Тардосу Морсу и прижимая к груди мою умирающую возлюбленную, я закричал:

— Дайте мне летательную машину, джеддак! Скорее! Прикажите подать самую быструю машину на крышу дворца! Я еще могу спасти Барсум!

Он не стал терять времени на расспросы, и вмиг посыльный помчался к ближайшему ангару, хотя воздух был редок и почти исчез на уровне крыш, все-таки удалось снарядить самую быстроходную машину, какую когда-либо производило искусство Барсума.

Расцеловав Дею Торис и приказав Вуле, желавшему сопровождать меня, остаться и охранять ее, я с прежней ловкостью поднял в воздух машину и на полной скорости помчался к цели надежд всего Барсума.

Мне пришлось лететь низко, чтобы иметь возможность дышать, но я избрал прямой путь поперек старого морского дна, и мог держаться всего лишь в нескольких футах над почвой.

Я летел с безумной быстротой, так как мой полет являлся гонкой со смертью. Передо мной все время витал образ Деи Торис. Когда, покидая дворцовый сад, я в последний раз оглянулся, я видел, как она пошатнулась и упала рядом с маленьким инкубатором. Я хорошо знал, что ей грозит скорая смерть, если в ближайшее время не усилится приток свежего воздуха, и отбросил всякую осторожность. Я побросал за борт все, что можно было, вплоть до моих украшений, и лежа ничком на палубе, с одной рукой на рулевом колесе и другой на рычаге скоростей, который я поставил на последнюю зарубку, с быстротой метеора рассекал редкую атмосферу умиравшего Марса.

За час до наступления темноты передо мной неожиданно выросли гигантские стены атмосферной станции, и я резким толчком коснулся почвы перед маленькой дверью, за которой тлела искра жизни целой планеты.

Рядом с дверью большая партия рабочих была занята пробиванием стены, но они успели только слегка поцарапать ее кремнистую поверхность. Многие из них уже уснули последним сном, от которого их не смог бы пробудить даже воздух.

Здесь условия были гораздо хуже, чем в Гелиуме, и я сам дышал с большим усилием. Несколько человек были в сознании, и с одним из них я заговорил:

— Если я открою эти двери, есть ли здесь кто-нибудь, кто мог бы пустить в ход машины? — спросил я.

— Я могу, — ответил он, — если вы только откроете быстро. Я долго не выдержу. Но все это ни к чему, оба хранителя мертвы, а больше никто на всем Барсуме не знает секрета этих ужасных замков. В течение трех дней обезумевшие от страха люди напрасно пытались разгадать их тайну.

У меня не было времени для разговоров, я быстро слабел и с трудом владел своими мыслями.

Но последним усилием, когда от слабости я уже опустился на колени, я послал девять мозговых волн в эту ужасную дверь передо мною. Марсианин скорчился около меня и, устремив глаза на четырехугольник перед нами, мы ждали в смертельном молчании.

Медленно отошла толстая дверь. Я хотел подняться и войти в нее, но был слишком слаб.

— Там, — крикнул я своему спутнику, — когда доберетесь до машин, пустите в ход все насосы. Это единственная надежда на спасение Барсума!

С того места, где я лежал, я открыл вторую и третью двери, и видел, как человек, в котором сосредоточились все надежды Барсума, на четвереньках прополз в нее. Тут я потерял сознание...

28. В ПЕЩЕРЕ АРИЗОНЫ

Когда я вновь открыл глаза, было темно. Странные жесткие одеяния покрывали мое тело, одеяния, рассыпавшиеся в прах, когда я принял сидячее положение.

Я ощупал себя с головы до ног и обнаружил, что был одет, хотя когда я потерял сознание перед маленькой дверью насосной станции, на мне ничего не было. Перед собой я видел узкую полоску освещенного луной неба, проглядывавшего через какое-то отверстие с изорванными краями.

Ощупывая свое тело, я обратил внимание на карманы и нашел спички, завернутые в пергаментную бумагу. Я чиркнул одну из них, и ее слабое пламя осветило нечто похожее на глубокую пещеру, у стены которой я заметил странную безмолвную фигуру, скорчившуюся на небольшой скамье. Приблизившись, я увидел, что это обратившиеся в мумию останки старой женщины с черными волосами, а перед ней стояла жаровня, над которой помещался круглый медный котел с зеленоватым порошком на дне.

Позади нее на плетеных ремнях, свисавших с вышины и протянутых поперек всей пещеры, я увидел ряд человеческих скелетов. От поддерживающего ремня был протянут другой к мертвой руке маленькой старухи. Когда я прикоснулся к нему, скелеты закачались, шелестя, как сухие листья.

Это было странное и ужасное зрелище, и я поспешил выбраться на свежий воздух из этого мрачного места.

Пейзаж, открывшийся моим глазам, когда я вышел на узкий карниз перед входом в пещеру, наполнил меня изумлением.

Новое небо и новый ландшафт представились моему взору. Серебристые горы вдали, почти неподвижная луна на небе, поросшая кактусами долина внизу — не принадлежали Марсу. Я с трудом верил своим глазам, но истина начинала понемногу брезжить в моем мозгу, — передо мной была Аризона и тот самый узкий карниз, с которого десять лет назад я со страстным желанием глядел на Марс.

Закрыв лицо руками, я отвернулся и пошел, разбитый и полный тоски, по тропинке от пещеры.

Надо мной сиял красный глаз Марса, скрывавшего свою ужасную тайну в сорока восьми миллионах миль от меня.

Добрался ли марсианин до помещения с насосами? Успел ли живительный воздух достигнуть обитателей планеты вовремя, чтобы спасти их? Жива ли моя Дея Торис, или ее прекрасное охладевшее тело покоится рядом с маленьким золотым инкубатором в саду внутреннего двора дворца Тардоса Морса, джедака Гелиума?

Десять лет я ждал и молил об ответе на мои вопросы. Десять лет я ждал и молил о том, чтобы вернуться в мир моей потерянной любви. Я предпочел бы лежать мертвым возле нее, чем жить на Земле, на расстоянии этих ужасных миллионов миль.

Старый рудник, который я нашел нетронутым, доставил мне сказочное богатство. Но к чему было оно мне?

В этот вечер, когда я сижу в моем маленьком кабинете с окнами на Гудзон, исполнилось ровно двадцать лет с тех пор, как я впервые открыл глаза на Марсе.

Я вижу сквозь маленькое окно у моего стола, как сияет Марс на небе, но сегодня он как будто опять зовет меня, как еще никогда не звал со времени той первой ночи, и мне кажется, что я вижу сквозь неизмеримое пространство прекрасную черноволосую женщину в саду дворца, а рядом с ней маленького мальчика. Он обнял ее своими ручонками, она показывает ему на небе планету Земля, а у их ног лежит огромное, страшное чудовище с золотым сердцем.

Я верю, что они ждут меня, и что-то подсказывает мне, что я скоро опять увижу их.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
1. В горах Аризоны.....	6
2. Избавление от смерти.....	10
3. Мое вступление на Марс.....	14
4. Пленник.....	19
5. Я ускользаю от своей сторожевой собаки.....	23
6. Битва, одарившая меня друзьями.....	26
7. Дети марсиан.....	28
8. Небесная пленница.....	32
9. Я изучаю язык.....	36
10. Победитель и вождь.....	39
11. Дея Торис.....	45
12. Пленник, облеченный властью.....	49
13. Ухаживание на Марсе.....	53
14. Борьба на смерть.....	57
15. Сола рассказывает мне свою историю.....	63
16. Мы надеемся бежать.....	68
17. Счастливое освобождение.....	75
18. В плену у уорхунцев.....	80
19. Сражение на арене.....	83
20. На атмосферной фабрике.....	86
21. Воздушный разведчик в Зоданге.....	92
22. Я нахожу Дею.....	98
23. Заблудившийся в пространстве.....	104
24. Тарс Таркас находит друга.....	108
25. Зодангская добыча.....	112
26. От сражений к радости.....	115
27. От радости к смерти.....	120
28. В пещере Аризоны.....	123

Книжное издание

ЭДГАР РАЙС БЕРРОУЗ
ПРИНЦЕССА МАРСА

Дочь тысячи джедаков

Редактор В. Татаринов.

Художник И. Фоменко.

Худож. редактор И. Дорохова.

Техн. редактор Н. Глотова.

Корректоры А. Пименова, Л. Рабченок.

ИБ № 2403

Сдано в набор 28.01.91. Подп. к печ. 29.02.92. Форм. бум. 60x90 1/16.

Бумага газетная. Гарнитура шрифта таймс. Печать офсетная.

Печ. л. 8,0. Усл. печ. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 8,5. Уч.-изд. л. 9,48.

Тираж 650000 экз. Изд. № 9768. Зак. № 448. С — 4.

Издательство „Советский композитор”,

103006, Москва, К-6, Садовая-Триумфальная ул., 14-12

Московская типография № 6 Министерства печати и информации РФ,
109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24

Уважаемые читатели!

Всесоюзное издательство "Советский композитор" предлагает вашему вниманию новую серию изданий на 1992 год "Круг чтения", куда войдут книги, составляющие гордость мировой детской литературы:

Киплинг К.

МАУГЛИ

12 л., 6 р. (КБ-46-86-91)

Коллоди К.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПИНОККИО

12 л., 6 р. (КБ-46-87-91)

Льюис К.

ХРОНИКИ НАРНИИ. В 7-ми вып.

7 л., 4 р. (за каждый вып.). (КБ-46-88-91)

Милн А.

ВИННИ-ПУХ И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

16 л., 7 р.

Гэлликот П.

ТОМАСИНА

10 л., 5 р.

Грин А.

АЛЫЕ ПАРУСА. БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ.

ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ

22 л., 9 р.

Толкиен Дж.Р.Р.

КУЗНЕЦ ИЗ БОЛЬШОГО ВУТТОНА

6 л., 4 р. 50 к.

Сетон-Томпсон Э.

**МАЛЕНЬКИЕ ДИКАРИ, ИЛИ ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ДВА
МАЛЬЧИКА ВЕЛИ В ЛЕСУ ЖИЗНЬ ИНДЕЙЦЕВ И ЧЕМУ
ОНИ НАУЧИЛИСЬ**

11 л., 6 р.

Мартынов Г.

ГИАНЭЯ

21 л., 9 р.

По мере выхода из печати указанная литература поступает в продажу в книжные магазины ваших городов, где вы сможете заказать интересующие вас издания.

Наш контактный телефон: 209-19-42.

Отдел распространения и рекламы.

25-00

